

ЖУРНАЛ
НОВОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

№ 5 (57)

Специальный номер

Проблемы
экономической теории

Исследование
российской экономики

Вопросы
экономической политики

История экономической мысли и методология
экономической науки

Горячая тема
Провал общества

2022

Москва

Главные редакторы

В.М. Полтерович, А.Я. Рубинштейн

Редакционная коллегия

В.С. Автономов
(зам. главного редактора)

Ф.Т. Алескеров
(зам. главного редактора)

О.И. Ананьин

В.И. Аркин

Е.В. Балацкий

О.В. Буклемишев
(зам. главного редактора)

Л.Б. Вардомский

А.А. Васин

Д.А. Веселов
(зам. главного редактора)

В.Е. Гимпельсон

Г.Д. Гловели

М.Ю. Головнин
(зам. главного редактора)

Е.Ш. Гонтмахер

Е.Т. Гурвич
(зам. главного редактора)

В.И. Данилов

В.Е. Дементьев

И.А. Денисова

Т.Г. Долгопятова

С.П. Земцов
(зам. главного редактора)

С.Б. Измалков
(зам. главного редактора)

Б.В. Кузнецов

А.М. Либман

Л.Н. Лыкова

Д.С. Макаров

Н.Н. Неновски
(зам. главного редактора)

А.А. Пересецкий

Л.И. Полищук

В.В. Попов

И.Г. Поспелов

В.В. Радаев

А.В. Савватеев

С.А. Смоляк

Т.В. Соколова
(ответственный секретарь)

В.Л. Тамбовцев

М.Ю. Урнов

Т.В. Чубарова

К.В. Юдаева

А.А. Яковлев

Редакционный совет

А.Г. Аганбегян

А.А. Аузан

С.Д. Бодрунов

Р.С. Гринберг

В.И. Гришин

А.А. Дынкин

И.И. Елисеева

Г.Б. Клейнер

Я.И. Кузьминов

В.Л. Макаров

П.А. Минакир

А.Д. Некипелов

С.М. Рогов

М.А. Эскиндаров

И.Ю. Юргенс

Спонсорская поддержка оказана:



и Екатериной Викторовной Черных

© Журнал Новой экономической ассоциации, 2022

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-37276 от 19 августа 2009 г.

ISSN 2221-2264

Журнал НЭА входит в базы данных:

РИНЦ, Web of Science, Scopus, RePEc, EconLit, Ulrich's Periodicals Directory

JOURNAL
OF THE NEW ECONOMIC
ASSOCIATION

5(57)

Special issue

Problems
of economic theory

Studies on the
Russian economy

Issues of economic policy

History of economic ideas and the methodology
of economic science

Hot topic
The society failure

2022

Moscow

Editors-in-chief

Victor Polterovich, Alexander Rubinshtein

Editorial Board

Fuad Aleskerov
(Deputy Editor-in-chief)

Vladimir Avtonomov
(Deputy Editor-in-chief)

Oleg Anan'in

Vadim Arkin

Yevgeny Balatsky

Oleg Buklemishev
(Deputy Editor-in-chief)

Tatyana Chubarova

Vladimir Danilov

Victor Dementiev

Irina Denisova

Tatyana Dolgopyatova

Vladimir Gimpelson

Georgiy Gloveli

Mikhail Golovnin
(Deputy Editor-in-chief)

Yevgeny Gontmakher

Yevsey Gurvich
(Deputy Editor-in-chief)

Sergey Izmalkov
(Deputy Editor-in-chief)

Boris Kuznetsov

Alexander Libman

Lyudmila Lykova

Dmitry Makarov

Nikolay Nenovsky
(Deputy Editor-in-chief)

Anatoly Peresetsky

Leonid Polishchuk

Vladimir Popov

Igor Pospelov

Vadim Radaev

Alexey Savvateev

Sergey Smolyak

Tatyana Sokolova
(Executive secretary)

Vitaly Tambovtsev

Mark Urnov

Leonid Vardomsky

Alexander Vasin

Dmitry Veselov
(Deputy Editor-in-chief)

Andrey Yakovlev

Kseniya Yudaeva

Stepan Zemtsov
(Deputy Editor-in-chief)

Editorial Council

Abel Aganbegyan

Alexander Auzan

Sergey Bodrunov

Alexander Dynkin

Mikhail Eskindarov

Ruslan Grinberg

Victor Grishin

Georgy Kleiner

Yaroslav Kuzminov

Valery Makarov

Pavel Minakir

Alexander Nekipelov

Sergey Rogov

Irina Yeliseeva

Igor Yurgens

Sponsorship provided by



and Ekaterina Viktorovna Chernykh

© Journal of the New Economic Association, 2022

ISSN 2221-2264

The Journal of the New Economic Association is indexed
in Web of Science, Scopus, RePEc, EconLit, Russian Index of Scientific Citation,
Ulrich's Periodicals Directory



Дорогой Виктор Меерович!

Сердечно поздравляем Вас с юбилеем!

Для всех нас Ваше 85-летие – славное событие! Оно дает нам прекрасную возможность пожелать Вам доброго здоровья на многие лета, бодрости духа и отличного настроения, энергии, профессионального и творческого долголетия, благополучия Вашим родным и близким! Хочется выразить нашу огромную признательность за Ваши колоссальные усилия, которые позволили сплотить нас всех в далеком 2009 году вокруг «Журнала Новой экономической ассоциации».

Около 10 000 страниц в 56 номерах «Журнала НЭА», почти 1000 авторов, опубликовавших около 800 оригинальных статей, которые отрецензировали 400 самых квалифицированных рецензентов и прочли примерно 70 000 читателей журнала – вот (промежуточный!) итог нашего коллективного труда под Вашим руководством. Считаем сотрудничество с Вами высокой честью для себя, профессиональным везением и жизненной удачей. И мы искренне благодарны Вам за поддержание творческой рабочей атмосферы.

Ваша уникальная деликатность, неизменная доброжелательность, умение найти верное решение и выход из, казалось бы, трудноразрешимых ситуаций – несомненный залог успешного и устойчивого развития «Журнала НЭА» в современном турбулентном мире!

С глубоким уважением и самыми лучшими пожеланиями!
«ЖУРНАЛ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ»
И ЕГО ПОСТОЯННЫЕ ЧИТАТЕЛИ
27 декабря 2022 года

От редакционной коллегии

В январе 2009 года создана Новая экономическая ассоциация и зарегистрирован ее печатный орган – Журнал Новой экономической ассоциации. Главная цель и ассоциации, и журнала – объединить усилия всех российских экономистов, работающих в Российской академии наук, в высших учебных заведениях, в аналитических центрах, для повышения качества российских экономических исследований и образования.

Журнал публикует статьи как теоретического, так и эмпирического характера, представляющие интерес для достаточно широкого круга специалистов, по всем направлениям экономической науки. Приветствуются междисциплинарные разработки и экономические исследования, использующие методы других наук – физики, социологии, политологии, психологии и т.п. Особое внимание предполагается уделять анализу процессов, происходящих в российской экономике.

Журнал будет реагировать на самые острые проблемы, возникающие в мировой и российской экономике. В связи с этим создана специальная рубрика – «Горячая тема», где будут, в частности, помещаться материалы круглых столов, организованных журналом. В разделе «Научные дискуссии» с 2021 г. публикуются короткие реплики (заметки) к статьям, опубликованным в журнале за последние два года, и возможные ответы авторов на них.

Планируется также публикация рецензий и новостных материалов, посвященных научной жизни в России и за рубежом.

Все рассматриваемые статьи подвергаются двойному анонимному рецензированию. При принятии решения о публикации единственным критерием является качество работы – оригинальность, важность и обоснованность результатов, ясность изложения. Принадлежность автора к тому или иному общественному движению, защита в статье тезисов, характерных для того или иного политического течения, не должны влиять на решение о публикации или отвержении статьи.

Журнал выходит ежеквартально. Как только позволят финансовые условия, мы продолжим публикацию переводов статей на английский язык.

Журнал включен ВАК Минобрнауки России в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Содержание

Проблемы экономической теории

- 14 А.А. Иванов**
Алгоритмы расчета точных значений индексов манипулируемости для случая трех альтернатив
- 24 Д.С. Карабекян**
Об устойчивости результатов для правил агрегирования

Исследование российской экономики

- 39 Е.А. Стрельцова**
Глобальные потоки технологического знания: место России
- 55 М.А. Карцева**
П.О. Кузнецова
Было бы здоровье, а остальное приложится? Эмпирическая оценка отдачи от здоровья в России

Вопросы экономической политики

- 72 Ю.А. Данилов**
Эффективность финансового сектора: существующие концепции и проблема оценки
- 93 Н.А. Розинская**
Т.А. Дробышевская
Количественные оценки межпоколенной мобильности

История экономической
мысли и методология
экономической науки

- 113 М.В. Вакеев**
A compromise between formalism
and realism as a way
to influence economic policy
- 126 А.Р. Мустафин**
Большие циклы,
советская власть и экономисты:
из истории дискуссий
1920-х годов

Горячая тема
Провал общества

- 142 А.Я. Рубинштейн**
Р.С. Гринберг
А.Е. Городецкий
Патерналистское государство
и гражданское общество
- 149 А.А. Гусейнов**
О государстве и обществе
- 153 Л.Д. Гудков**
Инерция государственного
патернализма и его
последствия
- 161 А.П. Заостровцев**
Провалы общества:
как их понимать?

Contents

Problems of economic theory

- 23 A.A. Ivanov**
On the algorithms of exact estimations of manipulability of social choice rules for the case of 3 alternatives
- 37 D.S. Karabekyan**
On the stability of results for aggregation procedures

Studies of the Russian economy

- 54 E.A. Streltsova**
Global flows of technological knowledge: The position of Russia
- 70 M.A. Kartseva**
P.O. Kuznetsova
Stay healthy and – will the rest follow? The impact of health on wages in Russia

Issues of economic policy

- 92 Yu.A. Danilov**
Financial sector efficiency: Present concepts and the estimation problem
- 111 N.A. Rozinskaya**
T.A. Drobyshevskaya
Quantitative estimates of intergenerational mobility

History of economic ideas
and the methodology
of economic science

113 M.B. Bakeev

A compromise between formalism
and realism as a way to influence
economic policy

140 A.R. Mustafin

Long cycles, the soviet authority
and economists: From the history
of discussions of the 1920s

Hot topic
The society failure

148 A. Ya. Rubinstein

R.S. Greenberg

A.E. Gorodetsky

A paternalistic state and civil
society

152 A.A. Guseynov

On state and society

161 L.D. Gudkov

Inertia of state paternalism
and its consequences

167 A.P. Zaostrovsev

The failures of society:
How to understand them?

Проблемы экономической теории



А.А. Иванов

Алгоритмы расчета точных значений индексов манипулируемости для случая трех альтернатив

Д.С. Карабекян

Об устойчивости результатов для правил агрегирования

А.А. Иванов
ИПУ РАН, НИУ ВШЭ, Москва

Алгоритмы расчета точных значений индексов манипулируемости для случая трех альтернатив¹

Аннотация. Манипулирование – ситуация, когда при голосовании один или несколько участников вписывают в бюллетень неискренние предпочтения, чтобы достичь лучшего для себя исхода голосования. Было доказано, что не существует диктаторской процедуры голосования, которая была бы неманипулируемой. Для поиска наименее манипулируемых правил голосования исследователи обычно используют два подхода. Первый – вывод формулы для конкретного индекса манипулируемости для конкретного правила. Ключевое ограничение – необходимость выводить формулу для каждого правила голосования и для каждого индекса. Второй – генерация случайных профилей для получения приближенной оценки индексов. Мы разработали алгоритм, позволяющий получить точные значения индексов манипулируемости для произвольного правила голосования для случая трех альтернатив. Приводится описание алгоритма, описание оптимизаций, оценка требуемой памяти и времени в сравнении с известными в литературе подходами, а также пример полученных результатов.

Ключевые слова: процедуры голосования, манипулирование, алгоритмы манипулируемости, коалиционное манипулирование.

Классификация JEL: D71, D72.

Для цитирования: **Иванов А.А.** (2022). Алгоритмы расчета точных значений индексов манипулируемости для случая трех альтернатив // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 14–23. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-1

Введение

Манипулирование – ситуация, которая возникает при голосовании, когда участник или группа участников записывают в бюллетень неискренние предпочтения, чтобы достичь лучшего для себя результата голосования.

В работах (Gibbard, 1973; Satterthwaite, 1975) было доказано, что не существует диктаторской неманипулируемой процедуры голосования. Позднее такой же вывод был показан (Duggan, Schwartz, 2000) и для случаев множественного выбора, т.е. для ситуаций, когда в процедуре голосования возможны ничьи между двумя и более альтернативами. После этого возник вопрос, если не существует неманипулируемых процедур голосования, то можно ли найти наименее манипулируемую процедуру голосования.

За последние десятилетия был опубликован ряд работ в области исследования процедур голосования на предмет манипулируемости. Такие работы затрагивали исследование как индивидуальной (Chamberlin, 1985; Aleskerov, Kurbanov, 1999), так и коалиционной манипулируемости (Xia, Conitzer, Procaccia, 2010). В работах по исследованию манипулируемости чаще всего используются два подхода. Первый – аналитический вывод формул. Для определенного правила голосования выводится формула для определенного индекса манипулируемости и определенного числа альтернатив. Ключевая проблема такого подхода состоит

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит Ф.Т. Алескерова за консультации при подготовке статьи.

в том, что для каждого правила, каждой модели и каждого индекса придется заново выводить свою формулу. Кроме того, если для скоринговых правил (правило относительного большинства, правило Борда и т.д.) вывод формул представляется возможным, то для более сложных правил, например основанных на мажоритарной матрице или для q -Паретовских правил, вывод формул представляется очень сложной аналитической задачей.

Второй подход – генерация случайного набора профилей и оценка на нем индексов манипулируемости. Несмотря на то что такая генерация позволяет добиться определенной точности, остается вопрос, если одно правило менее манипулируемо, чем другое, не может ли это являться причиной погрешности вследствие генерации лишь части профилей, а не их полного набора.

В этой работе мы представляем алгоритмы, позволяющие произвести расчет точных значений индексов манипулируемости для случая трех альтернатив для моделей Impartial Culture и Impartial Anonymous Culture. Мы приводим пример результатов для правила относительного большинства. Однако по таким же алгоритмам можно рассчитать за разумное время точные значения индексов и для любых других правил.

Модель манипулирования и основные обозначения

Мы рассматриваем модель, в которой n участников голосования выбирают среди m альтернатив. У каждого участника есть предпочтение, выраженное линейным порядком, на множестве альтернатив, т.е. одно из $m!$ предпочтений.

Профиль P – совокупность участников голосования и их предпочтений. Процедура голосования $C(P)$ ставит в соответствие заданному профилю результат процедуры голосования.

Если обозначить за P исходный профиль, а за P' – профиль, где манипулирующий участник или группа участников предъявили неискренние предпочтения, то манипулирование считается успешным, если $C(P') \succ C(P)$ – для манипулирующего участника или группы участников, где знак « \succ » означает, что результат $C(P')$ является более предпочтительным, чем $C(P)$.

Существует два подхода к тому, каким может быть результат голосования $C(P)$, – одиночный и множественный выбор. В рамках концепции одиночного выбора предполагается, что если между двумя или более альтернативами возникла ничья, то для определения победителя используется некоторый дополнительный механизм. Один из самых популярных вариантов – алфавитный (лексикографический) принцип устранения несравнимости. В результате при одиночном выборе процедура голосования дает на выходе одну альтернативу – победителя. Например, если альтернативы $\{a\}$ и $\{b\}$ набрали по четыре голоса и возникла ничья, то выбором будет $\{a\}$ – по алфавитному принципу.

В модели множественного выбора предполагается, что в случае возникновения ничьи между двумя или более альтернативами все такие альтернативы будут входить в результат коллективного выбора. Например, если альтернативы $\{a\}$ и $\{b\}$ набрали по четыре голоса, то выбором будет $\{a, b\}$. Иными словами, результатом процедуры голосования при множественном выборе может являться непустое подмножество множества альтернатив.

Таким образом, исходных предпочтений участника (например, $a \succ b \succ c$) может оказаться недостаточно для сравнения результатов процедуры голосования до и после манипулирования. Например, если до манипулирования результат был $\{b\}$, а после он стал $\{a, c\}$, то стал ли этот результат для участника лучше или хуже?

Что лучше, получить гарантированно вторую лучшую альтернативу или получить ничью между лучшей и худшей альтернативами?

Для ответа на этот вопрос в литературе используются расширенные предпочтения (Barbera, Bossert, Pattanaik, 2004; Aleskerov et al., 2011), которые являются линейным порядком на множестве всех возможных результатов процедуры агрегирования. Для случая трех альтернатив это – четыре метода построения расширенных предпочтений (при предположении, что исходные предпочтения участника $a \succ b \succ c$):

1) *лексимин* – результаты процедур агрегирования сравниваются лексикографически по наихудшей альтернативе. Выбор, у которого худшая альтернатива лучше, является более предпочтительным. Расширенные предпочтения лексимин (здесь и далее подчеркнуты множественные выборы, ранжирование которых различается в зависимости от расширенных предпочтений):

$$\{a\} \succ \{a, b\} \succ \{b\} \succ \{a, c\} \succ \{a, b, c\} \succ \{b, c\} \succ \{c\};$$

2) *лексимакс* – результаты процедур агрегирования сравниваются лексикографически по наилучшей альтернативе. Выбор, у которого лучшая альтернатива лучше, является более предпочтительным. Расширенные предпочтения лексимакс:

$$\{a\} \succ \{a, b\} \succ \{a, b, c\} \succ \{a, c\} \succ \{b\} \succ \{b, c\} \succ \{c\};$$

3) *рискофил* – результаты процедур агрегирования сравниваются по вероятности наилучшей альтернативы в выборе. Выбор, у которого вероятность наилучшей альтернативы в множестве выше, является более предпочтительным. Расширенные предпочтения рискофил:

$$\{a\} \succ \{a, b\} \succ \{a, c\} \succ \{a, b, c\} \succ \{b\} \succ \{b, c\} \succ \{c\};$$

4) *рискофоб* – результаты процедур агрегирования сравниваются по вероятности наихудшей альтернативы в выборе. Выбор, у которого вероятность наихудшей альтернативы в множестве ниже, является более предпочтительным. Расширенные предпочтения рискофоб:

$$\{a\} \succ \{a, b\} \succ \{b\} \succ \{a, b, c\} \succ \{a, c\} \succ \{b, c\} \succ \{c\}.$$

Таким образом, расширенные предпочтения позволяют сравнить все возможные результаты коллективного выбора. Например, если до манипулирования выбор был $\{b\}$, а после стал $\{a, c\}$, то при расширенных предпочтениях лексимакс и рискофил выбором будет успешное манипулирование, а при расширенных предпочтениях лексимин и рискофоб – неуспешное.

Манипулирование может осуществляться как одним участником, так и группой участников. Если манипулирует только один участник, – это индивидуальное манипулирование. Если манипулирует группа участников, – это коалиционное манипулирование.

Профиль считается манипулируемым, если существует хотя бы один участник или коалиция, которые могут провести успешное манипулирование. Профиль считается неманипулируемым, если не существует ни одной успешной попытки манипулирования.

Индексы манипулируемости

В литературе известно несколько индексов манипулируемости. Самый популярный – индекс Нитцана–Келли (NK-index). Он был введен в работах (Nitzan, 1985; Kelly, 1993). NK-index – доля манипулируемых профилей в общем числе профилей:

$NK = \text{число манипулируемых профилей} / \text{общее число профессий}$.

Алгоритм вычисления NK-index.

1. Для каждого профиля сгенерировать все возможные попытки манипулирования.

2. Если хотя бы одна попытка манипулирования является успешной, т.е. $C(P') > C(P)$ для манипулирующего участника или группы участников, согласно их расширенным предпочтениям, то профиль помечается как манипулируемый.

3. Если для профиля не существует ни одной успешной попытки манипулирования, то он помечается как неманипулируемый.

Позднее были введены и другие индексы манипулируемости. Например, в работе (Aleskerov, Kurbanov, 1999) были предложены индексы свободы манипулирования: индексы I_1^+ , I_1^0 и I_1^- .

Для их расчета классифицируем все возможные попытки манипулирования на три категории. Предположим, что всего существует p возможных попыток манипулирования. Тогда p попыток разделяются на:

1) успешные попытки манипулирования (p^+). Таковыми считаются такие изменения предпочтений, при которых результат после манипулирования стал лучше, чем был при записывании в бюллетень искренних предпочтений;

2) неуспешные попытки манипулирования, которые не изменяют результата процедуры агрегирования (p^0). Таковыми считаются попытки манипулирования, при которых результат после манипулирования остается таким же, каким был и до манипулирования;

3) неуспешные попытки манипулирования, которые ухудшают результат (p^-). Таковыми считаются попытки манипулирования, при которых результат после манипулирования стал хуже, чем был до манипулирования.

По определению, $p = p^+ + p^0 + p^-$. Далее мы рассчитываем индексы I_1^+ , I_1^0 и I_1^- как доли попыток, которые ведут к улучшению выбора, такому же выбору и худшему выбору соответственно:

$$I_1^+ = \frac{p^+}{p}; \quad I_1^0 = \frac{p^0}{p}; \quad I_1^- = \frac{p^-}{p}.$$

В сумме эти индексы дают $I_1^+ + I_1^0 + I_1^- = 1$.

Разработанные нами алгоритмы позволяют при необходимости рассчитать и другие индексы манипулируемости.

Вероятностные модели профилей и методы

Чему равны вероятности различных профилей? В литературе используются две наиболее популярные модели вероятностей профилей: Impartial Culture (IC) и Impartial Anonymous Culture (IAC).

В модели IC предпочтения участников равновероятны. Для случая n участников и m альтернатив у каждого участника возможно одно из $m!$ предпочтений, – значит, общее число профилей равно $(m!)^n$.

Можно заметить, что число профилей для случая ИС растет очень быстро. Для случая трех альтернатив и 100 участников будет всего 6.5×10^{77} различных профилей. Генерация такого числа профилей, очевидно, невозможна даже на современных суперкомпьютерах.

В модели ИАС предполагается, что профили равновероятны с учетом анонимности, т.е. два профиля считаются одинаковыми, если их можно получить переименованием участников. В модели ИАС «единогласные профили», т.е. профили, когда все участники имеют одинаковые или почти одинаковые предпочтения, будут более вероятны, чем в модели ИС.

Число профилей в модели ИАС для случая n участников и m альтернатив равно $C_{m^{1+n}-1}^n$. Для случая $n = 100$ и $m = 3$ общее число профилей в ИАС составит 96,5 млн. Такое число профилей можно сгенерировать на современной ЭВМ, равно как и профили для случаев меньшего числа участников.

Мы разработали алгоритмы для расчета точных значений индексов манипулируемости как для модели ИАС, так и для модели ИС. Механизм расчетов для модели ИС, для которой невозможно сгенерировать все возможные профили, строится на генерации всех профилей для модели ИАС с дальнейшим пересчетом числа таких профилей в модели ИС и домножением на соответствующие коэффициенты.

Теорема. Пусть профиль P состоит из $p_1 \dots p_6$ участников ($p_1 + \dots + p_6 = n$) с каждым из $3! = 6$ различных предпочтений, где p_1 – число участников с предпочтениями $a > b > c$, ..., p_6 – число участников с предпочтениями $c > b > a$. Тогда для каждого такого профиля из модели ИАС будет существовать $n! / (p_1! p_2! p_3! p_4! p_5! p_6!)$ профилей в модели ИС.

Доказательство. По определению, если модель ИАС предполагает, что два профиля, которые могут быть получены переименованием участников, являются эквивалентными, то в модели ИС профили, полученные переименованием участников, будут считаться разными профилями. Если заданы число участников $p_1 \dots p_6$ с различными предпочтениями, то в модели ИАС такой ситуации будет соответствовать ровно один профиль, так как все остальные будут эквивалентны из-за возможности переименовать участников. Сколько различных профилей может быть в модели ИС с числом участников $p_1 \dots p_6$? Ответ – все возможные перестановки n участников. Однако так как участники с одинаковыми предпочтениями считаются эквивалентными, их число будет равно числу перестановок с повторениями, т.е. $n! / (p_1! p_2! p_3! p_4! p_5! p_6!)$.

Тогда при расчетах мы можем сначала для каждого сгенерированного профиля в модели ИАС рассчитать индексы манипулируемости, затем посчитать по формуле число таких профилей в модели ИС и получить значение индексов манипулируемости для модели ИС.

Таким образом, механизм расчета для моделей ИС и ИАС следующий:

- 1) генерируем все возможные профили (от 56 – для случая трех участников до 96,5 млн – для случая 100 участников) для модели ИАС;
- 2) для каждого профиля проверяем, является ли он манипулируемым;
- 3) считаем индексы манипулирования для модели ИАС;
- 4) умножаем индексы для этого профиля на число таких профилей в модели ИС, чтобы получить индексы манипулирования для модели ИС.

В результате, генерируя все возможные профили для случая ИАС, мы делаем необходимый пересчет числа таких профилей в модели ИС, чтобы получить точные значения индексов манипулируемости для обеих вероятностных моделей – ИАС и ИС.

Схема расчетов

Стандартный механизм расчета манипулируемости состоит из генерации профилей и их проверки на манипулируемость (например, (Иванов, 2020)):

- 1) генерация профилей;
- 2) для каждого профиля – генерация всех возможных попыток манипулирования, т.е. всех возможных изменений предпочтений манипулирующим участником или группой участников;
- 3) подсчет нового результата коллективного выбора для каждой попытки манипулирования;
- 4) расчет индексов I_1 на основе этих результатов (стал ли новый выбор лучше, таким же или хуже для манипулирующего участника или коалиции);
- 5) расчет индекса НК: если хотя бы одна попытка манипулирования привела к лучшему результату, то профиль считается манипулируемым, и неманипулируемым – в противном случае.

При таком подходе возникают две проблемы.

Первая – число профилей. Для случая IC их число равно $(m!)^n$, поэтому в предыдущих исследованиях в этой области, например в (Aleskerov et al., 2011), генерируются не все профили, а 1 млн случайных профилей. Мы же генерируем все возможные профили для случая IAC, затем домножаем на их число в модели IC, получая тем самым генерацию всех возможных профилей и точные результаты индексов.

Вторая проблема – высокая вычислительная сложность проверки всех профилей на манипулируемость. На третьем шаге требуется посчитать новый результат коллективного выбора для каждой возможной попытки манипулирования. Как следствие – вычислительная сложность равна числу всех профилей, умноженному на число всех возможных попыток манипулирования и на алгоритмическую сложность вычисления результата процедуры голосования для профиля. В (Иванов, 2020) была показана оценка сложности для метода с генерацией 1 млн случайных профилей; для случая трех альтернатив и 100 участников время работы алгоритма составляло 63 часа. Если предположить, что расчеты производились для 96,5 млн профилей (общее число профилей в модели IAC для случая 100 участников), то расчет только одного случая со 100 участниками занял бы более 6000 часов (более 8 месяцев).

Далее используется важное наблюдение, позволяющее снизить сложность расчетов. Идея состоит в том, что при прямолинейном подходе, когда для каждого профиля P генерируются все возможные попытки манипулирования и для всех возможных профилей P' (с неискренними предпочтениями) производятся подсчеты нового результата процедуры $C(P')$, многие расчеты повторяются. Вычисление $C(P')$ может происходить для профилей, для которых результат процедуры голосования на этих профилях уже считался ранее.

Мы достигаем оптимизации, за счет того что результат процедуры голосования считается на каждом профиле только один раз. Для этого мы разделяем процесс вычислений на два этапа. В рамках первого этапа мы генерируем все возможные профили и считаем выбор для каждого правила на этом профиле. Вычислительная сложность данного этапа равна числу профилей (C_{m+n-1}^n) , умноженному на вычислительную сложность процедуры голосования.

В рамках второго этапа мы производим перебор всех возможных попыток манипулирования в каждом профиле. Ключевая идея здесь состоит в том, что на

втором этапе нам не приходится каждый раз пересчитывать результат правила голосования, — мы берем его из посчитанного один раз массива данных.

Если предположить, что в каждом профиле есть p' возможных попыток манипулирования, а вычислительная сложность правила составляет t операций, то прямолинейная модель расчетов предполагает сложность $C_{m^{l+n-1}}^n p' t$ операций (соответствует 6000 часов — по оценкам выше), а модель с разделением вычислений на два этапа предполагает сложность первого этапа в $C_{m^{l+n-1}}^n t$ (подсчет результатов правила голосования для всех профилей) и второго этапа в $C_{m^{l+n-1}}^n p'$ (просчет всех возможных попыток манипулирования), т.е. суммарно получается не $C_{m^{l+n-1}}^n p' t$ операций, а $C_{m^{l+n-1}}^n t + C_{m^{l+n-1}}^n p' = C_{m^{l+n-1}}^n (t + p')$. Поскольку и вычислительная сложность правила (t), и число попыток манипулирования в профиле (p') могут оказаться большими числами, например для случая многораундовых правил и коалиционного манипулирования, эта оптимизация имеет большое значение, но, как минимум, на два порядка повышает скорость расчетов.

Однако используемый метод является более затратным с точки зрения использования памяти. На первом этапе расчетов генерируются все возможные $C_{m^{l+n-1}}^n$ профилей, для каждого профиля высчитывается результат коллективного выбора по каждой процедуре, и результаты сохраняются в памяти. Суммарный размер полученных файлов для случаев от 3 до 100 участников и для разных процедур голосования составляет примерно 260 ГБ.

На втором этапе этот массив данных используется как входные параметры. Программа считывает все профили для заданного числа участников, после чего производится расчет индексов манипулируемости. За счет посчитанных заранее результатов коллективного выбора для каждого профиля на этом этапе после генерации каждой попытки манипулирования можно мгновенно получить новый коллективный выбор для профиля с неискренними предпочтениями и также мгновенно определять, стал ли выбор при попытке манипулирования лучше или хуже.

Отметим, что максимальная нагрузка на память программы составляет не более 700 МБ: для максимального случая (100 участников) нужно хранить в памяти данные о 96,5 млн профилей, для каждого профиля — хранится сам профиль (6 байт) и результат правила коллективного выбора по данному профилю (1 байт), т.е. $96,5 \text{ млн} \times 7 \text{ байт} = 675,5 \text{ МБ}$. Здесь возможна и дополнительная оптимизация при хранении данных в памяти, например, хранить результат коллективного выбора не как 1 байт, а как 3 бита, однако поскольку для современных ЭВМ размер памяти в 700 МБ не является проблемой, мы реализовали хранение в виде более простого подхода, где один параметр хранится в ячейке в один байт.

Результаты

Разработанные алгоритмы позволяют получить точные значения индексов манипулируемости для случая трех альтернатив. Мы провели расчеты для случаев от 3 до 100 участников для различных процедур голосования для четырех типов расширенных предпочтений (РП): лексимин, лексимакс, рискофил и рискофоб для случая ИАС.

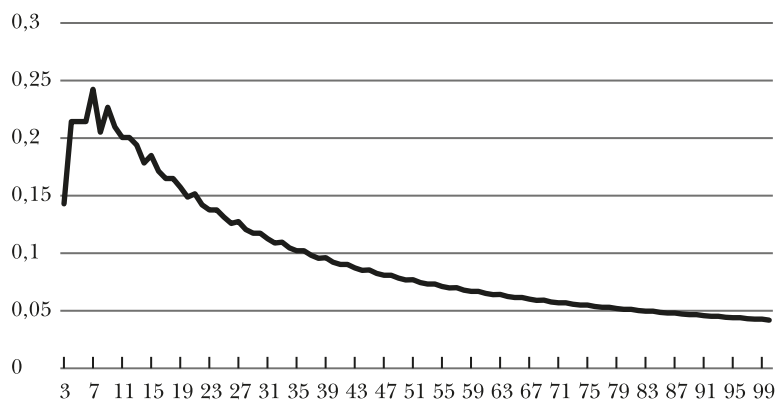


Рис. 1

НК-индекс для правила относительного большинства, РП лексимин

Ниже для иллюстрации результатов мы приводим пример результатов для самого известного правила голосования — правила относительного большинства — для случая индивидуального манипулирования (рис. 1).

Начиная с определенного числа участников, степень манипулируемости начинает снижаться. Это соответствует известным в литературе результатам.

Для проверки результатов мы использовали работы (Aleskerov, Kurbanov, 1999; Aleskerov et al., 2011), в которых расчет проходил с помощью генерации набора случайных профилей. Сравнение результатов показало, что расхождение по индексу НК между точным расчетом и методом генерации случайных профилей составляло в пределах 0,001.

Теперь приведем график для индексов свободы манипулирования (I_1) (рис. 2).

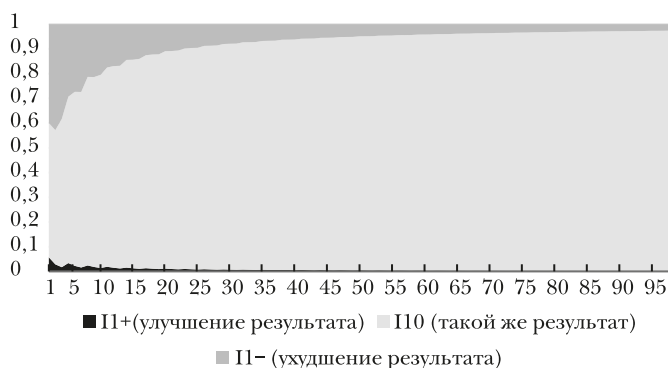


Рис. 2

Индексы свободы манипулирования

Примечание. Темно-серым цветом (см. внизу графика — доля попыток, ведущих к улучшению результата); серым цветом (см. вверху графика — доля попыток, ведущая к ухудшению результата коллективного выбора для манипулирующего участника); светло-серым (центр) — доля попыток манипулирования, ведущих к неизменности результата.

Чаще всего запись в бюллетень неискренних предпочтений приводит к тому, что коллективный выбор не меняется. Это интуитивно понятный вывод, так как особенно на большом числе участников голос одного человека имеет все меньшие значения. Число случаев, когда изменение предпочтений ведет к ухудшению результата, превышает число случаев, когда изменение предпочтений приводит к улучшению результата. Это означает, что манипулирующему участнику нужно быть осторожным, чтобы случайно не получить ухудшенного для себя результата.

Главный результат данной работы – алгоритмы, позволяющие получить точные оценки индексов манипулируемости для случая трех альтернатив. Мы рассмотрели, как возможно посчитать точные значения как для IAC, так и для IC, сделав это за разумное время вплоть до случая 100 участников. Были приведены примеры результатов для Правила относительного большинства, была произведена сверка с известными в литературе результатами, полученными на основе подхода случайной генерации профилей. При этом расчеты были сделаны и для ряда других правил.

Дальнейшее направление исследования – анализ индексов манипулируемости полученных данных для различных правил. В частности, исследование вопроса, можно ли выделить правила голосования, которые Парето-доминируют другие правила в терминах манипулируемости, т.е. являются всегда менее манипулируемыми, чем другие.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Иванов А.А.** (2020). Эффективные вычислительные схемы расчета манипулируемости процедур агрегирования // *Информационные технологии и вычислительные системы*. № 2. С. 38–50. [**Ivanov A.A.** (2020). On efficient schemes of estimating the degree of manipulability of aggregation procedures. *Information Technologies & Computational Systems*, 2, 38–50 (in Russian).]
- Aleskerov F., Karabekyan D., Sanver R., Yakuba V.** (2011). On manipulability of positional voting rules. *SERIE: Journal of the Spanish Economic Association*, 2 (4), 431–446.
- Aleskerov F., Kurbanov E.** (1999). Degree of manipulability of social choice procedures. A. Alkan et al. (eds.). *Current trends in economics. Studies in economic theory*. Berlin, Heidelberg, N.Y.: Springer, 8, 13–27.
- Barbera S., Bossert W., Pattanaik P.** (2004). Ranking sets of objects. In: *Handbook of Utility Theory*. S. Barbera, P.J. Hammond, C. Seidl (eds.). Boston: Kluwer Academic Publishers.
- Chamberlin J.R.** (1985). An investigation into the relative manipulability of four voting systems. *Behavioral Science*, 30 (4), 195–203.
- Duggan J., Schwartz T.** (2000). Strategic manipulability without resoluteness or shared beliefs: Gibbard–Satterthwaite generalized. *Social Choice and Welfare*, 17, 85–93.
- Gibbard A.** (1973). Manipulation of voting schemes. *Econometrica*, 41, 587–601.
- Kelly J.** (1993). Almost all social choice rules are highly manipulable, but few aren't. *Social Choice and Welfare*, 10, 161–175.
- Nitzan S.** (1985). The vulnerability of point-voting schemes to preference variation and strategic manipulation. *Public Choice*, 47, 349–370.
- Satterthwaite M.** (1975). Strategy-proofness and Arrow's conditions: Existence and correspondence theorems for voting procedures and social welfare functions. *Journal of Economic Theory*, 10, 187–217.

Xia L., Conitzer, V, Procaccia A. (2010). A scheduling approach to coalitional manipulation. *Proceedings of the ACM Conference on Electronic Commerce*, 275–284. DOI: 10.1145/1807342.1807386

Поступила в редакцию 05.10.2022

Received 05.10.2022

A.A. Ivanov

National Research University «Higher School of Economics», Institute of Control Sciences, Russian Academy of Sciences (ICS RAS), Moscow, Russia

On the algorithms of exact estimations of manipulability of social choice rules for the case of 3 alternatives

Abstract. Manipulation is a phenomenon when an agent or a group of agents misrepresent her/their preferences in the ballots in order to obtain a better outcome of the social choice. It has been proven that there is no not-dictatorial social choice rule which is non-manipulable. There are two approaches to find the least manipulable social choice rules. The first one implies finding a theoretical formula for each rule. However, there are many known social choice rules and a list of manipulability indices which make this task very hard. The second approach is to generate a set of random profiles to obtain an approximate values of manipulability indices. We developed an algorithm which allows to get not approximate, but exact values of manipulability indices for any given social choice for the case of 3 alternatives. We provide the description of the algorithm, its optimizations, memory and time needed compared to the previously known algorithms, as well as the examples of the results.

Keywords: *manipulability, strategic manipulation, social choice rules, voting.*

JEL Classification: D71, D72.

For reference: Ivanov A.A. (2022). On the algorithms of exact estimations of manipulability of social choice rules for the case of 3 alternatives. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 14–23. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-1

Д.С. Карабекян
НИУ ВШЭ, Москва

Об устойчивости результатов для правил агрегирования¹

Аннотация. При передаче информации о предпочтениях участников голосования могут произойти искажения, которые приведут к изменению итогового выбора. Например, участник мог неверно понять инструкции и ошибиться при заполнении бюллетеня. При этом его мнение могло в данной ситуации оказаться решающим. Используя компьютерное моделирование, мы изучаем, как различные правила реагируют на такого рода искажения для случая 3–5 альтернатив. Один из результатов работы состоит в том, что в отличие от степени манипулируемости правил голосования наиболее устойчивым является одно из наименее информационно требовательных правил: пороговое, причем при росте числа альтернатив данный эффект становится все более значительным. Это связано с падением вероятности повлиять на выбор для таких правил при росте числа альтернатив. Также стоит отметить положительную связь между разрешимостью (средневзвешенным числом альтернатив в выборе) и устойчивостью правил голосования. При исследовании сразу по двум параметрам пороговое правило также является одним из лучших.

Ключевые слова: *правила агрегирования, правила голосования, манипулирование, устойчивость, разрешимость, пороговое правило.*

Классификация JEL: D71.

Для цитирования: **Карабекян Д.С.** (2022). Об устойчивости результатов для правил агрегирования // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 24–37. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-2

1. Введение

Правила агрегирования, частным случаем которых являются правила голосования, стараются включить информацию из всех критериев. Конечно, в каждом конкретном случае какой-то критерий не обязательно является решающим, т.е. изменения в ранжировании по данному критерию могут не влиять на итоговый выбор. Однако для любого разумного правила всегда существует такой профиль ранжирования, когда данный критерий становится решающим. Наличие возможности с помощью искажения ранжирования в одном критерии изменить итоговый выбор приводит к известному результату теоремы Гиббарда–Саттертуэйта: любое недиктаторское правило голосования для трех и более альтернатив является манипулируемым (Gibbard, 1973; Satterthwaite, 1975). Оценка степени манипулируемости существующих процедур агрегирования проводилась в ряде работ (Kelly, 1993; Aleskerov, Kurbanov, 1999; Favardin, Lepelley, 2006; Pritchard, Wilson, 2007; Veselova, 2016; Aleskerov et al., 2018a, 2018b). В каждой работе сравнивались разные правила в различных условиях (распределение профилей, тип манипулирования, отношение к множественному выбору), но в целом большинство работ сходится в том, что наилучшими с точки зрения манипулирования являются правила со сложными структурами, основанные на итеративном исключении альтернатив, — правила Нансона и Хара. Простые правила, использующие мало информации, в частности правило относительного большинства, демонстрировали высокую манипулируемость.

¹ Исследование финансировалось в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит Ф.Т. Алескерова за ценные комментарии по работе, а также А.А. Иванова, В.И. Якубу и Ю.В. Зонтова за помощь в расчетах и визуализации данных компьютерного моделирования.

В то же время искажение предпочтений не обязательно может происходить в результате манипулирования. Изменение в ранжировании может не соответствовать стимулам, задаваемым предпочтениями участника голосования, как в случае манипулирования. Искажение может происходить из-за ошибки при заполнении бюллетеня или, если ранжирование определяется оценками по какому-то критерию, – общей «зашумленностью» при оценивании.

В обоих случаях лучшим правилом в такой концепции является наиболее устойчивое к подобным ошибкам, так как оно не приводит к изменению итогового результата. Если агент не может повлиять на выбор даже в худшую для себя сторону, то его нет смысла подкупать и его ошибка не повлияет на результат.

Тема подкупа была введена в работах (Elkind, Faliszewski, Slinko 2009; Faliszewski, Nemaspaandra E., Nemaspaandra L., 2009) и в дальнейшем изучалась исследователями в области компьютерных наук в основном в разрезе сложности поиска подкупа для разных правил. При этом чаще всего рассматривается не любое изменение предпочтений, а в основном два типа подкупа – перестановка двух альтернатив в предпочтениях или повышение ранга одной из альтернатив.

Понятие устойчивости правил к случайным искажениям впервые упоминалось Калаи (Kalai 2010). В работе изучалась стабильность итогового ранжирования при случайном изменении предпочтений малой долей агентов. Другой подход использовался в работе (Procaccia, Rosenschein, Kaminka, 2007). Изучались случайные искажения в виде ошибки в ранжировании двух соседних альтернатив для известных правил принятия решений и определялась нижняя и верхняя граница их устойчивости. Данный подход был усилен в работе (Shockey, 2008), где рассматривались уже любые случайные искажения.

В этой работе мы предлагаем рассмотреть устойчивость к случайным искажениям широкого класса позиционных и мажоритарных правил голосования для случая 3–5 альтернатив, используя компьютерное моделирование.

2. Модель

Устойчивость профиля можно определить по-разному. В наиболее близких к нашей постановке работах (Procaccia, Rosenschein, Kaminka, 2007; Shockey, 2008) рассматривается *минимальная* по всем профилям доля устойчивых выборов при искажении. В данной работе мы рассмотрим *среднюю* по всем профилям долю устойчивых выборов. Определим ее формально. Пусть m – число альтернатив, а n – число агентов. Мы полагаем ошибку случайной, т.е. вместо искреннего предпочтения агент с равной вероятностью объявляет одно из $m-1$ неискренних предпочтений. Пусть в профиле j и при ошибке агента i в s_{ij} случаях из $m-1$ ошибок выбор для профиля по данному правилу не поменяется. Усредняя данное значение по всем агентам и по всем профилям, получаем следующий индекс:

$$S = \sum_{j=1}^{m^n} \sum_{i=1}^n s_{ij} / (m^n n (m-1)).$$

Фактически индекс S является вероятностью, что случайная ошибка одного агента в случайном профиле не повлияет на коллективный выбор. Чем выше данное значение, тем выше стабильность правила.

Отметим, что данный индекс совпадает с индексом I_1^0 из работы (Алескерова и др., 2009). Данный индекс являлся в этой работе частью группы индексов свободы манипулирования I_1 . Однако, несмотря на свое название, он не привязан напрямую

к манипулированию и единственный из этой группы индексов не зависит от вида расширенных предпочтений, которые там определялись. Очевидно, что ситуация, когда в результате искажения предпочтений выбор не изменился, заведомо является неманипулируемой. В общем случае класс неустойчивых правил шире класса манипулируемых. Можно сформулировать два утверждения.

Утверждение 1. *Любое манипулируемое правило является неустойчивым.*

Доказательство следует из определения манипулируемости. Правило является манипулируемым, если существует профиль, в котором какому-то агенту выгодно исказить свои предпочтения и добиться лучшего для себя исхода. Если такое же изменение произойдет случайно, а не намеренно, то оно также приведет к изменению выбора – как следствие данное правило будет неустойчивым.

Утверждение 2. *Любое правило, определенное на неограниченной области определения предпочтений, которое хотя бы для пары профилей назначает разный выбор, является неустойчивым.*

Доказательство. Возьмем профиль j . Для каждого профиля в силу неограниченности области определения предпочтений есть $(m-1)n$ профилей, в которые можно перейти в результате случайной ошибки. Так как хотя бы для пары профилей имеется разный выбор для доказательства неустойчивости правила, нам необходимо показать, что можно перейти из одного в другой в результате только одной ошибки.

Пусть это не так, и у всех $(m-1)n$ профилей выбор – такой же, как и в профиле j . Возьмем любой профиль среди этих $(m-1)n$ и посмотрим на профили, в которые можно попасть путем случайной ошибки. Пусть и в них выбор такой же, как и в профиле j . Несложно показать, что не более чем за n шагов можно перейти из профиля j в любой другой, поочередно меняя предпочтения каждого агента. Таким образом, мы перебрали все профили и получили, что выбор оказался таким же, как и в профиле j , что противоречит условию. Таким образом, существует два профиля с разными выборами, в один из которых можно попасть вследствие одной случайной ошибки. По определению это означает, что профиль неустойчивый. ■

Если сравнивать утверждение 2 с теоремой Гиббарда–Саттертуэйта, то можно отметить, что диктаторское правило тоже является неустойчивым, так как и диктатор может ошибаться. Также утверждение 2 действует и для случая двух альтернатив (теорема Гиббарда–Саттертуэйта – от трех), а требование существования для каждой альтернативы профиля, когда она выбирается, в утверждении 2 ослаблено до требования существования только пары профилей с разными выборами.

Более широкий класс неустойчивых правил делает задачу поиска наиболее стабильных правил не менее актуальной, чем поиск наименее манипулируемых. В данной работе мы оцениваем индекс S для случаев, когда число альтернатив равно 3–5, а число агентов не превышает 100. Для случая 3–5 альтернатив индекс оценивается на случайной выборке в 1 млн профилей. Анализ производим для 20 правил из трех классов: позиционные, итеративные позиционные и мажоритарные, которые описаны в следующем разделе. Для анализа используются варианты правил из работ (Aleskerov, Kurbanov, 1999; Карабекян, 2012).

2.1. Позиционные правила

В данной группе правил выбор зависит от суммарных очков каждой альтернативы, которые определяются позицией альтернативы в каждом упорядочении. Число очков, которое получает альтернатива a , определяется по формуле $SC(a) = \sum_{i=1}^m sc_i p_i(a)$, где $p_i(a)$ — это число ранжирований, в которых альтернатива a занимает место i , а sc_i — элемент вектора очков sc , который отличается для каждого правила и описан ниже.

Правило относительного большинства (plurality rule): $sc = (1, 0, \dots, 0)$. Выбираются альтернативы с наибольшим SC .

Правило Борда (Borda rule): $sc = (m-1, m-2, \dots, 1, 0)$. Выбираются альтернативы с наибольшим SC .

Одобряющее голосование (approval): $q = 2$, $sc = (1, 1, 0, \dots, 0)$. Выбираются альтернативы с наибольшим SC . Для четырех и пяти альтернатив рассматривается вариант с $q = 3$ и вектором $sc = (1, 1, 1, 0, \dots, 0)$.

Обратное правило относительного большинства (inverse plurality): $sc = (1, \dots, 1, 0)$. Выбираются альтернативы с наибольшим SC . В общем случае совпадает с одобряющим голосованием для $q = m-1$.

2.2. Итеративные позиционные правила

Данная группа правил отличается тем, что поиск выбора требует итеративно изменять профиль и менять вектор sc .

Процедура Хара (правило передачи голосов) (Hare's procedure): $sc = (1, 0, \dots, 0)$. Если существует альтернатива a такая, что $SC(a) > 0,5n$, то она объявляется итоговым выбором. Иначе исключается альтернатива с минимальным SC , и процедура повторяется для того же sc и $m-1$ альтернативы, пока не останется одна альтернатива или у всех альтернатив будет одинаковый SC .

Процедура Кумбса (Coombs' procedure). Сначала рассматривается $sc = (1, 0, \dots, 0)$. Если существует альтернатива a — такая, что $SC(a) > 0,5n$, то она объявляется итоговым выбором. Иначе рассматривается $sc = (1, \dots, 1, 0)$ и исключается альтернатива с минимальным SC . Затем процедура повторяется с таким же чередованием векторов и отбрасыванием, пока не останется одна альтернатива или у всех альтернатив будет одинаковый SC .

Процедура Нансона (Nanson's procedure): $sc = (m-1, m-2, \dots, 1, 0)$. Рассчитывается среднее число очков всех альтернатив \overline{SC} . Исключаются все альтернативы, у которых $SC(\cdot) < \overline{SC}$. Затем процедура повторяется для меньшего числа альтернатив m и того же вектора, пока не останется одна альтернатива или у всех альтернатив будет одинаковый SC .

Процедура Болдуина (Inverse Borda's procedure). $sc = (m-1, m-2, \dots, 1, 0)$. Отбрасываются альтернативы с минимальным SC . Затем процедура повторяется для меньшего числа альтернатив $m-1$ и того же вектора, пока не останется одна альтернатива или у всех альтернатив будет одинаковый SC .

Пороговое правило (threshold rule) (Aleskerov, Chistyakov, Kalyagin, 2010): $sc = (1, \dots, 1, 0)$. Выбирается альтернатива с наибольшим SC . Если таких альтернатив несколько, то применяется вектор $sc = (1, \dots, 1, 0, 0)$ только для сравнения альтернатив с максимальным SC . Если несравнимость осталась, то вектор $sc = (1, \dots, 1, 0, 0, 0)$ и так далее. Процедура останавливается, если альтернатива с наибольшим SC единственная либо перебрали все вектора sc .

2.3. Мажоритарные правила

Данная группа правил использует отношение большинства (мажоритарное). Пусть p_{ab} — число предпочтений, в которых a стоит выше b . Определим мажоритарное отношение следующим образом: $a \mu b \Leftrightarrow p_{ab} > p_{ba}$.

Процедура Блэка (Black's procedure). Определим победителя Кондорсе как альтернативу, которая побеждает любую другую при попарном сравнении, $CW \mu b \forall b$. Если альтернатива CW существует, то она объявляется победителем. Иначе используется правило Борда.

Минимальное доминирующее множество (minimal dominant set). Множество X является доминирующим, если любая альтернатива в этом множестве доминирует по мажоритарному отношению любую альтернативу извне. Доминирующее множество называется минимальным, если никакое другое доминирующее множество не является его подмножеством.

Минимальное недоминируемое множество (minimal undominated set). Множество X является недоминируемым, если не существует никаких альтернатив вне X , которые доминируют по мажоритарному отношению хоть одну альтернативу из X . Недоминируемое множество называется минимальным, если никакое другое недоминируемое множество не является его подмножеством. Если таких множеств несколько, то выбор является объединением.

Минимальное слабоустойчивое множество (minimal weakly stable set). Множество X является слабоустойчивым, если на каждую альтернативу вне X , которая доминирует по мажоритарному отношению хоть одну альтернативу из X , найдется другая альтернатива в X , которая ее доминирует. Слабоустойчивое множество называется минимальным, если никакое другое слабоустойчивое множество не является его подмножеством. Если таких множеств несколько, то выбор является объединением.

Правило Фишберна (Fishburn rule). Построим верхний срез альтернативы x для мажоритарного отношения μ : $D(x) = \{y \in A : y \mu x\}$. Другими словами, это — множество альтернатив, которые лучше x по мажоритарному отношению. На основе верхних срезов строим следующее отношение: $x \gamma y \Leftrightarrow D(x) \subset D(y)$. Выбором является множество альтернатив, не доминируемых по γ .

Непокрытое множество I (uncovered set I). Построим нижний срез альтернативы x для мажоритарного отношения μ : $L(x) = \{y \in A : x \mu y\}$. Иными словами, это — множество альтернатив, которые хуже x по мажоритарному отношению. На основе нижних срезов построим следующее отношение: $x \delta y \Leftrightarrow L(x) \supset L(y)$. Выбором является множество альтернатив, не доминируемых по δ .

Непокрытое множество II (uncovered set II). На основе верхних срезов строим следующее отношение: $x \phi y \Leftrightarrow D(x) \subseteq D(y)$. Выбором является множество альтернатив, не доминируемых по ϕ .

Правило Ричелсона (Richelson rule). На основе нижних и верхних срезов строим следующее отношение:

$$x \sigma y \Leftrightarrow [L(x) \supseteq L(y) \cap D(x) \subseteq D(y) \cap [L(x) \supset L(y) \cup D(x) \subset D(y)]]$$

Это означает, что одновременно должно наблюдаться нестрогое вложение верхних и нижних срезов, но хотя бы одно из вложений должно быть строгим. Выбором является множество альтернатив, не доминируемых по σ .

Правило Коупленда I (Copeland rule I). Построим функцию $u(x) = |L(x)| - |D(x)|$, т.е. принимающую значения, равные разнице мощностей между нижним и верхним

срезами. Выбором являются альтернативы, обеспечивающие максимальное значение функции.

Правило Коупленда II (Copeland rule II). Построим функцию $u(x) = |L(x)|$, т.е. принимающую значения, равные мощности нижнего среза. Выбором являются альтернативы, обеспечивающие максимальное значение функции.

Правило Коупленда III (Copeland rule III). Построим функцию $u(x) = |D(x)|$, т.е. принимающую значения, равные мощности верхнего среза. Выбором являются альтернативы, обеспечивающие минимальное значение функции.

3. Результаты

Для начала рассмотрим случай трех альтернатив. На рис. 1 и 2 даны распределения значений индекса S для порядковых и мажоритарных правил соответственно.

Данные по одобряющему голосованию $q = 2$ не приведены, так как для трех альтернатив данное правило совпадает с обратным правилом относительного большинства.

Можно отметить несколько фактов. Как и в работе (Алескерев и др., 2009), у правил в значении индекса видна цикличность. Это значит, что причина цикличности не в расширенных предпочтениях, которые вводились в той работе, а в самой природе правил, так как устойчивость не зависит от типов расширения и правил устранения несравнимости. Также данные моделирования позволяют отметить два факта: во-первых, с ростом числа агентов устойчивость растет, так как ошибка в одном предпочтении все меньше влияет на общий результат. Во-вторых, для четного числа агентов для большинства правил устойчивость в целом меньше.

Если рассматривать правила, то среди порядковых лучше всех проявляет себя пороговое правило для случая четного числа агентов. Для нечетного чуть выше становятся правила Хара, Нансона и Болдуина. Среди мажоритарных для

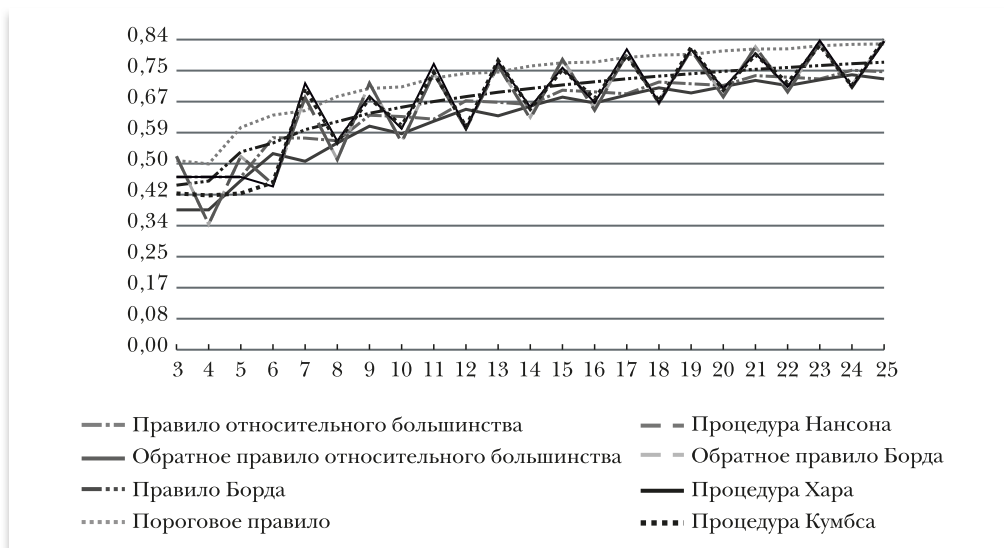


Рис. 1

Устойчивость порядковых правил для трех альтернатив



Рис. 2

Устойчивость мажоритарных правил для трех альтернатив

нечетного числа выделяется процедура Блэка, которая является комбинацией мажоритарных и порядковых правил. Для четного числа агентов наиболее устойчивым правилом среди мажоритарных является правило Коупленда I.

На рис. 3–6 представлены результаты для четырех и пяти альтернатив. Как видно из представленных графиков, выводы для трех альтернатив подтверждаются и даже усиливаются: процедура Блэка и пороговое правило все чаще становятся наиболее устойчивыми. Объединить результаты по всем правилам можно в табл. 1.

Таблица 1

Максимально устойчивые правила

Число агентов	Три альтернативы		Четыре альтернативы		Пять альтернатив	
	правило	значение	правило	значение	правило	значение
3	Мажоритарные + Нансон + Болдуин	0,5222	Нансон	0,5056	Пороговое	0,4667
4	Пороговое	0,5019	Пороговое	0,5671	Пороговое	0,5377
5	Блэк	0,6250	Хара	0,6515	Хара	0,6225
6	Пороговое	0,6336	Пороговое	0,6457	Пороговое	0,6445
7	Хара	0,7197	Хара	0,6939	Пороговое	0,6725
8	Пороговое	0,6839	Пороговое	0,7006	Пороговое	0,6926
9	Блэк	0,7219	Пороговое	0,7182	Пороговое	0,7101
10	Пороговое	0,7100	Пороговое	0,7322	Пороговое	0,7263
11	Хара	0,7721	Хара	0,7529	Пороговое	0,7410
12	Пороговое	0,7463	Пороговое	0,7579	Пороговое	0,7525
13	Кумбс	0,7806	Пороговое	0,7682	Пороговое	0,7622
14	Пороговое	0,7662	Пороговое	0,7757	Пороговое	0,7708

Окончание таблицы 1.

Число агентов	Три альтернативы		Четыре альтернативы		Пять альтернатив	
	правило	значение	правило	значение	правило	значение
15	Нансон	0,7842	Пороговое	0,7838	Пороговое	0,7788
16	Пороговое	0,7770	Пороговое	0,7919	Пороговое	0,7863
17	Хара	0,8116	Пороговое	0,7984	Пороговое	0,7932
18	Пороговое	0,7959	Пороговое	0,8038	Пороговое	0,7988
19	Кумбс	0,8163	Пороговое	0,8094	Пороговое	0,8041
20	Пороговое	0,8071	Пороговое	0,8146	Пороговое	0,8091
21	Нансон	0,8184	Пороговое	0,8196	Пороговое	0,8142
22	Пороговое	0,8127	Пороговое	0,8235	Пороговое	0,8182
23	Хара	0,8352	Пороговое	0,8275	Пороговое	0,8225
24	Пороговое	0,8247	Пороговое	0,8314	Пороговое	0,8261
25	Кумбс	0,8376	Пороговое	0,8349	Пороговое	0,8300
29	Хара	0,8508	Пороговое	0,8474	Пороговое	0,8423
30	Пороговое	0,8445	Пороговое	0,8499	Пороговое	0,8450
39	Нансон	0,8685	Пороговое	0,8688	Пороговое	0,8641
40	Пороговое	0,8651	Пороговое	0,8704	Пороговое	0,8662
49	Нансон	0,8828	Пороговое	0,8833	Пороговое	0,8791
50	Пороговое	0,8818	Пороговое	0,8844	Пороговое	0,8804
59	Нансон	0,8935	Пороговое	0,8937	Пороговое	0,8899
60	Пороговое	0,8924	Пороговое	0,8945	Пороговое	0,8908
69	Нансон	0,9020	Пороговое	0,9018	Пороговое	0,8982
70	Пороговое	0,9001	Пороговое	0,9027	Пороговое	0,8990
79	Нансон	0,9083	Пороговое	0,9086	Пороговое	0,9051
80	Пороговое	0,9078	Пороговое	0,9090	Пороговое	0,9057
89	Нансон	0,9139	Пороговое	0,9141	Пороговое	0,9104
90	Пороговое	0,9131	Пороговое	0,9142	Пороговое	0,9107
99	Нансон	0,9185	Пороговое	0,9186	Пороговое	0,9153
100	Пороговое	0,9173	Пороговое	0,9188	Пороговое	0,9154

Видно сильное доминирование порогового правила, особенно для большего числа альтернатив. Чтобы понять причины, нужно посмотреть на другой аспект правил – разрешимость. Разные правила в силу своей структуры могут давать разную долю множественного выбора. При этом такие ситуации, когда в выборе несколько альтернатив (например, в результате равенства очков для порядковых правил), являются наиболее чувствительными к ошибкам. Можно предположить, что меньшая доля множественного выбора приведет к большей устойчивости. Это также объясняет периодичность, которую мы видели на рис. 1–6. В работе (Алескеров и др., 2009) был введен индекс разрешимости, который определяется как средневзвешенное число альтернатив в итоговом выборе. Мы можем рассмотреть комбинацию разрешимости и устойчивости и посмотреть, как расположены правила в этих координатах. На рис. 7 расположены анализируемые правила для пяти альтернатив и 12 агентов соответственно.

«Идеальное правило» расположено в верхней левой точке – оно максимально устойчиво и всегда дает однозначный выбор. И хотя такого правила

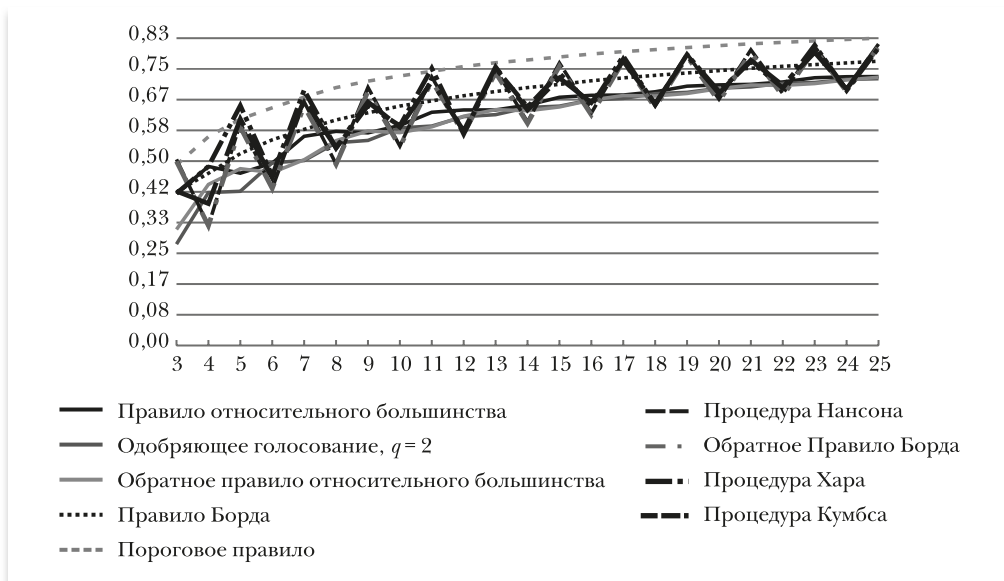


Рис. 3

Устойчивость порядковых правил для четырех альтернатив

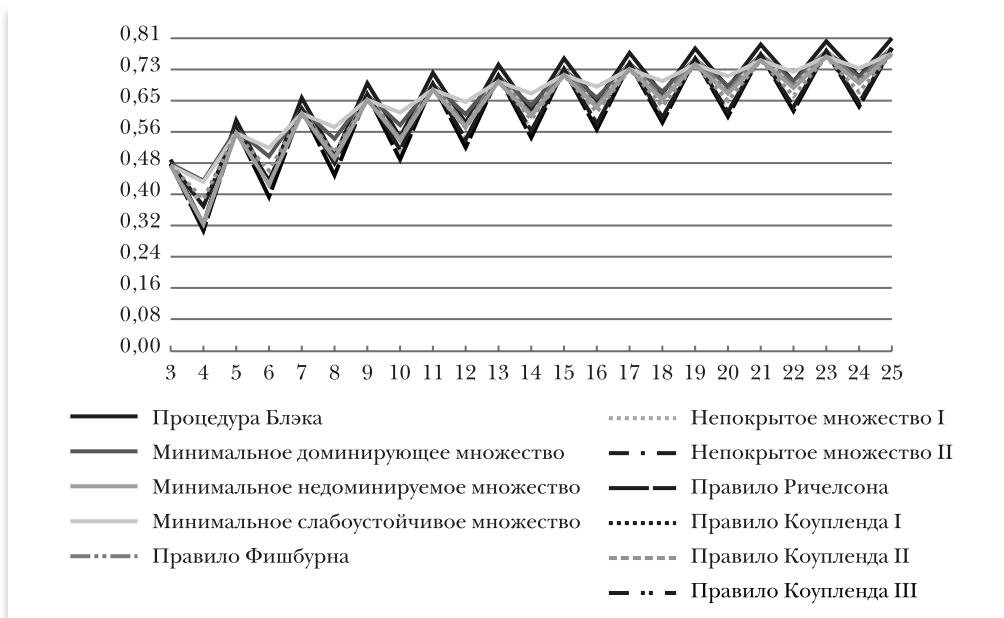


Рис. 4

Устойчивость мажоритарных правил для четырех альтернатив

нет, согласно утверждению 2 можно отметить, что в целом чем выше разрешимость (средневзвешенное число альтернатив в выборе стремится к 1), тем выше и устойчивость. Пороговое правило отличается встроенной в него процедурой устранения несравнимости, что приводит к оценкам, близким к единице. Такая частая однозначность приводит и к большей стабильности. В данной постановке

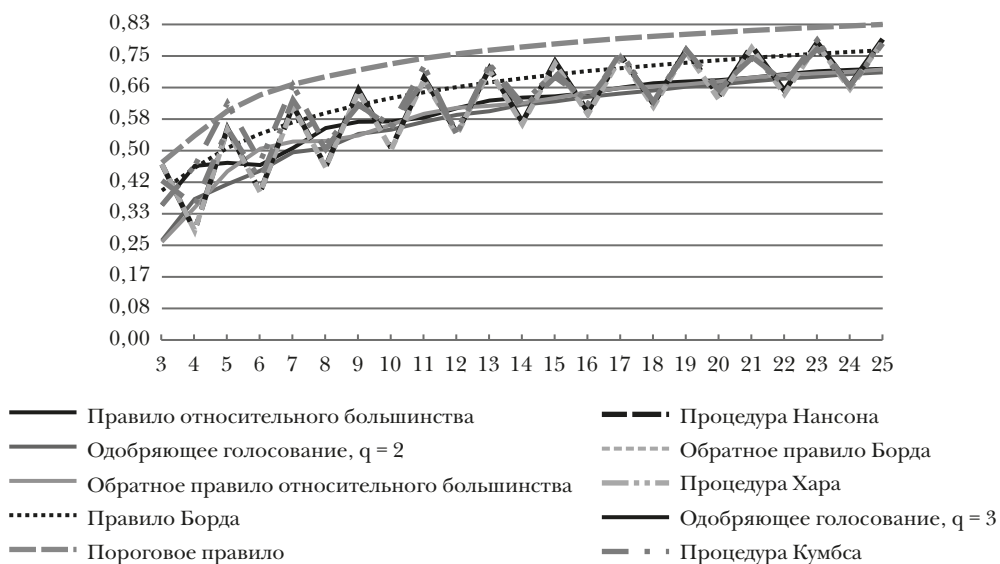


Рис. 5

Устойчивость порядковых правил для пяти альтернатив



Рис. 6

Устойчивость мажоритарных правил для пяти альтернатив

мы можем поставить вопрос о Парето-эффективности, какие правила недоминируемые сразу по двум критериям. Результаты расчетов показаны в табл. 2, они наглядно демонстрируют, что пороговое правило почти всегда Парето-доминирует все остальные правила, за исключением ряда случаев для нечетного



Рис. 7

Разрешимость и устойчивость правил для пяти альтернатив и 12 агентов

числа агентов, когда правила Хара и Кумбса показывают высокую разрешимость. Данные результаты ставят вопрос о поиске новых правил высокой разрешимости со встроенными механизмами устранения несравнимости.

Таблица 2

Недоминируемые правила по устойчивости и разрешимости

Число агентов	Три альтернативы	Четыре альтернативы	Пять альтернатив
3	Мажоритарные + Нансон, Болдуин	Блэк, Пороговое, Нансон	Пороговое
4	Пороговое	Минимальное доминирующее множество, пороговое	Пороговое
5	Блэк, пороговое	Хара	Пороговое, Хара
6	Пороговое	Пороговое	Пороговое
7	Хара	Хара	Пороговое, Хара
8	Пороговое	Пороговое	Пороговое
9	Блэк, пороговое, Нансон, Болдуин,	Пороговое	Пороговое
10	Пороговое	Пороговое	Пороговое
11	Хара	Хара	Пороговое, Хара
12	Пороговое	Пороговое	Пороговое
13	Кумбс	Пороговое, Кумбс	Пороговое, Хара
14	Пороговое	Пороговое	Пороговое
15	Пороговое, Нансон	Пороговое	Пороговое
16	Пороговое	Пороговое	Пороговое
17	Хара	Пороговое, Хара	Пороговое, Хара
18	Пороговое	Пороговое	Пороговое
19	Кумбс	Пороговое, Хара	Пороговое, Хара
20	Пороговое	Пороговое	Пороговое
21	Пороговое, Нансон, Болдуин	Пороговое	Пороговое

Окончание таблицы 2.

Число агентов	Три альтернативы	Четыре альтернативы	Пять альтернатив
22	Пороговое	Пороговое	Пороговое
23	Хара	Пороговое, Хара	Пороговое, Хара
24	Пороговое	Пороговое	Пороговое
25	Кумбс	Пороговое, Кумбс	Пороговое
29	Хара	Пороговое, Хара	Пороговое, Хара
30	Пороговое	Пороговое	Пороговое
39	Пороговое, Нансон	Пороговое	Пороговое
40	Пороговое	Пороговое	Пороговое
49	Нансон, Болдуин, Кумбс	Пороговое, Кумбс	Пороговое, Кумбс
50	Пороговое	Пороговое	Пороговое
59	Нансон, Хара	Пороговое, Хара	Пороговое, Хара
60	Пороговое	Пороговое	Пороговое
69	Пороговое, Нансон	Пороговое	Пороговое
70	Пороговое	Пороговое	Пороговое
79	Пороговое, Нансон, Кумбс	Пороговое, Кумбс	Пороговое, Кумбс
80	Пороговое	Пороговое	Пороговое
89	Пороговое, Нансон, Хара	Пороговое, Хара	Пороговое, Хара
90	Пороговое	Пороговое	Пороговое
99	Пороговое, Нансон	Пороговое	Пороговое
100	Пороговое	Пороговое	Пороговое

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Алескеров Ф.Т., Карабекян Д.С., Санвер Р.М., Якуба В.И.** (2009). Оценка степени манипулируемости известных схем агрегирования в условиях множественного выбора // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1–2 С. 37–61. [**Aleskerov F.T., Karabekyan D.S., Sanver R.M., Yakuba V.I.** (2009). Evaluation of the degree of manipulability of known aggregation procedures under multiple choice. *Journal of the New Economic Association*, 1–2, 37–61 (in Russian).]
- Карабекян Д.С.** (2012). Манипулирование в задаче коллективного принятия решений. Дисс. канд. эконом. наук: защищена 24.05.2012: НИУ ВШЭ. Москва. Режим доступа: <https://www.hse.ru/sci/diss/51729096> [**Karabekyan D.S.** (2012). *Manipulation in collective decision-making problem*. Abstract of Ph.D. of economy science. Moscow: HSE University. Available at: <https://www.hse.ru/sci/diss/51729096> (in Russian).]
- Aleskerov F., Chistyakov V.V., Kalyagin V.** (2010). The threshold aggregation. *Economics Letters*, 107 (2), 261–262.
- Aleskerov F., Ivanov A., Karabekyan D., Yakuba V.** (2018a). Manipulability of majority relation-based collective decision rules. In: I. Czarnowski, R. Howlett, L. Jain (eds.). *Intelligent decision technologies 2017. IDT 2017. Smart Innovation, Systems and Technologies*. Vol. 72. Cham.: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-59421-7_8

- Aleskerov F., Karabekyan D., Ivanov A., Yakuba V.** (2018b). Individual manipulability of majoritarian rules for one-dimensional preferences. *Procedia Computer Science*, 139, 212–220.
- Aleskerov F., Kurbanov E.** (1999). Degree of manipulability of social choice procedures. In: *Current trends in economics*, 13–27. Berlin, Heidelberg: Springer.
- Elkind E., Faliszewski P., Slinko A.** (2009). Swap bribery. In: *International symposium on algorithmic game theory*, 299–310. Berlin, Heidelberg: Springer.
- Faliszewski P., Hemaspaandra E., Hemaspaandra L.A.** (2009). How hard is bribery in elections? *Journal of Artificial Intelligence Research*, 35, 485–532.
- Favardin P., Lepelley D.** (2006). Some further results on the manipulability of social choice rules. *Social Choice and Welfare*, 26 (3), 485–509.
- Gibbard A.** (1973). Manipulation of voting schemes. *Econometrica*, 41, 587–601.
- Kalai G.** (2010). Noise sensitivity and chaos in social choice theory. In: *Fete of combinatorics and computer science*, 173–212. Berlin, Heidelberg: Springer.
- Kelly J.S.** (1993). Almost all social choice rules are highly manipulable, but a few aren't. *Social Choice and Welfare*, 10 (2), 161–175.
- Pritchard G., Wilson M.C.** (2007). Exact results on manipulability of positional voting rules. *Social Choice and Welfare*, 29 (3), 487–513.
- Procaccia A.D., Rosenschein J.S., Kaminka G.A.** (2007). On the robustness of preference aggregation in noisy environments. In: *Proceedings of the 6th international joint conference on Autonomous agents and multiagent systems*, 1–7. N.Y.: Association for Computing Machinery.
- Satterthwaite M.A.** (1975). Strategy-proofness and Arrow's conditions: Existence and correspondence theorems for voting procedures and social welfare functions. *Journal of Economic Theory*, 10 (2), 187–217.
- Shockey D.M.** (2008). *A comparative study of the robustness of voting systems under various models of noise*. Rochester: Rochester Institute of Technology.
- Veselova Y.** (2016). The difference between manipulability indices in the IC and IANC models. *Social Choice and Welfare*, 46 (3), 609–638.

Поступила в редакцию 05.10.2022

Received 05.10.2022

D.S. Karabekyan
HSE University, Moscow, Russia

On the stability of results for aggregation procedures

Abstract. Some distortions are possible in the process of preference aggregation. For example, one voter who is pivotal for some preference profile may not read instructions properly and accidentally submit wrong preference. We study how different voting rules react to these distortions for three, four and five alternatives with computer modelling. One of the results is: contrary to the results for the degree of manipulability estimations the most stable rule is the rule that requires less information from preferences when calculating final results – threshold rule. With more alternatives the difference between this rule and rules that require information about the whole ranking is more visible. So, for the rules that require less information the probability to influence the results goes down when the number of alternatives increases. Another result: the resoluteness (weighted average number of alternatives in the final outcome) is positively correlated with the stability of aggregation procedures. Threshold rule is the best one for the most cases when we consider both stability and resoluteness.

Keywords: *aggregation procedures, voting rules, manipulability, stability, resoluteness, threshold rule.*
JEL Classification: D71.

For reference: **Karabekyan D.S.** (2022). On the stability of results for aggregation procedures. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 24–37. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-2

Исследование российской экономики



Е.А. Стрельцова

Глобальные потоки
технологического знания: место России

М.А. Карцева

П.О. Кузнецова

Было бы здоровье, а остальное
приложится? Эмпирическая оценка
отдачи от здоровья в России

Е.А. Стрельцова

Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва

Глобальные потоки технологического знания: место России¹

Аннотация. Технологическое знание, которое лежит в основе новых технологий и инноваций, является важной составляющей экономического успеха — на корпоративном и национальном уровнях. Его значимость стимулирует различных акторов все активнее включаться в глобальную гонку за талантами, которые обладают таким знанием. В статье обсуждается, насколько успешно в этой гонке выступает Россия. На основе анализа патентных документов в ней изучены интенсивность и паттерны взаимодействия российских изобретателей с зарубежными организациями, и наоборот, — процессы привлечения иностранных специалистов к созданию новых технологий в нашей стране. Сопоставление этих двух потоков — исходящего и входящего — показывает, что Россия пока все еще остается донором технологического знания, а не его реципиентом. Одной из причин является ограниченность круга российских организаций, которые способны конкурировать за технологическое знание на мировой арене. Сохраняющийся дисбаланс между входящими и исходящими потоками особенно заметен в высокотехнологичных и приоритетных для России областях, в первую очередь в сфере ИКТ.

Ключевые слова: потоки знания, открытые инновации, сотрудничество в сфере науки и технологий, утечка умов, технологическое знание, патентный анализ.

Классификация JEL: O31, O33, O34, J61.

Для цитирования: **Стрельцова Е.А.** (2022). Глобальные потоки технологического знания: место России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 39–54. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-3

1. Постановка проблемы

В современном мире наука и технологии являются важными драйверами социального и экономического развития. Этот факт влияет на исследования в области социальных наук, представители которых активно изучают воздействие этих факторов на все социальные процессы, функционирование общества в целом. Такая трансформирующая роль науки, знания в целом, признается сегодня и далеко за пределами этого поля: ставка на научно-технологический прогресс характеризует актуальную политическую повестку многих стран. В России, например, принят ряд программных документов, каждый из которых подчеркивает вклад науки, технологий, инноваций в конкурентоспособность экономики, поддержание национальной безопасности (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации², государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»³ и др.).

Корпоративный мир также осознает ценность этого ресурса. Исследования в области экономики, многие из которых уже стали классикой, демонстрируют прямую корреляцию между затратами организаций на научные исследования и разработки и их продуктивностью, другими экономическими показателями (Griliches,

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-111-50221). Автор выражает благодарность Д.М. Мартынову за помощь в формировании эмпирической базы исследования.

² Утверждено Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642.

³ Утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2019 г. № 377.

1979; Griliches, Lichtenberg, 1984; Jaffe, 1986). Ввиду специфики коммерческой деятельности, где главная цель – получение прибыли, особенно важную роль для бизнеса играет такой ресурс, как технологическое знание, – тип знания, который конвертируется в новые технологии и интеллектуальную собственность (Parayil, 1991). Все чаще сегодня под влиянием глобализации и парадигмы открытых инноваций (Chesbrough, 2003) организации привлекают знания из внешних источников, развивая разные формы кооперации не только с другими организациями, но и напрямую с индивидами, изобретателями, в том числе в зарубежных странах (Howells, James, Malik, 2003; Sonnenwald, 2007; McAusland, Kuhn, 2009). В результате, современный мир пронизан трансграничными потоками технологического знания, которые становятся важным фактором инновационной активности (Oettl, Agrawal, 2008) и предметом исследовательского интереса (Chen, Zhang, Fu, 2019).

Многие исследования, нацеленные на изучение этих потоков, используют методы патентного анализа (Jaffe, Trajtenberg, 1998; Ma, Lee, Chen, 2009), так как именно получение патента является доминирующей стратегией защиты новых технических решений в большинстве областей (Boschma, Balland, Kogle, 2014). Таким образом, данные о патентной активности с высокой степенью достоверности отражают процессы разработки новых технологий (Strumsky, Lobo, Leeuw, 2012). Кроме того, патенты содержат информацию об изобретателях (авторах изобретения) и патентообладателях (юридических или физических лицах, за которыми закреплено право на интеллектуальную собственность), в том числе указание их национальности в первом случае и места регистрации – во втором.

Анализ этих сведений позволяет выделить три формы трансграничного сотрудничества между:

- 1) патентообладателями из нескольких стран (институциональная кооперация);
- 2) изобретателями из нескольких стран (международные изобретательские команды);
- 3) патентообладателями из одной страны и изобретателями – из другой.

Первые две формы являются примерами симметричного, или паритетного, сотрудничества, т.е. подразумевают обмен знаниями между изобретателями и равноправное использование полученных результатов. В последнем случае – когда автор изобретения представляет одну страну, но права на его использование закреплены за другой – можно говорить об асимметричном взаимодействии и потенциально однонаправленном перетоке знаний. Несмотря на возможные социальные и экономические издержки такого сотрудничества, именно эта форма остается сегодня мало изученной не только представителями российской, но и зарубежной науки. Причиной тому – техническая сложность сбора и обработки такой информации (Ma et al., 2009; Nepelski, De Prato, 2015).

Данная статья призвана восполнить существующий пробел: в ней представлены результаты анализа потоков технологического знания между Россией и зарубежными странами на основе данных о трансграничном сотрудничестве изобретателей и патентообладателей. При этом исследование ставит перед собой задачу не только количественно измерить эти потоки, оценить их интенсивность, но и определить их географию – выявить регионы и страны, с организациями которых предпочитают сотрудничать изобретатели из России, и наоборот, – которые можно рассматривать в качестве источников технологического знания для российских науки и экономики.

Решение этих исследовательских задач имеет очевидную научную и прикладную ценность. Такой вид *сотрудничества с зарубежными организациями можно обоснованно рассматривать как одну из форм латентной утечки умов* — данная работа позволяет установить масштабы и структурные особенности этого процесса, отвечая, таким образом, на вопрос о том, является сегодня Россия скорее донором или реципиентом технологического знания.

2. Глобальные потоки технологического знания: исследовательская повестка

Понятие «технологическое знание» широко используется в научной литературе, начиная с середины прошлого века (Argow, 1969). При этом и сегодня оно употребляется в различных контекстах как результат сосуществования множества определений. Так, например, в исследованиях образования данный термин употребляется для обозначения осведомленности о различных технологиях, умения их использовать (Nordstrom, 2014; Sundqvist, 2020). В области менеджмента — порой как синоним самой технологии, представленной в кодифицированной форме. В таком случае исследователи рассматривают потоки технологического знания как процесс передачи патентов, лицензий, ноу-хау между организациями, в том числе из разных стран (Montobbio, Sterzi, 2012). Нередко под *технологическим знанием* понимают техническую информацию, которая содержится в патентах или научной литературе. При таком подходе его международные знания изучают, как правило, на основе анализа цитирований (Hu, Jaffe, 2003; Kotabe et al., 2007; Wu, Mathews, 2012; Hassan, Haddawy, 2013). Но все же чаще этот процесс ассоциируют с личным участием самого носителя технологического знания, поскольку неявное знание (tacit knowledge) является его важной составляющей (Balconi, 2002; Cimoli, Coriat, Primi, 2009; Montobbio, Sterzi, 2013).

Этот факт в совокупности с убежденностью исследователей в том, что технологическое знание всегда имеет практическую, прикладную направленность, т.е. воплощается, как правило, в новых технологиях и инновациях, делает обоснованным изучение его потоков на основе патентного анализа (Xiang et al., 2013). Данный методологический подход традиционно используется для решения различных исследовательских задач, связанных с развитием технологий (Гохберг, 2003; Boschma et al., 2014; Стрельцова, Кузьмин, 2019; Клыпин, Вьюнов, 2020), в том числе для анализа совместной деятельности их создания (Lei et al., 2013). Кто разрабатывает новые технологии? Где? И вместе с кем? Кому принадлежат на них права? И как этот процесс стимулирует трансграничное сотрудничество? На эти и многие другие вопросы дает ответ анализ патентных документов, содержащих подробные сведения об изобретателе и патентообладателе, странах, которые они представляют, дате подачи заявки и др.

Используя данный подход, Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) установила, что с начала 2010-х годов в мире наблюдается быстрый рост интенсивности международной кооперации в области создания новых патентуемых технологий (Goldman et al., 2014)⁴. Доля патентных заявок на изобретения, авторами которых являются изобретатели сразу из нескольких стран, резко возросла. Так, например, уже в 2011–2013 гг. свыше половины патентных заявок США были поданы на изобретения, разработанные с участием иностранных специ-

⁴ В целом, это — долгосрочный тренд, который сохраняет свою устойчивость на протяжении нескольких десятилетий. В частности, исследование (Capwell, 1989) показало, что число международных патентных заявок (с заявителями и изобретателями из разных стран) значительно увеличилось уже в период с 1969 по 1986 г.

алистов (в основном, из Китая и Индии). Еще несколько стран – Япония, Германия, Китай – так же активно включены в глобальные процессы обмена технологическим знанием. Российские организации тоже привлекают высококвалифицированных иностранных специалистов: в этот период авторы из зарубежных стран были указаны в каждой пятой российской патентной заявке на изобретение (там же).

При этом очевидно, что страны играют разные роли в этом процессе глобального перемещения технологического знания (Guellec, Potterie, 2001). Некоторые из них традиционно являются его импортерами: здесь входящие потоки стабильно превышают исходящие (Miguelez, Fink, 2013). Анализ трансграничных перемещений изобретателей показал, что к началу 2010-х годов наиболее активными импортерами были азиатские технологические хабы Гонконг и Сингапур (Oettl, Agrawal, 2008). Небольшие европейские страны – например Венгрия, Швеция, Финляндия, – напротив, выступали в качестве источников технологического знания для других экономик.

Сегодня активно включен в процессы трансграничного взаимодействия и новый мировой лидер по многим показателям научно-технологического развития – Китай (Индикаторы науки ..., 2021). Д. Непельски и Г. Де Прато (Nepelski, De Prato, 2015) детально изучили потоки технологического знания *из и в* эту страну. Они установили, что в 1990–2009 гг. заметно усилилась интенсивность взаимодействия в обоих направлениях: все больше иностранных изобретателей стали работать на китайские компании, и наоборот: все больше китайских разработчиков взаимодействовали с зарубежными организациями, создавали для них новые технологии. Несмотря на позитивный рост в обоих случаях, исходящие потоки неизменно опережали входящие по объему патентования. Так, например, в 2009 г. китайские заявители подали около 200 патентных заявок на изобретения, среди авторов которых были граждане других стран. При этом число заявок на изобретения, в которых авторы из Китая, а заявители из других стран, превысило 1,5 тыс. Используя терминологию из области международной торговли, авторы констатируют, что в результате несоответствия потоков технологического знания его дефицит в стране на протяжении 1990–2009 гг. составлял ежегодно, в среднем, около 300%.

Анализируя патентные документы в разрезе технологий, исследователи установили, что наиболее востребованными за рубежом оказались компетенции китайских изобретателей в областях, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). На них суммарно приходилось свыше половины заявок на изобретения, разработанных авторами из Китая для других стран (там же). Эти результаты подтверждает и другое исследование, в рамках которого был изучен вклад «этнических» изобретателей в патентную активность США⁵ (Kerr S., Kerr R., 2015). Эта работа показала, что компании – разработчики технологий чаще привлекали специалистов из-за рубежа именно в высокотехнологичных областях. К 2005 г. около 40% американских изобретений в таких областях, как электроника и электрооборудование, компьютеры и связь, фармацевтика и медицина, были разработаны с участием «этнических» изобретателей.

Ключевыми магнитами технологического знания являются крупные организации, глобальные корпорации, успешность которых во многом зависит от эффективности поиска и привлечения такого знания по всему миру (knowledge sourcing) (Howells et al., 2003; Hong, Snell, Easterby-Smith, 2009; Dachs, Ebersberger,

⁵ К «этническим» изобретателям в данном исследовании авторы относят представителей всех этносов, кроме американцев США.

2009; Marino et al., 2020). Используемые ими формы работы с изобретателями из других стран весьма диверсифицированы. По оценке А. Бергек и М. Брузелиус (Bergek, Bruzelius, 2010), 60% их изобретений, созданных с участием иностранных авторов, — результат работы «на расстоянии». Нередко компании открывают за рубежом свои национальные представительства, научно-исследовательские подразделения, лаборатории и нанимают для работы в них сотрудников из числа местных жителей. Права на технологии, разработанные в таких подразделениях, зачастую закреплены за головным офисом.

Часть же изобретений — результат миграции высококвалифицированных кадров в страну, где базируется компания. Это может быть временная трудовая миграция или переезд на постоянное место жительства. В случае если изобретатель сохраняет тесные связи со страной эмиграции, не меняет гражданства, в патентных документах он (она) может по-прежнему указывать код именно этой страны, даже находясь физически в другом государстве (Montobbio, Sterzi, 2013). По мнению А. Бергек и М. Брузелиус (Bergek, Bruzelius, 2010), на такую форму взаимодействия приходится порядка 40% изобретений, разработанных авторами одной страны для организаций другой. С. Керр и В. Керр (Kerr S., Kerr R., 2015) дают несколько иную оценку — 30%.

Вне зависимости от того, какой именно результат расчетов является более точным, изучение совместной работы изобретателей и патентообладателей из разных стран представляет большой исследовательский и практический интерес: с одной стороны, этот процесс характеризует эмиграцию высококвалифицированных кадров из страны, с другой — латентную «утечку умов», когда изобретатели продолжают работать в своей родной стране, но результаты их работы «мигрируют» в другую. Далее в статье представлены методология изучения таких взаимодействий между Россией и другими странами и ключевые результаты исследования.

3. Эмпирическая база и методология исследования

В основе исследования лежит статистический анализ данных о патентной активности — подаче заявок на получение патента на изобретение. Традиционно эмпирической базой такой работы выступают именно *патентные заявки*: в отличие от патентов, до выдачи которых с момента подачи заявки обычно проходит два–три года, они позволяют получить более актуальный срез⁶ (Picci, 2010). Известно, что на одно изобретение может быть подано несколько патентных заявок (в разных странах). Чтобы избежать двойного счета, в данном исследовании каждое изобретение учитывалось только один раз. Оно приписывалось тому году, когда была подана первая заявка на выдачу патента.

В качестве источника информации использована международная база PatStat Global, которая агрегирует данные большинства патентных офисов мира, включая крупнейшие — Ведомство по патентам и товарным знакам США (USPTO), Европейское (ЕРО) и Японское (JPO) патентные ведомства. Эта база содержит первичные документы, что позволяет проводить самостоятельные расчеты показателей, не публикуемых в рамках традиционной патентной статистики. Именно к таким относятся показатели, характеризующие совместную активность изобретателей и патентообладателей из разных стран. С учетом необходимости измерения

⁶ OECD Patent Statistics Manual. Paris: OECD, 2009 (<https://www.oecd.org/sti/inno/oecdpatentstatisticsmanual.htm>).

потоков технологического знания в динамике для анализа выбран период с 2010 по 2019 г.⁷

Для целей исследования на основе данных PatStat Global было сформировано два массива патентных документов. Первый стал основой для анализа входящих потоков технологического знания (в Россию из-за рубежа). Он содержит патентные заявки на изобретения, в которых все указанные заявители⁸ – резиденты России и при этом по крайней мере один изобретатель – из другой страны. В массив не включались заявки, в которых, наравне с российскими заявителями, указаны заявители из тех стран, которые представляют изобретатели (например, заявители – компании из России и Франции и изобретатели из этих же двух стран). Такие заявки характеризуют интенсивность институциональной кооперации, когда организации из нескольких стран объединяют свои ресурсы, в том числе кадровые, для разработки новой технологии или продукта. Данный тип взаимодействия представляет несомненный интерес для изучения международного сотрудничества, но не входит в предметное поле данного исследования. Кроме того, из массива удалены патентные заявки, зарегистрированные на российские представительства глобальных корпораций (например, Siemens, American Tobacco и др.).

Второй массив данных включает все патентные заявки на изобретения, в которых указан по крайней мере один изобретатель из России, а все заявители – резиденты других стран. На основе этого массива данных был проведен анализ исходящих потоков технологического знания (из России за рубеж). Из данного массива исключены патентные заявки, в которых в качестве заявителей указаны зарубежные представительства российских компаний. Так, например, в отдельные годы «Яндекс» регистрировал свои изобретения на дочернюю компанию «Yandex Europe» в Швейцарии, компания «Yota» – на дочернее предприятие, зарегистрированное на Виргинских островах и т.д. Очевидно, что такие решения – часть бизнес-стратегий компаний, но не примеры перетока технологического знания за рубеж.

На этапе дальнейшей проверки из обоих массивов были также удалены несколько других категорий патентных заявок – те, в которых:

- 1) заявитель – один из членов международной команды изобретателей (например, авторы изобретения – резиденты США, Китая и России, и один из них, россиянин, выступает в качестве единоличного заявителя при подаче патентной заявки в России). Несмотря на то что такие документы формально соответствуют установленным критериям отбора, очевидно, что в основе лежит просто рациональное решение для упрощения оформления прав на интеллектуальную собственность;
- 2) заявитель и изобретатель – резиденты разных стран, но однофамильцы (родственники). Очевидно, что такое сочетание – также лишь формальный подход к оформлению прав на изобретение в различных странах;
- 3) не указаны страны заявителя и/или изобретателя.

Суммарно на эти категории в первом массиве данных (в Россию) пришлось около 20% первоначального объема документов (из-за высокой активности физических лиц), во втором (из России) – менее 5%. Их удаление и, в целом, многократная

⁷ Все международные базы данных, содержащие первичную патентную информацию, обновляются со значительным опозданием. Это связано с большими объемами агрегируемой информации, необходимостью ее кодирования и перевода с национальных языков на английский и др. В результате на момент проведения исследования (август 2022 г.) последним годом, за который в базе PatStat Global были опубликованы полные данные, оказывается 2019 г.

⁸ На этапе подачи заявки юридическое или физическое лицо, которое ее подает, имеет статус заявителя. Позже, в случае выдачи патента данный статус меняется на статус «патентообладатель». В данной работе эти два понятия используются как взаимозаменяемые.

и тщательная проверка массивов, кросс-контроль, обеспечили полное соответствие эмпирической базы задачам исследования и, таким образом, объективность его результатов, описанных далее. Анализ был проведен по всем патентным документам, соответствующим заданным критериям.

4. Участие России в глобальных потоках технологического знания: основные результаты исследования

Рис. 1 демонстрирует интенсивность потоков технологического знания из и в Россию в 2010–2019 гг. Радикальных изменений за это время не произошло: по-прежнему экспорт знаний превышает импорт, хотя разрыв несколько сократился. Российские изобретатели за этот период приняли участие в создании 8,8 тыс. изобретений для зарубежных стран, но в 2019 г. в мире было подано на 9,0% меньше заявок на такие технические решения, чем в 2010 г. Часть отечественных изобретателей, работавших на зарубежные компании в начале 2010-х годов, могла в последующие годы окончательно эмигрировать и утратить статус резидента России, что отразилось на количественных показателях исходящего потока технологического знания.

Иностранные изобретатели за последнее десятилетие поучаствовали в разработке 3,6 тыс. изобретений для российских заявителей, и в этом сегменте наблюдается обратная динамика: в 2019 г. таких заявок было подано почти на 20% больше, чем в 2010 г. (312 против 263). Можно предположить, что отчасти такой прирост связан с появлением спроса на соответствующие компетенции на отечественном рынке,

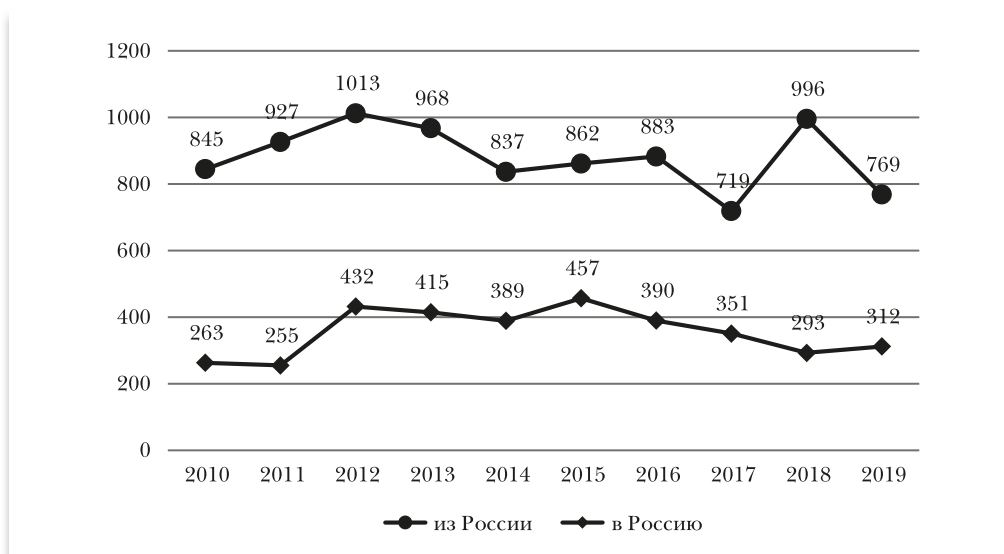


Рис. 1

Интенсивность потоков технологического знания

Примечание. На рисунке указано число патентных заявок на изобретения, в которых: 1) заявители — из России, изобретатели — из других стран («в Россию») и 2) заявители — из зарубежных стран, изобретатели — из России («из России»).

Источник: расчеты автора на основе данных PatStat Global.

формированием «притягивающих» (pull) факторов для российских и иностранных изобретателей (Наумов, 2015). Наиболее высокие показатели интенсивности такой формы сотрудничества наблюдались в 2012–2015 гг. Именно на этот период приходится активизация научно-технической политики в России: принят ряд мер, направленных на развитие вузовской науки (программы стратегического развития вузов, Проект повышения конкурентоспособности университетов среди ведущих научно-образовательных центров (Проект 5–100)⁹), поддержку связей между наукой и бизнесом; созданы новые институты и инструменты поддержки научных исследований и разработок (Российский научный фонд, Фонд перспективных исследований и др.) (Gershman, Kuznetsova, 2016).

Несмотря на положительную динамику, сотрудничество российских разработчиков технологий с зарубежными изобретателями по-прежнему остается экзотикой: доля патентных заявок на изобретения, созданные с участием таких авторов, в общем числе заявок России в течение всего анализируемого периода колебалась в интервале от 0,8 (2010–2011 гг.) до 1,4% (2014–2015 гг.), а в 2019 г. составила 1,1%¹⁰.

География входящих и исходящих потоков технологического знания значительно различается (рис. 2). Наиболее востребованы компетенции российских

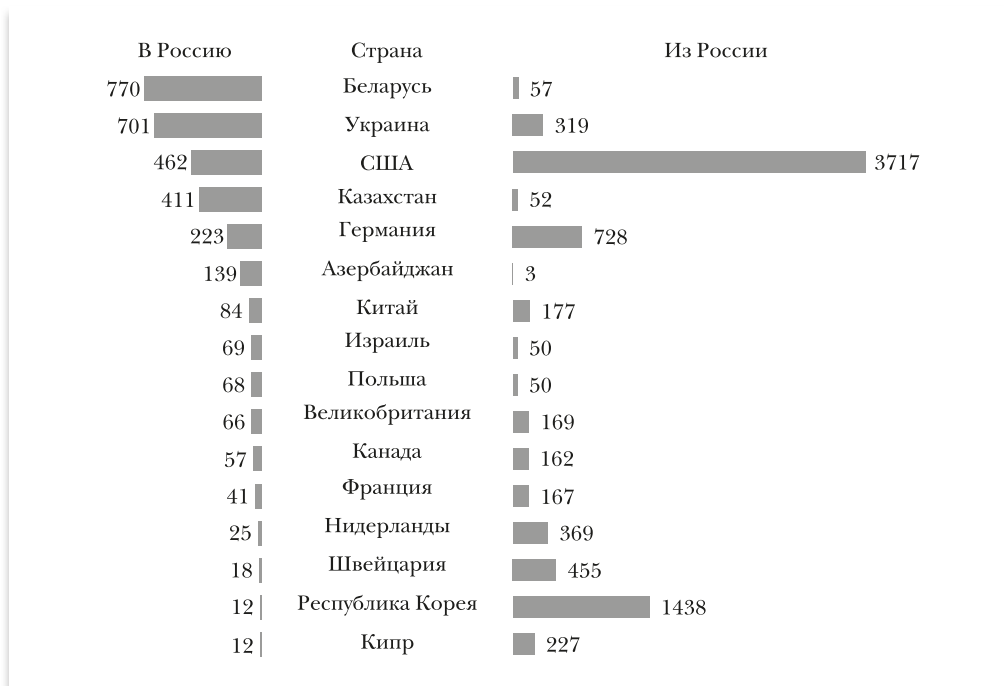


Рис. 2

География потоков технологического знания «в» и «из» России: 2010–2019 гг.

Примечание. На рисунке указано число патентных заявок на изобретения, в которых: 1) заявители — из России, изобретатели — из указанной страны («в Россию»); 2) заявители — из указанной страны, изобретатели — из России («из России»). В график включены топ-10 стран по каждой из двух категорий. Сумма превышает общее число изобретений в двух категориях, так как права на одно изобретение могут принадлежать одновременно заявителям из нескольких стран.

Источник: расчеты автора на основе данных PatStat Global.

⁹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2013 г. № 211.

¹⁰ Расчеты автора на основе данных ВОИС и PatStat Global.

изобретателей в США. На долю этой страны в 2010–2019 гг. приходилась почти половина (42,1%) изобретений с участием авторов из России для иностранных организаций и частных лиц. Большой спрос наблюдается и со стороны Республики Корея (16,3%). Также в топ-5 вошли Германия (8,3%), Швейцария (5,2%) и Украина (3,6%). Во второй половине 2010-х годов, вслед за обострением политической обстановки резко сократилось число изобретений для украинских организаций. Если принимать в расчет только показатели 2018–2019 гг., то в рейтинге стран – импортеров технологического знания из России Украину опередают Нидерланды, Кипр, Япония и многие другие страны.

Права почти на 90% изобретений, разработанных в 2010–2019 гг. российскими авторами для иностранных заявителей, принадлежат сегодня резидентам ведущих стран мира в сфере научно-технического развития. Кроме уже упомянутых выше, это – Франция, Великобритания, Канада, Китай, Япония и др.¹¹ В целом, такой результат вполне предсказуем: как показывают исследования, основные потребители технологического знания – экономики с высокими ВВП (Guan, Chen, 2012).

Состав стран-экспортеров технологического знания в Россию совсем иной. Половина изобретений, созданных с участием иностранцев для российских организаций и физических лиц в 2010–2019 гг., – результаты работы изобретателей из Беларуси (21,6%), Украины (19,7%) и Казахстана (11,6%). Довольно высокие позиции в этом условном рейтинге занимают США (462 изобретения для российских организаций, или 13,0% их общего числа в 2010–2019 гг.) и Германия (223 изобретения, 6,3%), которая на протяжении рассматриваемого периода являлась важнейшим партнером России в сфере науки и технологий (Индикаторы науки: 2022). Тем не менее, в последние годы доля этих стран в потоке технологического знания в Россию постепенно снижается.

Проведенный анализ подтвердил результаты более ранних исследований: основной спрос на высококвалифицированные кадры и знания обеспечивают глобальные корпорации. Топ-15 организаций, лидирующих по числу изобретений, разработанных для них с участием российских изобретателей, образует крупный бизнес. Это – Samsung, Intel, EMC (Dell EMC), Schumberger, Siemens и др.

Деловой климат в нашей стране значительно отличается от условий, в которых функционируют многие глобальные корпорации. Спрос бизнеса на исследования и разработки здесь ниже (Чехломин, Аксянова, 2019; Vlasova, Roud, 2020), число крупных предприятий, способных конкурировать за высококвалифицированные кадры на мировой арене, крайне ограничено. В результате структура организаций, на которые работают изобретатели из-за рубежа, весьма диверсифицирована. Почти половина российских изобретений, созданных с участием иностранных авторов в 2010–2019 гг., принадлежит бизнесу (табл. 1). На долю вузов приходится треть таких изобретений, порядка 15% были разработаны для российских научно-исследовательских организаций.

Направления сотрудничества различных типов российских организаций с высококвалифицированными кадрами из других стран существенно различаются. Бизнес чаще привлекает изобретателей из ведущих стран мира – Германии, Китая, США, Японии и др. Такую возможность несколько реже, но все же используют ведущие вузы (например, МГУ им. М.В. Ломоносова, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Самарский государственный аэрокос-

¹¹ Страны перечислены в порядке уменьшения числа изобретений российских авторов.

Таблица 1

Российские организации – лидеры по импорту технологического знания: 2010–2019 гг.

Тип организации	Топ-5 заявителей по числу изобретений, разработанных с участием иностранных изобретателей	Страны изобретателей
Бизнес 48,4%	Аквафор	Израиль, США, Эстония
	Парафарм	США
	Р-Фарм	Китай, США
	Лаборатория Касперского	Великобритания, Италия, Канада, США, Франция
	Нефтекамский машиностроительный завод	Украина
Вузы 34,2%	Национальный исследовательский технологический университет МИСиС	Австрия, Беларусь, Германия, Италия, Казахстан, Канада, Таджикистан, Узбекистан, Украина, Япония
	Кубанский государственный технологический университет	Беларусь, Бурунди, Казахстан, Таджикистан, Украина
	Национальный исследовательский Томский политехнический университет	Германия, Исландия, Казахстан, Китай, Мексика, Норвегия
	Донской государственный технический университет	Беларусь, Украина
	Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»	Беларусь, Испания, Казахстан, Узбекистан, Эстония
НИИ 14,6%	МНТК «Микрохирургия глаза» им. акад. С.Н. Федорова	Азербайджан, Беларусь, Киргизия, Польша, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина
	Институт общей и неорганической химии им. Н.С. Курнакова	Беларусь, Таджикистан, Украина
	Институт химии твердого тела УрО РАН	Австрия, Беларусь, Китай
	Новосибирский институт органической химии им. Н.Н. Ворожцова СО РАН	Китай, Новая Зеландия
	Институт элементоорганических соединений им. А.Н. Несмеянова РАН	Германия, Украина

Источник: расчеты автора на основе данных PatStat Global.

мический университет им. академика С.П. Королева, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина и др.). Почти все вузы, попавшие в эту группу, имеют сегодня особый статус, это – национальные исследовательские, федеральные университеты, участники Проекта 5–100. Очевидно, что благодаря дополнительным мерам поддержки у них больше возможностей и ресурсов для найма иностранных специалистов, в том числе в целях реализации изобретательской деятельности. Некоторые исследователи отмечают, что вузам проще привлечь кадры из-за рубежа благодаря специально установленному для них режиму: упрощенным процедурам оформления визы, трудового договора, других документов (Kerr S., Kerr R., 2015).

Научно-исследовательские институты, в том числе в составе РАН, в рамках своей изобретательской деятельности более склонны сотрудничать со специалистами из ближайшего зарубежья. Лишь несколько таких организаций в 2010–2019 гг. запатентовали изобретения, разработанные для них с участием специалистов из

ведущих стран мира. В целом, уровень включенности научных институтов в глобальные потоки технологического знания заметно ниже, чем в крупных вузах.

Проведенный анализ стран–партнеров для сотрудничества российских изобретателей с зарубежными организациями и иностранных – с российскими показывает, что формат этих двух направлений существенно различается. В России взаимодействие с изобретателями из других стран зачастую принимает форму трудоустройства специалистов из ближайшего зарубежья в вузы, скорее всего с их последующей ассимиляцией. Российские же изобретатели чаще находят себе применение в ведущих странах мира, причем почти всегда – в корпоративном секторе.

Существенно различаются эти два направления и по тематической (технологической) структуре (табл. 2). Значительная доля изобретений, созданных с участием российских авторов для зарубежных организаций, относится к высокотехнологичным областям: компьютерные технологии (1,9 тыс. изобретений за 2010–2019 гг.), цифровая связь (1,1 тыс.), измерительные технологии (754 ед.), электрооборудование (634), телекоммуникации (628) и др.¹² Почти все крупнейшие области оттока технологического знания из России связаны с ИКТ – техно-

Таблица 2

Число изобретений по технологическим областям: 2010–2019 гг.

Технологическая область	В Россию	Из России	Баланс
Электрооборудование, оборудование для производства, передачи и распределения электроэнергии	170	634	–464
Аудиовизуальные технологии	25	658	–633
Телекоммуникации	45	628	–583
Цифровая связь	56	1133	–1077
Базовые системы связи	79	244	–165
Компьютерные технологии	196	1874	–1678
Полупроводники	54	525	–471
Оптика	42	577	–535
Измерительные технологии	287	754	–467
Медицинские технологии	313	460	–147
Тонкая и органическая химия	315	423	–108
Биотехнологии	260	213	47
Фармацевтика	533	393	140
Химия базовых материалов	228	445	–217
Материалы, металлургия	463	302	161
Микроструктурные и нанотехнологии	224	77	147
Химическая инженерия	395	403	–8
Прочие специальные машины	211	279	–68

Примечание. В таблице показаны топ-10 областей по числу изобретений, разработанных с участием иностранных авторов для российских заявителей (в Россию) и с участием российских авторов для зарубежных заявителей (из России). В столбце «Баланс» подсчитана разница между объемами эти двух потоков. Технологические области выделены в соответствии с «Таблицей соответствия технологий» (Schmoch, 2008).

Источник: расчеты автора на основе данных PatStat Global.

¹² Сумма изобретений по технологическим областям превышает общую сумму, так как одно изобретение может относиться одновременно к нескольким областям.

логическим ядром цифровой экономики, развитие которой является одним из национальных приоритетов страны (Гохберг, 2019).

Потеря компетенций в этих областях может негативно воздействовать на дальнейшее социально-экономическое развитие, особенно учитывая, что приток иностранных специалистов здесь крайне ограничен. Отечественные разработчики больше заинтересованы в компетенциях зарубежных специалистов в таких областях, как фармацевтика (533 изобретение за 2010–2019 гг.), материалы, металлургия (463), химическая инженерия (395), органическая и тонкая химия (315), биотехнологии (260). Мощности отечественных ИКТ-разработчиков (Яндекс, АBBYY, ITV и др.), которые не слишком часто, но все же работают со специалистами из-за рубежа, явно недостаточно, чтобы компенсировать потери страны в этой сфере.

Выводы

Проведенный анализ показал, что, несмотря на предпринимаемые меры, направленные на удержание собственных высококвалифицированных специалистов и их привлечение из-за рубежа, Россия по-прежнему больше теряет технологического знания, чем приобретает его. Число изобретений, разрабатываемых отечественными авторами для иностранных организаций, неизменно превышает число новых технических решений, созданных гражданами других стран для России. В последние годы (в том числе в результате активизации научно-технической политики, поддержки ведущих вузов) разрыв между двумя этими потоками несколько снизился, что, впрочем, не решило проблемы.

Одной из причин ее сохранения является ограниченность круга акторов, которые способны конкурировать за технологическое знание на мировой арене. За 2010–2019 гг. только около 950 российских организаций запатентовали изобретения, разработанные для них с участием иностранных специалистов. Высокую активность демонстрируют ведущие вузы, ресурсные возможности которых в последнее десятилетие значительно расширились благодаря различным мерам поддержки (Gershman, Kitova, 2016; Гохберг, 2021). В целом, университеты сегодня становятся активными участниками инновационного процесса во многих странах мира (Schaeffer, Fisher, Queiroz, 2018).

Некоторые российские компании также успешно работают со специалистами из ведущих стран мира, но их число невелико. Отчасти это может быть связано с ограниченностью ресурсов, отчасти – с низким спросом российского бизнеса на научные исследования и разработки, инновации. Научно-исследовательские институты, как показал проведенный анализ данных, ограниченно включены в процессы привлечения технологического знания из-за рубежа. Возможная причина этой устойчивой тенденции – смещение фокуса политической повестки на поддержку науки в вузовском секторе.

Сохраняющийся дисбаланс между входящими и исходящими потоками технологического знания особенно заметен в высокотехнологичных и приоритетных для России областях, в первую очередь в сфере ИКТ. Число изобретений, разработанных с участием российских авторов для зарубежных компаний, в разы превосходит здесь поток технологий, создаваемых для отечественных организаций иностранными специалистами. Это может служить свидетельством низкой вос-

требованности соответствующих компетенций внутри страны, в том числе ввиду ограниченной емкости отечественного рынка ИКТ.

При рассмотрении результатов работы и ее выводов необходимо учитывать ограничения используемого метода. Показатели совместной патентной активности характеризуют важный, но все же не единственный канал обмена технологическим знанием. Данный процесс происходит и в рамках международной кооперации организаций, совместной научно-технической деятельности, которая может оканчиваться получением иных, непатентоспособных результатов. Обмен научными и инженерными кадрами, экспорт и импорт оборудования также создают условия для перетока технологического знания. При этом анализ международного сотрудничества в той форме, которая рассмотрена в данной работе, представляет особый интерес не только ввиду ее слабой изученности, но и в связи с несимметричным распределением затрат и выгод между странами-участниками процесса.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Гохберг Л.М.** (2003). Статистика науки. М.: ТЕИС. [**Gokhberg L.M.** (2003). *Statistics of Science*. Moscow: TEIS (in Russian).]
- Гохберг Л.М., Дитковский К.А., Евневич Е.И.** и др. (2021). Индикаторы науки: 2022: статистический сборник М.: НИУ ВШЭ. [**Gokhberg L.M., Ditkovskiy K.A., Evnevich E.I.** et al. (2021). *Science and technology indicators in the Russian Federation: 2021: Data book*. Moscow: HSE University (in Russian).]
- Гохберг Л.М.** (науч. ред.) (2019). Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. Доклад НИУ ВШЭ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. [**Gokhberg L.M.** (sci. ed.) (2019). *What is digital economy? Trends, competences, measurement. NRU HSE report*. Moscow: Publishing House of “Higher School of Economics” (in Russian).]
- Гохберг Л.М.** (науч. ред.) (2021). Научно-технологическая политика России в условиях пандемии: поиск новых решений. Доклад НИУ ВШЭ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. [**Gokhberg L.M.** (sci. ed.) (2021). *Scientific and technological policy of Russia in the pandemic: In search for new approaches. NRU HSE Report*. Moscow: Publishing House of “Higher School of Economics” (in Russian).]
- Клыпин А.В., Вьюнов С.С.** (2020). Патентный анализ и государственная научно-техническая политика в сфере интеллектуальной собственности // *Управление наукой и наукометрией*. № 15 (2). С. 136–171. [**Klypin A.V., Viunov S.S.** (2020). Patent analysis and public policy in the field of intellectual property. *Governance of Science and Scientometrics*, 15 (2), 136–171 (in Russian).]
- Наумов И.В.** (2015). Воспроизводство научно-исследовательских и инженерно-технических кадров как ведущий фактор развития инновационной экономики в России // *Известия Уральского государственного экономического университета*. № 1 (57). С. 71–77. [**Naumov I.V.** (2015). Reproduction of research and engineering personnel as a leading factor in the development of an innovative economy in Russia. *Herald of Ural State Economic University*, 1 (57), 71–77 (in Russian).]
- Стрельцова Е.А., Кузьмин Г.Н.** (2019). Российские технограды: технологические профили городов // *Форсайт*. № 13 (3). С. 41–49. [**Streltsova E.A., Kuzmin G.N.**

- (2019). Russian technogrades: The technological profiles of the cities. *Foresight and STI Governance*. № 13 (3). С. 41–49 (in Russian).]
- Чехломин С.В., Аксянова А.В.** (2019). Инновационная активность организаций в России и факторы, влияющие на нее // *Вопросы инновационной экономики*. № 9 (4). С. 1459–1468. [**Chekhlomin S.V., Aksyanova A.V.** (2019). Innovation activity of organizations in Russia and factors affecting it. *Russian Journal of Innovation Economics*, 9 (4), 1459–1468 (in Russian).]
- Arrow K.** (1969). Classificatory notes on the production and transmission of technological knowledge. *The American Economic Review*, 59 (2), 29–35.
- Balconi M.** (2002). Tacitness, codification of technological knowledge and the organization of industry. *Research Policy*, 31, 357–379.
- Bergek A., Bruzelius M.** (2010). Are patents with multiple inventors from different countries a good indicator of international R&D collaboration? The case of ABB. *Research Policy*, 39 (10), 1321–1334.
- Boschma R., Balland P.-A., Kogle D.F.** (2014). Relatedness and technological change in cities: The rise and fall of technological knowledge in US metropolitan areas from 1981 to 2010. *Industrial and Corporate Change*, 24 (1), 223–250.
- Cartwell J.** (1989). *Technological innovation and multinational corporations*. Oxford: Basil Blackwell.
- Chen K., Zhang Y., Fu X.** (2019). International research collaboration: An emerging domain of innovation studies? *Research Policy*, 48, 149–168.
- Chesbrough H.** (2003). *Open innovation: The new imperative for creating and profiting from technology*. Brighton, MA: Harvard Business School Press.
- Cimoli M., Coriat D., Primi B.** (2009). Intellectual property and industrial development: A critical assessment. In: *Industrial policy and development. The political economy of capabilities accumulation*. M. Cimoli, G. Dosi, J.E. Stiglitz (eds.). Oxford: Oxford University Press.
- Dachs B., Ebersberger B.** (2009). Does foreign ownership matter for the innovative activities of enterprises? *International Economics and Economic Policy*, 6 (1), 41–57.
- Gershman M., Kitova G.** (2016). Evaluation of research and innovation policies: The case of Russian universities. *NRU “Higher School of Economics”. Series WP BRP “Science, Technology and Innovation”*, 57.
- Gershman M., Kuznetsova T.** (2016). The future of Russian science through the prism of public policy. *Foresight and STI Governance*, 18 (3), 320–339.
- Goldman G., Oswald K., Valdez Young A., Band Jain B., Toureh A., Toner J., Sharma G., Inouye I., Shaath H., Dhoot J., Ojh V.** (2014). *Global knowledge flows*. Report to WIPO.
- Griliches Z.** (1979). Issues on assessing the contribution of research and development to productivity growth. *The Bell Journal on Economics*, 10 (1), 92–116.
- Griliches Z., Lichtenberg F.** (1984). R&D and productivity growth at the industry level: Is there still a relationship? In: *R&D, patents, and productivity*. Z. Griliches (ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- Guan J., Chen Z.** (2012). Patent collaboration and international knowledge flow. *Information Processing and Management*, 48, 170–181.
- Guellec D., van Pottelsberghe de la Potterie B.** (2001). The internationalisation of technology analyzed with patent data. *Research Policy*, 30 (8), 1253–1266.
- Hassan S.-U., Haddawy P.** (2013). Measuring international knowledge flows and scholarly impact of scientific research. *Scientometrics*, 94, 163–179.

- Hong J.F., Snell R.S., Easterby-Smith M.** (2009). Knowledge flow and boundary crossing at the periphery of a MNC. *International Business Review*, 18 (6), 539–554.
- Howells J., James A., Malik K.** (2003). The sourcing of technological knowledge: Distributed innovation processes and dynamic change. *R&D Management*, 33 (4), 395–409.
- Hu A.G., Jaffe A.** (2003). Patent citations and international knowledge flow: The cases of Korea and Taiwan. *International Journal of Industrial Organization*, 21, 849–880.
- Jaffe A.** (1986). Technological opportunity and spillovers of R&D: Evidence from firm's patents, profits, and market value. *American Economic Review*, 76 (5), 984–1001.
- Jaffe A., Trajtenberg M.** (1998). International knowledge flows: Evidence from patent citation. *NBER Working Paper 6507*. Cambridge: National Bureau of Economic Research.
- Kerr S.P., Kerr R.W.** (2015). Global collaborative patents. *Working Paper 16–059*. Harvard Business School.
- Kotabe M., Dunlap-Hinkler D., Parente R., Mishra H.A.** (2007). Determinants of cross-national knowledge transfer and its effect on firm innovation. *Journal of International Business Studies*, 38, 259–282.
- Lei X.-P., Zhao Z.-Y., Chen D.-Z., Huang M.-H., Zheng J., Liu R.-S., Zhang J., Zhao Y.-H.** (2013). Technological collaboration patterns in solar cell industry based on patent inventors and assignees analysis. *Scientometrics*, 96, 427–441.
- Ma Z., Lee Y., Chen C.-F.** (2009). Booming or emerging? China's technological capability and international collaboration in patent activities. *Technological Forecasting & Social Change*, 76, 787–796.
- Marino A., Mudambi R., Perri A., Scalera V.G.** (2020). Ties that bind: Ethnic inventors in multinational enterprises' knowledge integration and exploitation. *Research Policy*, 49 (9), 103956.
- McAusland C., Kuhn P.J.** (2009). Bidding for brains: Intellectual property rights and the international migration of knowledge workers. *Working Paper 15486*. National Bureau of Economic Research.
- Miguelez E., Fink C.** (2013). Measuring the international mobility of inventors: A new database. *Working Paper No. 8*. WIPO Economics & Statistics Series.
- Montobbio F., Sterzi V.** (2013). The globalization of technology in emerging markets: A gravity model on the determinants of international patent collaboration. *World Development*, 44, 281–299.
- Nepelski D., De Pratto G.** (2015). International technology sourcing between a developing country and the rest of the world. A case study of China. *Technovation*, 25, 12–21.
- Nordstrom P.** (2014). *Technological knowledge and technology education*. Thesis for the Degree of Doctor of Philosophy. Stockholm, Sweden.
- Oettl A., Agrawal A.** (2008). International labor mobility and knowledge flow externalities. *Journal of International Business Studies*, 39, 1242–1260.
- Parayil G.** (1991). Technological knowledge and technological change. *Technology in Society*, 13, 289–304.
- Picci L.** (2010). The internationalization of inventive activity: A gravity model using patent data. *Research Policy*, 39, 1070–1081.
- Schaeffer P.R., Fisher B., Queiroz S.** (2018). Beyond education: The role of research universities in innovation ecosystems. *Foresight and STI Governance*, 12 (2), 50–61.

- Schmoch U.** (2008). *Concept of a technology classification for country comparisons. Final report to the World Intellectual Property Organization (WIPO)*. Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, Karlsruhe.
- Sonnenwald D.H.** (2007). Scientific collaboration. *Annual Review of Information Science and Technology*, 41 (1), 643–681.
- Strumsky D., Lobo J., Leeuw S. van der** (2012). Using patent technology codes to study technological change. *Economics of Innovation and New Technology*, 21 (3), 267–286.
- Sundqvist P.** (2020). Technological knowledge in early childhood education: Provision by staff of learning opportunities. *International Journal of Technology and Design Education*, 30, 225–242.
- Vlasova V., Roud V.** (2020). Cooperative strategies in the age of open innovation: Choice of partners, geography and duration. *Foresight and STI Governance*, 14 (4), 80–94.
- Wu C.-Y., Mathews J.A.** (2012). Knowledge flows in the solar photovoltaic industry: Insights from patenting by Taiwan, Korea, and China. *Research Policy*, 41, 524–540.
- Xiang X.Y., Cai H., Lam S., Pei Y.-L.** (2013). International knowledge spillover through co-inventors: An empirical study using Chinese assignees' patent data. *Technological Forecasting and Social Change*, 2013, 161–174.

Поступила в редакцию 20.04.2022

Received 20.04.2022

E.A. Streltsova

Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge (ISSEK) at HSE
University, Moscow, Russia

Global flows of technological knowledge: The position of Russia¹³

Abstract. Technological knowledge, which is the basis for new technologies and innovation, is an important component of economic success – both on corporate and national levels. Such a role stimulates various actors to participate actively in the global race for talents who have this technological knowledge. The paper discusses if Russia is a successful participant of the race. It analyses the two datasets of patent documents (as for 2010–2019): 1) with Russian inventors and foreign assignees – to study the ‘outflow’ of technological knowledge from the country, and 2) with foreign inventors and Russian assignees – to measure the scope of its inflow. The results of the study demonstrate that Russia is still more a donor for the leading countries, than a recipient of technological knowledge from abroad. Russian inventors are actively involved into collaboration with foreign companies, being in demand in many global corporations, especially in the ICT field. The inflow of technological knowledge is less intense, and its key source is the post-soviet countries, in geographical proximity to Russia. One of the possible reasons for this disproportion is a lack of organizations in the country, capable to compete for talents on the global arena. Due to a specific business climate and a low interest of Russian business in R&D and innovation, an important role in recruitment of high-skilled specialists from abroad is played by the leading universities. Research institutes (including those of Russian Academy of Sciences) seem to be in the least advantaged position.

Keywords: *knowledge flows, open innovation, STI collaboration, brain drain, technological knowledge, patent analysis.*

JEL Classification: O31, O33, O34, J61.

For reference: **Streltsova E.A.** (2022). Global flows of technological knowledge: The position of Russia. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 39–54. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-3

¹³ This study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project 20-111-50221). The author expresses gratitude to D.M. Martynov for his help in designing the empirical base of the study.

М.А. Карцева

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва

П.О. Кузнецова

Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва

Было бы здоровье, а остальное приложится? Эмпирическая оценка отдачи от здоровья в России¹

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования отдачи от здоровья в России в 2012–2019 гг., выполненного на данных обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ. В качестве меры отдачи рассматривается почасовая заработная плата. Здоровье оценивается с помощью данных о самооценке. В основе анализа лежит уравнение заработной платы минсеровского типа. Для учета селективности занятости используется процедура Хекмана, ненаблюдаемая гетерогенность контролируется с помощью анализа панельных данных. Влияние здоровья на почасовую заработную плату в России значимо, но не велико: высокая самооценка здоровья соответствует росту заработков на 2–5% по сравнению со средним здоровьем у мужчин и на 1–3% у женщин. Плохое здоровье значимо снижает заработную плату, но при учете селективности занятости его влияние становится незначимым. Влияние здоровья на заработную плату заметно усиливается для групп с низким уровнем образования, что, на наш взгляд, может свидетельствовать о большей значимости здоровья для неквалифицированного и физического труда. Устойчивость полученных результатов была протестирована с использованием альтернативного источника данных.

Ключевые слова: *здоровье, заработная плата, образование, гендер, РМЭЗ НИУ ВШЭ.*

Классификация JEL: J11, J16, J24.

Для цитирования: **Карцева М.А., Кузнецова П.О.** (2022). Было бы здоровье, а остальное приложится? Эмпирическая оценка отдачи от здоровья в России // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 55–70. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-4

1. Введение

Существует ли взаимосвязь между здоровьем и индивидуальными успехами на рынке труда? Ответ на этот вопрос не очевиден. Есть эмпирические свидетельства заметного влияния характеристик здоровья на заработную плату, а также его отсутствия или невысокой значимости. Нет полной ясности и в вопросе о гендерных и возрастных различиях в отдаче от здоровья, а оценки для разных стран, периодов и методов оценивания существенно различаются.

Так, например, расчеты, проведенные на данных для стран Евросоюза, свидетельствуют как о значимости проблем со здоровьем как фактора заработной платы (Rodriguez-Alvarez, Rodriguez-Gutierrez, 2018), так и о снижении и потере значимости влияния здоровья на заработную плату в посткризисный период с 2008–2010 гг. (Flores, Fernández, Pena-Boquete, 2020). Отсутствие влияния самооценки здоровья на почасовую заработную плату в развитых странах было выявлено в работах (Contoyannis, Rice, 2001) — для мужчин; (Jäckle, Himmler, 2010; Cai, 2020) — для женщин. Также следует отметить, что отдача от здоровья в развитых странах, как

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Авторы выражают благодарность А.А. Пересецкому и анонимному рецензенту за чрезвычайно полезные комментарии и замечания.

правило, невелика, особенно по сравнению с отдачей от образования, причем для женщин она ниже и чаще оказывается незначимой (Gambin, 2005; Flores et al., 2020).

В развивающихся странах отдача от здоровья в целом заметнее, хотя эмпирических свидетельств этого существует не так много (Thomas, Strauss, 1997; Gao, Smyth, 2010; Wahyuni, 2016; Dou et al., 2020). В отличие от развитых стран отдача от здоровья у женщин сопоставима с отдачей для мужчин, а иногда и превосходит ее (Xie, Huang, Zang, 2020; Alcan, Özsoy, 2020), хотя в более ранней работе был описан случай незначимости влияния здоровья на заработную плату женщин (Swaminathan, Lillard, 2001).

К кому с точки зрения отдачи от здоровья ближе Россия, к постиндустриальным экономикам Запада или развивающимся странам? Исследования, проведенные на российских данных, свидетельствуют о том, что отдача от здоровья в России несильно отличается от европейских оценок. Авторы работы (Кузьмич, Рощин, 2008), используя данные РМЭЗ НИУ ВШЭ с 2000 г. по 2004 г., оценивают предельный эффект хорошего здоровья на почасовую заработную плату по сравнению с нормальным как 6,2% и нормального здоровья по сравнению с плохим как 12,6% для мужчин. Для женщин аналогичные показатели составляют соответственно 6,2 и 7,3%. Р. Мельников в исследовании на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012–2017 гг. оценивает эффект прироста почасовой заработной платы при повышении самооценки здоровья для мужчин примерно втрое выше, чем для женщин, отмечая гендерные различия каналов влияния состояния здоровья на размер доходов от трудовой деятельности (Мельников, 2020).

Отдельный вопрос, важный для нашего исследования, составляет гетерогенность отдачи от здоровья в разрезе отдельных социально-экономических групп. Есть работы, в которых показано, что влияние здоровья на заработную плату снижается при росте социально-экономического статуса, в частности при росте трудовых доходов (Xie et al., 2020) и при повышении уровня образования (Contoyannis, Rice, 2001).

Неоднозначность оценок отдачи от здоровья во многом является следствием присутствия ряда проблем, влияющих на качество анализа. В данной работе мы попытались максимально широко представить существующие методы оценки отдачи от здоровья, располагая их от простого к сложному. Другой задачей нашего исследования является изучение неоднородности отдачи от здоровья, ее возможной зависимости от уровня образования. Эмпирической основой работы являются данные РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012–2019 гг.

Структура статьи устроена следующим образом. Сначала представлен краткий обзор современных исследований отдачи от здоровья, использующих различные методы решения проблем, возникающих при оценке. Затем приводится описание данных и построения переменных, а также методология количественного исследования. Далее представлены основные результаты исследования и краткая дискуссия.

2. Отдача от здоровья: проблемы оценки

Оценка отдачи от здоровья сопряжена с рядом методологических сложностей. Практически первое, с чем сталкивается исследователь, — это выбор переменной, характеризующей здоровье. В большинстве эмпирических работ в качестве

показателя состояния здоровья используется его самооценка (например, Jäckle, Himmler, 2010, Cai, 2020; Flores et al., 2020; Кузьмич, Роцин, 2008). Данный показатель часто подвергается критике, однако в литературе доказано, что, несмотря на субъективность, самооценка здоровья является важным предиктором заболеваемости и смертности (Idler, Benyamini, 1997; Wu et al., 2013). Особенную значимость самооценка здоровья имеет для людей трудоспособного возраста (Miilunpalo et al., 1997), что во многом объясняет использование этого показателя здоровья в эмпирических исследованиях взаимосвязи здоровья человека с его трудовыми доходами. Кроме того, данный показатель здоровья проще и дешевле с точки зрения сбора данных по сравнению, например, с такими объективными характеристиками здоровья, как число обращений за медицинской помощью, данные об инвалидности, история болезни и сведения о биомаркерах (Xie et al., 2020).

Помимо самооценки здоровья (и, как правило, в дополнение к ней), в исследованиях часто используются различные объективные характеристики здоровья, например наличие и число хронических и острых заболеваний (Кузьмич, Роцин, 2008; Xie et al., 2020); показатели физического и ментального состояния, а также различные индексы, построенные на основе подобных характеристик (например, четырехступенчатый индекс здоровья, построенный на основе сведений о наличии и степени хронических заболеваний (Xie et al., 2020); глобальный индекс ограничения активности (GALI) (Flores et al., 2020) и др.). В каждой конкретной работе выбор индикатора здоровья осуществляется с учетом задач исследования, а также имеющихся в распоряжении исследователя эмпирических данных.

Выбор эконометрического подхода к оценке влияния здоровья на заработную плату связан с определенными сложностями, обусловленными спецификой задачи. В частности, существует проблема селективности занятости, которая в ранних исследованиях по данной теме либо игнорировалась, либо преодолевалась за счет рассмотрения только мужской выборки. Проблема селективности в данном случае возникает из-за того, что состояние здоровья определяет не только заработную плату индивидов, но и является важным фактором вероятности занятости. При этом очевидно, что заработной платой располагают только те, кто имеет работу. Игнорирование селективности может приводить к смещению результатов при регрессионном оценивании. В современных исследованиях, как правило, при оценках отдачи от здоровья используется процедура Хекмана (Jäckle, Himmler, 2010, Cai, 2020; Flores et al., 2020; Кузьмич, Роцин, 2008; Мельников, 2020).

Помимо селективности, при эмпирическом анализе отдачи следует учитывать статистическую эндогенность (Barna, 2016), которая возникает вследствие ненаблюдаемой гетерогенности, источником которой являются факторы, влияющие одновременно и на здоровье, и на успехи человека на рынке труда, и те, которые мы не в состоянии включить в модель, — например степень неприятия риска и другие индивидуальные предпочтения, а также генетические особенности, в том числе способности (Cai, 2020). К факторам ненаблюдаемой гетерогенности также относятся и характеристики родительской семьи (Flores et al., 2020), влияние которых на взрослую жизнь индивидов во многом формирует неравенство возможностей в доходах и здоровье. Ненаблюдаемая гетерогенность в эмпи-

рических работах, как правило, учитывается с помощью анализа панельных данных (Contoyannis, Rice, 2001; Jäckle, Himmler, 2010; Flores et al., 2020) и др.

Также следует отметить, что взаимосвязь заработной платы со здоровьем может иметь двусторонний характер. Наличие обратной связи между здоровьем и заработной платой может приводить к смещенным оценкам отдачи от здоровья (структурная эндогенность). Для решения данной проблемы в современных работах, как правило, применяются модели с инструментальными переменными (Jäckle, Himmler, 2010; Flores et al., 2020; Rodriguez-Alvarez, Rodriguez-Gutierrez, 2018).

3. Данные и построение переменных

Для оценки отдачи от здоровья в работе используются данные 22–29 волн Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ), проведенных в 2012–2019 гг.² Выбор эмпирической базы обусловлен тем, что данные РМЭЗ НИУ ВШЭ содержат как информацию о занятости респондента, так и показатели, характеризующие его здоровье. Также немаловажным фактором выбора является панельная структура данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Для проверки устойчивости оценок отдачи от здоровья были использованы данные выборочного наблюдения использования населением суточного фонда времени Росстата (ВНИСФВ) за 2019 г. — единственного национального обследования, за исключением РМЭЗ, где одновременно имеются данные о состоянии здоровья респондента и их статусе на рынке труда и заработной плате.

Основным фокусом нашей работы являются взрослые респонденты трудоспособного возраста, т.е. женщины 18–54 лет и мужчины 18–59 лет. Из выборки исследования были исключены учащиеся, пенсионеры, женщины, находящиеся в декретном отпуске и в отпуске по уходу за ребенком, и инвалиды, поскольку их жизненные обстоятельства могут существенно влиять на трудовое поведение. Также из выборки были исключены самозанятые респонденты — занятость этой группы лиц часто является нестабильной с точки зрения распределения трудовой нагрузки и доходов во времени и с трудом поддается формализации в рамках неспециализированного исследования. Подобные ограничения выборки являются типичными для исследований отдачи от здоровья (например, (Jäckle, Himmler, 2010)). Всего объем объединенной выборки за 2012–2019 г. составляет 59 107 человек, из них — 27 613 мужчин и 31 494 женщины. Средний возраст респондентов в выборке — 37,8 лет. Оплачиваемую работу на рынке труда имеют 80,1% мужчин и 75,1% женщин (табл. 1).

В качестве основного показателя трудовых доходов в работе рассматривается показатель почасовой заработной платы, который был построен на основе информации о средней заработной плате за 12 месяцев и информации о продолжительности обычных рабочего дня/рабочей недели на основном месте работы. В случае отсутствия эта информация дополнялась данными о заработной плате и фактически отработанных часах за последние 30 дней. Показатели заработной платы были скорректированы с учетом регионального уровня цен и приведены к ценам 2012 г. с помощью данных о региональной стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг за 2012–2019 гг., публикуемых Росстатом. В среднем по объединенной выборке уровень заработной платы в ценах 2012 г. составил 29,4 тыс. руб. для мужчин и 21,6 тыс. руб. для женщин (табл. 1).

² Подробно ознакомиться с описанием РМЭЗ НИУ ВШЭ и получить микроданные обследования можно на сайте НИУ ВШЭ (www.hse.ru/flms/).

Таблица 1

Описательные статистики основных показателей занятости и здоровья мужчин и женщин 18–59 (54) лет, 2012–2019 гг.

Показатель	Мужчины	Женщины
<i>Занятость</i>		
Заняты на рынке труда, %	80,1	75,1
Почасовая заработная плата (среднее для занятых), тыс. руб. в ценах 2012 г.	29,4	21,6
<i>Здоровье</i>		
Самооценка здоровья, среднее	2,5	2,4
Плохое здоровье, %	2,9	3,7
Хорошее здоровье, %	52,5	45,7

Источник данных: расчеты авторов на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2019 гг.

В данной работе ключевая характеристика здоровья человека – самооценка здоровья. В рамках РМЭЗ НИУ ВШЭ используется пятибалльная шкала оценки собственного здоровья (от очень хорошего до совсем плохого). Для целей исследования в силу крайней малочисленности группы людей, оценивающих свое здоровье как совсем плохое, мы переходим к четырехступенчатой шкале здоровья, объединяя категории «плохое» и «очень плохое». Таким образом, показатель самооценки здоровья, используемый в работе, принимает следующие значения: 1 – плохое здоровье; 2 – среднее, не хорошее, но и не плохое; 3 – хорошее и 4 – очень хорошее. Средний показатель самооценки здоровья в объединенной выборке составляет 2,5 для мужчин и 2,4 – для женщин (см. табл. 1), что в целом для обеих групп соответствует среднему состоянию здоровья.

Дополнительно в работе рассматриваются индикаторы хорошего и плохого здоровья респондента. Индикатор хорошего здоровья принимает значение 1, если респондент оценивает свое здоровье как хорошее или очень хорошее, и 0 – в противном случае. Индикатор плохого здоровья принимает значение 1, если респондент оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое, и 0 – в противном случае. Согласно проведенным расчетам 52,5% мужчин и 45,7% женщин в выборке имеют хорошее здоровье (см. табл. 1). Распространение плохого здоровья составляет 2,9 и 3,7% соответственно.

4. Методология исследования

Оценка отдачи от здоровья в терминах почасовой заработной платы проводится в работе с помощью уравнения минсеровского типа (Mincer, 1974), где в список объясняющих переменных включен показатель здоровья человека. В качестве показателя здоровья используются самооценка здоровья (ранговая переменная, принимающая значения 1–4) и набор трех дамми-переменных (хорошее, удовлетворительное, плохое здоровье). В общем виде оцениваемое в работе уравнение заработной платы может быть записано как

$$\ln wage_i = \alpha_0 + \alpha_1 health_i + \alpha_2 age_i + \alpha_3 agesq_i + edu_i \beta + work_i \gamma + place_i \theta + year_i \vartheta + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где $\ln wage_i$ – зависимая переменная, логарифм почасовой заработной платы индивида i ; $health_i$ – показатель здоровья индивида i (категориальная самоо-

ценка здоровья, или индикаторы хорошего/плохого здоровья (базовая категория – удовлетворительное)); age_i и $agesq_i$ – возраст и квадрат возраста; edu_i – вектор дамми-переменных, характеризующих наивысший уровень образования; $work_i$ – вектор характеристик работы (индикатор частичной занятости, индикаторы вида экономической деятельности, формы собственности предприятия); $place_i$ – вектор индикаторов типа места проживания (региональный центр, прочие города, поселок городского типа, село); $year_i$ – набор дамми-переменных года наблюдения. В уравнение не входит показатель пола респондента, так как анализ проводится отдельно для мужчин и женщин.

Для получения оценок отдачи на здоровье в рамках уравнения (1) в работе было проанализировано пять моделей, использующих различные эконометрические подходы.

На первом этапе работы на объединенной выборке данных за 2012–2019 гг. уравнение заработной платы (1) было оценено с помощью метода наименьших квадратов (модель М1).

Однако, как обсуждалось в разд. 2, оценивание уравнения заработной платы (1) с помощью простого МНК может дать некорректные оценки отдачи от здоровья в силу существования проблем, связанных с селективностью занятости. В работе для коррекции смещенности оценок отдачи от здоровья в результате селективности занятости в работе используется процедура Хекмана (Heckman, 1979), в которой уравнение участия включает факторы, определяющие потенциальную и резервную заработные платы (показатели здоровья, возраста, образования респондента, уровня его образования, брачного статуса и наличия детей в возрасте 0–2, 3–6 и 7–17 лет) (модель М2).

Далее для учета ненаблюдаемой гетерогенности в работе были использованы панельные методы оценивания. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ имеют значительную панельную составляющую, которая позволяет проследить социально-экономические и демографические характеристики индивида в течение длительного времени и позволяет использовать панельные методы регрессионного анализа. В случае использования панельных данных уравнение заработной платы (1) можно записать следующим образом:

$$\ln wage_{it} = \alpha_0 + \alpha_1 health_{it} + \alpha_2 age_{it} + \alpha_3 agesq_{it} + edu_{it}\beta + work_{it}\gamma + place_{it}\theta + year_{it}\vartheta + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

где зависимая и объясняющие переменные содержательно совпадают с переменными, используемыми в уравнении (1); i – индикатор индивида; t – год проведения обследования (т.е. x_{it} – значение переменной x для индивида i в году t). Для оценки отдачи от здоровья в работе с учетом ненаблюдаемых индивидуальных различий используются модель панельных данных со случайными эффектами (модель М3) и модель панельных данных с фиксированными эффектами (модель М4). Оценивание моделей М3 и М4 проводится с помощью МНК.

Далее в работе уравнение заработной платы было оценено на панельных данных с помощью процедуры Хекмана (модель М5). Этот эконометрический подход позволяет одновременно учесть селективность занятости и ненаблюдаемую гетерогенность.

Также в ходе исследования предпринималась попытка учета структурной эндогенности с помощью метода инструментальных переменных. При отборе инструментов показателей здоровья мы опирались на опыт аналогичных иссле-

дований (Jäckle, Himmler, 2010; Cai, 2020; Flores et al., 2020), где в качестве инструментов использовались показатели объективного состояния здоровья (наличие хронических заболеваний), наличие ограничений в повседневной деятельности, а также индикаторы наличия вредных привычек (курение). Однако проведенные тесты (тест Ву–Хаусмана на проверку эндогенности) не подтвердили эндогенного характера самооценки здоровья и валидности использованных инструментов. Частично данное наблюдение может объясняться тем, что хорошие инструменты не были найдены в силу ограничения базы данных. В данной работе было принято решение сфокусироваться на анализе пяти моделей, описанных выше, а поиск инструментов выделить в отдельную задачу, требующую привлечения дополнительных эмпирических ресурсов.

Все расчеты в работе выполнены с использованием статистического пакета Stata 17.

5. Результаты

5.1. Отдача от здоровья для мужчин

Результаты эконометрической оценки отдачи от здоровья для мужчин в 2012–2019 гг. суммированы в табл. 2. Как видно из представленных данных, улучшение самооценки здоровья приводит к значимому увеличению почасовой заработной платы. Этот эффект устойчиво проявляется во всех используемых моделях. Он несколько снижается при учете селективности занятости в случае использования процедуры Хекмана и ненаблюдаемой гетерогенности при переходе к панельной выборке. Отдача от здоровья снижается, но не теряет значимости при использовании панельной модели с фиксированными эффектами. Проведенные нами тесты показывают большую эффективность модели с фиксированными эффектами М4 по сравнению со случайными М3 (значения теста Хаусмана составили 591,7 ($p = 0,000$) для варианта моделей с категориальной самооценкой здоровья и 597,4 ($p = 0,000$) для варианта с индикаторами плохого и хорошего здоровья).

С учетом селективности занятости и ненаблюдаемой гетерогенности (модель М5) рост почасовой заработной платы мужчин при улучшении категориальной оценки здоровья на 1 балл составляет чуть больше 2%.

В табл. 2 представлены результаты оценивания моделей М1–М5, в которых в качестве показателя здоровья используются индикаторы хорошего/плохого здоровья. Проведенный анализ свидетельствует о наличии положительной премии за хорошее здоровье. Мужчины, имеющие хорошее здоровье, в среднем получают на 2–5% больше, чем мужчины со средним здоровьем. Плохое здоровье, напротив, значительно снижает заработную плату. Мужчины с плохим или очень плохим здоровьем зарабатывали на 4–12% меньше мужчин со средним уровнем здоровья. Учет селективности занятости делает влияние плохого здоровья на заработную плату незначимым (модели М2 и М5). Данное снижение значимости с большой вероятностью определяется тем, что плохое здоровье в большей степени влияет на вероятность занятости, чем размер заработной платы. Действительно, анализ уравнений отбора в моделях М2 и М5 показывает, что вероятность занятости мужчин значительно снижается с ухудшением здоровья.

Таблица 2

Результаты эконометрического анализа уравнения заработной платы, коэффициенты, мужчины, 2012–2019 гг. (зависимая переменная – логарифм почасовой заработной платы)

Показатель здоровья	M1	M2		M3	M4	M5	
	Объединенная выборка			Панельная выборка			
	МНК	Процедура Хекмана		МНК, случайные эффекты	МНК, фиксированные эффекты	Процедура Хекмана	
		уравнение заработной платы	уравнение отбора			уравнение заработной платы	уравнение отбора
<i>Показатель здоровья – самооценка, 4 степени (1 – плохое, 4 – очень хорошее)</i>							
Самооценка здоровья	0,049*** [0,006]	0,038*** [0,006]	0,115*** [0,016]	0,029*** [0,005]	0,015*** [0,006]	0,022*** [0,005]	0,117*** [0,016]
Коэффициент корреляции ошибок уравнения здоровья и уравнения отбора (процедура Хекмана)		-0,501*** [0,027]				-0,542*** [0,033]	
<i>Показатели здоровья – плохое и хорошее здоровье (базовая категория – среднее здоровье)</i>							
Плохое здоровье	-0,121*** [0,023]	-0,034 [0,024]	-0,740*** [0,048]	-0,071*** [0,018]	-0,041** [0,020]	-0,014 [0,019]	-0,741*** [0,048]
Хорошее здоровье	0,048*** [0,007]	0,044*** [0,007]	0,018 [0,020]	0,028*** [0,006]	0,015** [0,006]	0,027*** [0,006]	0,020 [0,020]
Коэффициент корреляции ошибок уравнения здоровья и уравнения отбора (процедура Хекмана)		-0,493*** [0,028]				-0,542*** [0,033]	
Число наблюдений	22 128	27 613		22 128	22 128	27 613	

Примечание. ***, **, * – значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки. В модель также включались переменные, значения которых в целях краткости изложения не приводятся: фиктивные переменные для раундов обследования, типа поселений, а также отрасли занятости, вида собственности и размера предприятия. Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Источники: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2019 гг., расчеты авторов.

5.2. Отдача от здоровья для женщин

Эконометрические оценки зависимости заработной платы от здоровья и образования для женщин в 2012–2019 гг. представлены в табл. 3. Помимо основной модели, для самооценки здоровья по четырехбалльной шкале также приводится информация о регрессионных коэффициентах в модели с переменными

Таблица 3

Результаты эконометрического анализа уравнения заработной платы, коэффициенты, женщины, 2012–2019 гг. (зависимая переменная – логарифм почасовой заработной платы)

Показатель здоровья	M1	M2		M3	M4	M5	
	Объединенная выборка			Панельная выборка			
	МНК	Процедура Хекмана		МНК, случайные эффекты	МНК, фиксированные эффекты	Процедура Хекмана	
уравнение заработной платы		уравнение отбора	уравнение заработной платы			уравнение отбора	
<i>Показатель здоровья – самооценка, 4 ступени (1 – плохое, 4 – очень хорошее)</i>							
Самооценка здоровья	0,030*** [0,006]	0,029*** [0,006]	0,034** [0,014]	0,020*** [0,005]	0,009* [0,006]	0,018*** [0,005]	0,030** [0,014]
Коэффициент корреляции ошибок уравнения здоровья и уравнения отбора (процедура Хекмана)		-0,267*** [0,057]				-0,537*** [0,032]	
<i>Показатели здоровья – плохое и хорошее здоровье (базовая категория – среднее здоровье)</i>							
Плохое здоровье	-0,053*** [0,019]	-0,021 [0,020]	-0,589*** [0,040]	-0,028* [0,015]	-0,010 [0,017]	0,018 [0,016]	-0,575*** [0,040]
Хорошее здоровье	0,029*** [0,007]	0,033*** [0,007]	-0,079 [0,078]	0,020*** [0,006]	0,011* [0,006]	0,026*** [0,006]	-0,080 [0,077]
Коэффициент корреляции ошибок уравнения здоровья и уравнения отбора (процедура Хекмана)		-0,246*** [0,057]				-0,511** [0,035]	
Число наблюдений	23647	31494		23647	23647	31494	

Примечание. ***, **, * – значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки. В модель также включались переменные, значения которых в целях краткости изложения в таблице не приводятся: фиктивные переменные для раундов обследования, типы поселений, а также отрасли занятости, виды собственности и размеры предприятия. Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Источники: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2019 гг., расчеты авторов

плохого и хорошего здоровья. Согласно полученным нами результатам отдача от здоровья для женщин сопоставима с отдачей для мужчин. Отдача от здоровья у женщин на объединенной выборке ниже, чем для мужской выборки (модели М1–М2). Переход от панельной модели со случайными эффектами к модели с фиксированными эффектами дополнительно способствует снижению оценки отдачи, сохра-

няя, тем не менее, ее значимость. Тест Хаусмана показывает большую эффективность оценок модели с фиксированными эффектами. Для варианта модели с категориальной самооценкой здоровья его значение составило 535,10 ($p = 0,000$), для варианта с индикаторами хорошего и плохого здоровья – 535,06 ($p = 0,000$).

В модели М5, учитывающей селективность занятости и ненаблюдаемую гетерогенность, отдача от здоровья для женщин составляет 1,8% при увеличении категориальной самооценки на 1 балл. Плохое здоровье для большинства моделей оказалось незначимым, а прибавка к заработной плате для имеющих хорошее здоровье составляет 1–3% по сравнению с тем, кто оценивает здоровье как среднее. Отметим, что так же, как и для мужчин, для женщин здоровье является важным фактором занятости – вероятность наличия оплачиваемой работы снижается при ухудшении здоровья.

Сравнивая полученные результаты с другими странами, можно отметить, что оценки отдачи от здоровья, измеренного с помощью данных о самооценке, в развитых странах для женщин часто оказываются незначимыми (Jäckle, Himmler, 2010; Flores et al., 2018; Cai, 2020). Объяснение может в том числе состоять в том, что для женщин влияние здоровья на заработную плату по-разному зависит от их квалификации и вида труда. В частности, оно может быть больше для работников с низким уровнем образования, которые чаще бывают заняты неквалифицированным, в том числе физическим, трудом. Гипотеза о возможной зависимости отдачи от здоровья от уровня образования будет нами проверена далее.

5.3. Влияние образования на отдачу от здоровья

Добавив в число факторов заработной платы перекрестные переменные здоровья и образования, можно проверить гипотезу о влиянии образования на отдачу от здоровья. В табл. 4 представлены результаты оценок для двух характеристик здоровья (индикаторов хорошего/плохого здоровья) для мужчин и женщин. Оценивание проводилось с помощью модели, наиболее полно учитывающей проблемы, возникающие при определении отдачи от здоровья, а именно модели М5 (процедура Хекмана, панельные данные). Она позволяет одновременно учесть селективность занятости и ненаблюдаемую гетерогенность.

Результаты оценивания показали, что для мужчин положительный эффект хорошего здоровья на заработную плату не меняется в зависимости от образования. Однако влияние плохого здоровья существенно различается в зависимости от образования. Для мужчин с профессиональным образованием (высшим, средним или начальным) плохое здоровье не формирует статистически значимого влияния на уровень заработной платы. Однако плохое здоровье на 16% снижает почасовую заработную плату работников-мужчин без профессионального образования, т.е. тех, кто нигде, кроме школы, не учился. В большой степени этот результат можно объяснить относительно широким распространением физического труда среди мужчин с низким уровнем образования – если у человека плохое здоровье, то производительность его физического труда снижается.

Для женщин отдача от хорошего здоровья для имеющих высшее профессиональное образование положительна, но статистически незначима. Однако для групп с более низким уровнем образования есть значимая и заметная отдача

Таблица 4

Результаты эконометрического анализа уравнения заработной платы с перекрестными членами (произведение показателей здоровья и образования), панельная модель Хекмана (М5), коэффициенты 2012–2019 гг., мужчины и женщины (зависимая переменная – логарифм почасовой заработной платы)

Показатель здоровья	Мужчины	Женщины
Плохое здоровье	0,043 [0,038]	0,015 [0,027]
Плохое здоровье× общее среднее и ниже	-0,173*** [0,060]	-0,047 [0,048]
Плохое здоровье× начальное профессиональное	-0,051 [0,046]	0,022 [0,039]
Плохое здоровье× среднее профессиональное	-0,055 [0,054]	0,012 [0,040]
Хорошее здоровье	0,020* [0,011]	0,004 [0,009]
Хорошее здоровье× общее среднее и ниже	-0,021 [0,018]	0,063*** [0,018]
Хорошее здоровье× начальное профессиональное	0,017 [0,014]	0,032** [0,015]
Хорошее здоровье× среднее профессиональное	0,016 [0,016]	0,033** [0,014]
Коэффициент корреляции ошибок уравнения здоровья и уравнения отбора (процедура Хекмана)	-0,525 *** [0,035]	-0,514*** [0,034]
Число наблюдений	27613	31494

Примечание. ***, **, * – значимость на 1-, 5- и 10%-ном уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки. В модель также включались переменные, значения которых в целях краткости изложения в таблице не приводятся: фиктивные переменные для раундов обследования, типа поселений, а также отрасли занятости, вида собственности и размера предприятия. Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Источники: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2012–2019 гг., расчеты авторов.

от здоровья, причем наибольшая отдача наблюдается в группе женщин без профессионального образования. Эффект плохого здоровья не значим для женщин вне зависимости от уровня их образования.

5.4. Проверка устойчивости результатов на данных другого репрезентативного обследования

Для проверки устойчивости полученных результатов были использованы данные другого национально репрезентативного обследования, содержащего сведения о заработной плате и здоровье респондентов, а именно выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением Росстата (ВНИСФВ) за 2019 г. В связи с непанельной структурой ВНИСФВ при расчетах учитывалась селективность занятости, но не учитывалась ненаблюдаемая гетеро-

Таблица 5

Результаты эконометрического анализа уравнения заработной платы, коэффициенты, мужчины, Модель М2 (процедура Хекмана), 2019 г. (зависимая переменная – логарифм почасовой заработной платы)

Показатель здоровья	Мужчины	Женщины
<i>Показатель здоровья – самооценка, 4 ступени (1 – плохое, 4 – очень хорошее)</i>		
Здоровье, самооценка (4 категории)	0,049*** [0,008]	0,048*** [0,007]
Коэффициент корреляции ошибок уравнения здоровья и уравнения отбора	-0,486*** [0,066]	-0,426*** [0,042]
<i>Показатели здоровья – плохое и хорошее здоровье (базовая категория – среднее здоровье)</i>		
Плохое здоровье	-0,038 [0,043]	-0,085*** [0,037]
Хорошее здоровье	0,053*** [0,020]	0,042*** [0,009]
Коэффициент корреляции ошибок уравнения здоровья и уравнения отбора	-0,474*** [0,066]	-0,427*** [0,042]
Число наблюдений	14932	18319

Примечание. ***, **, * – значимость на 1-, 5- и 10%-ном уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки. В модель также включались переменные, значения которых для краткости изложения в таблице не приводятся: фиктивные переменные, типы поселений, а также отрасли занятости. Подробные результаты регрессионного анализа могут быть предоставлены по запросу.

Источники: данные ВНИСФВ, 2019 г., расчеты авторов.

генность, что делает полученные оценки в наибольшей степени сопоставимыми с результатами модели М2 для РМЭЗ НИУ ВШЭ (см. табл. 3).

Проведенные расчеты (табл. 5) показывают, что существует значимая отдача от здоровья в терминах заработной платы как для мужчин, так и для женщин – коэффициент при ранговой переменной здоровья положителен и статистически значим. Анализ влияния плохого и хорошего здоровья свидетельствует о том, что работники-мужчины, имеющие хорошее здоровье в среднем получают в час на 5,4% больше, чем мужчины, оценивающие свое здоровье как среднее. Для женщин хорошее здоровье также дает значимую прибавку в заработной плате, но ее размер немного меньше, чем для мужчин, – 4,3%. Плохое здоровье снижает уровень заработной платы для женщин на 8,9%. Для мужчин эффект плохого здоровья отрицателен, но статистически незначим.

Проведенный на основе данных ВНИСФВ анализ подтверждает наличие статистически значимой отдачи на здоровье для российских работников, что свидетельствует об устойчивости результатов. Полученные результаты имеют особенное значение с учетом того, что все предыдущие оценки были получены с использованием одной и той же эмпирической базы, РМЭЗ НИУ ВШЭ (Кузьмич, Рошин, 2008; Мельников 2020). Непосредственное сопоставление величины оценок отдачи от здоровья, полученных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ и ВНИСФВ, затруднительно в силу различий в методологии обследований (разные цели и задачи, выборка, вопросы).

6. Выводы

В работе были получены количественные оценки влияния здоровья на почасовую заработную плату в России. Для этого на данных национального репрезентативного обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2012–2019 гг. был построен ряд регрессионных моделей, учитывающих проблемы, возникающие при оценке отдачи от здоровья.

Отдача от здоровья в России для мужчин и женщин значима и положительная. В 2012–2019 гг. мужчины с хорошим или очень хорошим здоровьем получали на 2–5% больше, чем те, кто оценивал свое здоровье как среднее. У женщин отдача на хорошее здоровье составляла 1–3%. Оценки изменяются в зависимости от используемого эконометрического подхода: отдача снижается при переходе к моделям, учитывающим селективность занятости и ненаблюдаемую гетерогенность; для панельной модели Хекмана она составила около 3% для мужчин и женщин. Подобный эффект (снижение оценок отдачи при учете селективности занятости и ненаблюдаемой гетерогенности) неоднократно упоминается в научной литературе (Contoyannis, Rice, 2001; Cai, 2020; Jäckle, Himmler, 2010).

Плохое здоровье, напротив, значительно снижает заработную плату. Мужчины с плохим или очень плохим здоровьем зарабатывали на 4–12% меньше, чем мужчины со средним уровнем здоровья. Для женщин сокращение заработной платы в случае плохого здоровья составляло 3–6%. Однако учет селективности занятости в данном случае делает оценки влияния плохого здоровья на почасовую заработную плату незначимыми. Мы предполагаем, что во многом это вызвано тем, что плохое здоровье является важнейшим фактором, снижающим вероятность занятости.

Устойчивость полученных оценок была проведена нами на альтернативных данных – выборочном наблюдении использования суточного фонда времени населением Росстата за 2019 г. Отдача от здоровья для мужчин и женщин, рассчитанная на данных этого обследования, также оказалась значимой и положительной.

Полученные результаты на качественном уровне согласуются с оценками, полученными для более ранних исследований на российских данных: отдача от здоровья значима для мужчин и женщин (Кузьмич, Рошин, 2008; Мельников 2020). К сожалению, сравнить размеры эффекта с двумя другими работами на российских данных не представляется возможным из-за методологических различий: в работе (Кузьмич, Рошин, 2008) рассматриваются данные за совершенно иной период и лагированные значения самооценки здоровья, а в статье (Мельников, 2020) используется другой показатель здоровья – искусственная переменная, отражающая помимо самооценки другие характеристики здоровья (наличие разнообразных хронических заболеваний, индекса массы тела (ИМТ) и др.).

Мы не обнаружили существенной гендерной вариации в отдаче от здоровья – при учете селективности и ненаблюдаемой гетерогенности отдача от хорошего здоровья составляет 3% как для мужчин, так и для женщин. Похожие результаты (отсутствие гендерных различий в отдаче от хорошего здоровья) были получены в работе (Кузьмич, Рошин, 2008). В исследовании (Flores et al., 2020) также было показано, что отдача от здоровья, снижаясь после рецессии 2008 г., остается примерно одинаковой для мужчин и женщин. В то же время в работах (Cai, 2020; Jäckle, Himmler, 2010; Мельников, 2020) был показан меньший размер отдачи для женщин.

Отличительной особенностью нашей работы является изучение отдачи от здоровья в зависимости от уровня образования работников. Как показывает проведенный нами анализ, отдача от здоровья зависит от образования, причем эта зависимость имеет существенные гендерные различия. Негативное влияние плохого здоровья на заработную плату для мужчин отмечается только для работников с низким уровнем образования (общее среднее и ниже). Для остальных групп работников-мужчин плохое здоровье незначимо. Для женщин, в свою очередь, максимальная отдача от хорошего здоровья также наблюдается для группы работниц без профессионального образования. На наш взгляд, это может быть следствием большего распространения физического и неквалифицированного труда среди групп работников с невысоким уровнем образования.

Похожие выводы были получены в других исследованиях. В работе (Contoyannis, Rice, 2001) были представлены эмпирические подтверждения отрицательной корреляции между уровнем академической успеваемости и индивидуальными характеристиками, влияющими на заработную плату. Наличие отрицательной взаимосвязи между уровнем образования и отдачей от здоровья косвенно подтверждается результатами для других показателей, связанных с уровнем образования: так, в работе на китайских данных было показано, что с ростом доходов отдача от здоровья снижается (Xie et al., 2020).

Полученные нами результаты имеют некоторые ограничения. В частности, в работе не учитывается структурная эндогенность, обусловленная возможной взаимозависимостью между здоровьем и трудовыми доходами. Поиск «хороших» инструментов является самостоятельной сложной задачей, решение которой требует привлечения дополнительных эмпирических источников, содержащих более подробную информацию о здоровье индивидов – возможности данных РМЭЗ НИУ ВШЭ содержат ограниченный спектр показателей здоровья респондентов.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Кузьмич О.С., Рощин С.Ю.** (2008). Лучше ли быть здоровым? Экономическая отдача от здоровья в России // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. № 12 (1). С. 29–55. [**Kuzmich O.S., Roshchin S. Yu.** (2008). Is it better to be healthy? The economic returns of health in Russia. *HSE Economic Journal*, 12 (1), 29–56 (in Russian).]
- Мельников Р.М.** (2020). Оценка отдачи от капитала здоровья в российской экономике // *Аудит и финансовый анализ*. № 2. С. 35–42. [**Melnikov R.M.** (2020). Evaluation of the return on health capital in the Russian economy. *Audit and Financial Analysis*, 2, 35–42 (in Russian).]
- Alcan S., Özsoy O.** (2020). Relation between health and wages in Turkey. *Panoeconomicus*, 67 (1), 111–126.
- Barnay T.** (2016). Health, work and working conditions: A review of the European economic literature. *The European Journal of Health Economics*, 17 (6), 693–709.
- Cai L.** (2020). The effects of health on the wages of Australian workers: Gender differences and the impacts of macroeconomic conditions. *International Journal of Manpower*, 42 (5), 842–865.
- Contoyannis P., Rice N.** (2001). The impact of health on wages: Evidence from the British household panel survey. *Empirical Economics*, 26 (4), 599–622.

- Dou J., Du L., Wang K., Sun H., Zhang C.** (2020). Wage penalties or wage premiums? A socioeconomic analysis of gender disparity in obesity in urban China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17 (19), 7004.
- Flores M., Fernández M., Pena-Boquete Y.** (2020). The impact of health on wages: Evidence from Europe before and during the Great Recession. *Oxford Economic Papers*, 72 (2), 319–346.
- Gambin L.M.** (2005). The impact of health on wages in Europe – does gender matter. *HEDG WP*, 5 (03), 1–32.
- Gao W., Smyth R.** (2010). Health human capital, height and wages in China. *The Journal of Development Studies*, 46 (3), 466–484.
- Heckman J.** (1979). Sample selection bias as a specification error. *Econometrica*, 47, 153–161.
- Idler E.L., Benyamini Y.** (1997). Self-rated health and mortality: A review of twenty-seven community studies. *Journal of Health and Social Behavior*, 38 (1), 21–37.
- Jäckle R., Himmler O.** (2010). Health and wages panel data estimates considering selection and endogeneity. *Journal of Human Resources*, 45 (2), 364–406.
- Miilunpalo S., Vuori I., Oja P., Pasanen M., Urponen H.** (1997). Self-rated health status as a health measure: The predictive value of self-reported health status on the use of physician services and on mortality in the working-age population. *Journal of Clinical Epidemiology*, 50 (5), 517–528.
- Mincer J.** (1974). *Schooling, experience and earnings*. New York: National Bureau of Economic Research.
- Rodriguez-Alvarez A., Rodriguez-Gutierrez C.** (2018). The impact of health on wages: Evidence for Europe. *The European Journal of Health Economics*, 19 (8), 1173–1187.
- Swaminathan S., Lillard L.** (2001). *Health and labor market outcomes: Evidence from Indonesia*. Santa Monica: RAND.
- Thomas D., Strauss J.** (1997). Health and wages: Evidence on men and women in urban Brazil. *Journal of Econometrics*, 77 (1), 159–185.
- Wahyuni H.** (2016). The impact of health status and smoking behaviour on Indonesian labor wage. *Economic Journal of Emerging Markets*, 8 (1), 1–12.
- Wu S., Wang R., Zhao Y., Ma X., Wu M., Yan X., He J.** (2013). The relationship between self-rated health and objective health status: A population-based study. *BMC Public Health*, 13 (1), 1–9.
- Xie M., Huang Z., Zang W.** (2020). The inequality of health-income effect in employed workers in China: A longitudinal study from China family panel studies. *International Journal for Equity in Health*, 19 (1), 1–15.

Поступила в редакцию 10.01.2022

Received 10.01.2022

M.A. Kartseva

Institute for Social Analysis and Forecasting at RANEPА, Moscow, Russia

P.O. Kuznetsova

Institute for Social Analysis and Forecasting at RANEPА, Moscow, Russia

Stay healthy – will the rest follow? The impact of health on wages in Russia³

Abstract. In this article, we analyze the impact of health on wages in Russia in 2012–2019, using the data from the RLMS-HSE survey. As a measure of health impact we consider hour wages. Health is estimated by means of self-assessed health data. We use a Mincer-type wage equation. To take into account self-selection, we use the Heckman procedure to deal with the unobservable heterogeneity; we employ the panel structure of the RLMS-HSE data. The impact of health on hour wages in Russia is significant, but not great: good and very good health corresponds to an increase in earnings of 2–5% compared to average health for men and 1–3% for women. Bad health significantly reduces wages, but when self-selection is taken into account, its effect becomes insignificant. The impact of health on wages is markedly increased for groups with a low level of education, which, in our opinion, may indicate a greater importance of health for unskilled and physical labor. The robustness of our results was tested using an alternative data source.

Keywords: *health, wages, education, gender, RLMS-HSE.*

JEL Classification: I1, J16, J24.

For reference: **Kartseva M.A., Kuznetsova P.O.** (2022). Stay healthy and – will the rest follow? The impact of health on wages in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 55–70. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-4

³ The article was prepared as part of the research work of the state assignment for the RANEPА. The authors are grateful to A.A. Peresetsky and to an anonymous reviewer for extremely helpful comments and remarks.

Вопросы экономической ПОЛИТИКИ



Ю.А. Данилов

Эффективность финансового
сектора: существующие концепции
и проблема оценки

Н.А. Розинская

Т.А. Дробышевская

Количественные оценки
межпоколенной мобильности

Ю.А. Данилов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва

Эффективность финансового сектора: существующие концепции и проблема оценки¹

Аннотация. В настоящей статье представлена классификация существующих концепций эффективности финансового сектора. Выдвинута гипотеза о том, что оценки микроэкономической и информационной эффективности финансового сектора фундаментально основаны на концепции транзакционных издержек. Предложен ряд показателей для оценки макроэкономической эффективности финансового рынка, проведена их апробация на российских данных. Мы выделили четыре направления оценки эффективности финансового сектора, различающиеся по уровню рассмотрения, признанию принципа рациональности, учету транзакционных издержек: оценки макроэффективности финансового сектора; гипотеза информационно-эффективного рынка; оценки микроэффективности финансового сектора; концепция адаптивных рынков. Сформулировано предположение о том, что концепции, исследующие эффективность финансовых систем на микроуровне, а также гипотеза эффективного рынка основаны на принципе минимизации транзакционных издержек. При наличии значительного теоретического задела по вопросу макроэкономической эффективности финансового сектора наблюдается дефицит количественных оценок, поэтому мы попытались предложить ряд таких показателей, ориентируясь на функции финансовых рынков в развивающейся экономике. В статье приведены оценки макроэкономической эффективности финансового рынка России с двух сторон процесса трансформации сбережений в инвестиции (привлечения инвестиций предприятиями и размещения сбережений домохозяйствами).

Ключевые слова: *эффективность финансового сектора; аллокативная эффективность; функции финансового сектора; транзакционные издержки; защита инвесторов; операционно-эффективный рынок; информационно-эффективный рынок.*

Классификация JEL: E44, G00, G14, G51.

Для цитирования: **Данилов Ю.А.** (2022). Эффективность финансового сектора: существующие концепции и проблема оценки // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 72–92. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-5

1. Введение

Проблема оценки эффективности финансового сектора и его влияния на социально-экономическое развитие заметно актуализировалась в последние 10–12 лет в связи с ростом роли финансового сектора в социально-экономическом развитии. Оценка эффективности финансового сектора лежит в основе стратегического планирования национального финансового развития, которое в значительной мере предопределяет глобальную конкурентоспособность национального финансового сектора, а также его вклад в экономическую динамику.

Стратегии финансового развития (число которых после кризиса 2007–2009 гг. выросло многократно (Maimbo, Melesky, 2014)) и соответствующие им ключевые показатели эффективности государственных органов, проводящих политику финансового развития, остро нуждаются в научном обосновании.

¹ Автор благодарит научного сотрудника РАНХиГС Д.А. Пивоварова за помощь в проведении расчетов, других сотрудников РАНХиГС, чья критика и помощь при обсуждениях проблем, затронутых в статье, позволили серьезно улучшить качество работы, а также рецензента, чьи замечания заставили повысить степень обоснованности предлагаемых тезисов.

Дополнительную остроту проблеме оценке эффективности финансового сектора придает тот факт, что традиционные подходы к определению эффективности финансового сектора (аллокативная эффективность и информационная эффективность) не подходят для решения проблем оценки вклада финансового сектора в экономическую динамику и для оценки деятельности государственных органов, отвечающих за финансовое развитие.

Очевидно, что развитие финансового сектора в России было недостаточно эффективным (Данилов, Буклемишев, Абрамов, 2017). Необходимо понять, в каких именно аспектах формирования финансового сектора были допущены наиболее значимые ошибки, для чего необходимо построить соответствующую систему показателей его эффективности. Такой анализ становится особенно актуальным в ситуации, когда в ближайшие годы придется восстанавливать российский финансовый сектор практически с нуля, что дает возможность отсеять неэффективные решения уже на начальном этапе.

2. Классификация концепций эффективности финансового сектора

Разнообразие научных концепций эффективности финансового сектора² исключительно велико, и, на наш взгляд, последовательность их смены обладает определенной логикой. Понятие аллокативной (или распределительной) эффективности (АЭ) финансового сектора известно давно. АЭ понимается как эффективность размещения (распределения) ресурсов и/или продуктов в рамках народного хозяйства (Leibenstein, 1966). В контексте финансового сектора АЭ предполагала прежде всего эффективное распределение капитала между отраслями, регионами и отдельными фирмами. Концепцию АЭ чаще всего использовали для оценки выполнения фондовым рынком своих функций в народнохозяйственном комплексе (см., например, (Baumal, 1968)). До появления концепции ценовой эффективности АЭ была единственной метрикой эффективности финансового сектора³.

Последние 50 лет под термином «эффективность финансового рынка» чаще понимается эффективность в ценовом (информационном) смысле в соответствии с трактовкой, предложенной Юджином Фама в его диссертации 1960 г. (Fama, 1965). Окончательное оформление нового подхода, получившего наименование «гипотеза эффективного рынка» (efficient market hypothesis), было осуществлено им же в 1970 г. (Fama, 1970). Господство данной концепции, которая не предполагает оценки выполнения финансовым сектором социально-экономических функций, на наш взгляд, ограничило возможности измерения эффективности финансового сектора с макроэкономической точки зрения.

Начиная с работы Ричарда Уэста (West, 1975), в которой было введено понятие «операционно-эффективный рынок» (operationally efficient market) и показано его отличие от рынка, эффективного в ценовом смысле (pricing efficient market), началось формирование концепций (альтернативных по отношению к гипотезе эффективного рынка), оценивающих отдельные аспекты эффективности финансового сектора. Как правило, они не отрицают гипотезы

² В настоящей статье финансовый сектор понимается нами аналогично предложенному в (Sviridzenka, 2016) подходу – как сочетание финансовых рынков и финансовых институтов. Большинство концепций эффективности были сформулированы задолго до этого применительно к финансовым рынкам, но при активном использовании предположений о поведении финансовых институтов.

³ Более того, велись дискуссии о методологической правомерности предложений иных, кроме концепции АЭ, подходов к оценке эффективности, в том числе эффективности финансового сектора (Leibenstein, 1966).

эффективного рынка. Большая часть этих концепций оценивает эффективность с точки зрения отдельных финансовых институтов, т.е. на микроуровне. Вместе с тем такие оценки могут быть преобразованы в макрооценки.

Стройная теоретическая концепция ценовой эффективности Фама традиционно испытывает трудности в эмпирических подтверждениях своей корректности (см., например, работу по истории данной концепции (Sewell, 2011)). Поэтому появление теорий, опровергающих гипотезу эффективного рынка, было неизбежным⁴. Наиболее значимой концепцией такого рода нам представляется концепция адаптивных рынков, позиционируемая ее создателем Эндрю Ло в качестве согласующей, примиряющей гипотезы эффективных рынков и поведенческих финансов (Lo, 2005). Анализируя данную концепцию, мы пришли к выводу, что она оценивает эффективность финансового рынка как самообучающейся системы, в терминологии экономической кибернетики (Данилов, 2021). Подход данной концепции к оценке эффективности можно также охарактеризовать как «биологический», так как сами создатели концепции адаптивных рынков указывают на методы биологических наук, проводя аналогии между конкуренцией в биологии и на финансовых рынках.

Мы классифицировали существующие концепции эффективности финансового сектора следующим образом:

1) опирающиеся на макроэкономический подход («макроэффективность») – аллокативная (распределительная) эффективность; эффективность на основе оценок интернализации внешних эффектов финансового сектора, в том числе социально-экономическая эффективность;

2) ценовой (информационной) эффективности – гипотеза эффективного рынка;

3) опирающиеся на микроэкономический подход («микроэффективность») – концепции операционно-эффективного рынка, корпоративного управления и защиты инвесторов и др., явно или неявно определяющие эффективность на микроуровне на основе транзакционных издержек;

4) адаптивных рынков (оценка эффективности рынка как самообучающейся системы) – в определенном смысле концепция эффективности как конкурентности.

Наряду с теоретическими концепциями важнейшим научным результатом в данной области представляется сформированная Всемирным банком (Čihák et al., 2012, 2013) комплексная оценка эффективности финансового сектора как одного из направлений финансового развития. Применительно к нашей классификации показатели эффективности финансового сектора Всемирного банка могут использоваться для оценок макро- и микроэффективности финансового сектора.

Вопрос о взаимосвязи различных аспектов эффективности финансового рынка – отдельный и нетривиальный вопрос, который мы специально здесь не рассматриваем. Однако на этот счет необходимо сделать ряд замечаний.

Социально-экономическая эффективность финансового рынка и его микроэффективность – разные характеристики объекта, имеющие самостоятельную ценность; они дополняют друг друга, не являясь прямым следствием одного из другого. Интуитивно понятно, что микроэффективность должна

⁴ Мартин Сэуэлл определяет биржевой крах 1987 г. как спусковой крючок, запустивший интенсивный процесс критики гипотезы эффективного рынка (Sewell, 2011).

являться основой макроэффективности финансового рынка, и многие работы исходят именно из этого (см., например, (Stiglitz, 1993)). Впрочем, в более поздней работе (Стиглиц, 2005) автор также указывал на важность информационной эффективности. В ряде работ российских авторов (например, (Евстигнеев, 2002; НАУФОР, 2008)) выдвигаются обоснованные предположения о том, что социально-экономическая неэффективность финансового рынка в России, по меньшей мере отчасти, объясняется неэффективностью этого рынка на микроуровне.

С теоретической точки зрения связь между микроэкономической эффективностью финансового сектора и его социально-экономической эффективностью должна иметь место. Теоретическое допущение отсутствия транзакционных издержек на финансовом рынке есть по сути проекция условий (предпосылок) теоремы Коуза. Учитывая, что заключение теоремы Коуза (в редакции Дж. Стиглера) апеллирует к распределению капитала максимально эффективным образом в рамках социально-экономической системы, то это и есть теоретическое указание на эффективность финансового сектора на микроуровне как необходимое (но скорее всего недостаточное) условие его эффективности на макроуровне⁵.

Однако было также показано, что ценовая эффективность фондового рынка не значима для его экономической (инвестиционной) эффективности, так как может существовать равновесие, в котором наблюдается ценовая эффективность в сильной форме, но инвестиционные решения оказываются субоптимальными (Dow, Gorton, 1997). Данный вывод перекликается с выводами М. Дебре, по мнению которого оптимум в экономике не является единственным, и если достижимое состояние экономики является равновесным по отношению к определенной системе цен, то это состояние и есть оптимум (Дебре, 2018). То, что ценовая эффективность не значима для инвестиционной эффективности, означает, что мы имеем дело с различными равновесиями, в понимании Дебре.

Анализ подходов к определению эффективности финансового сектора позволяет сформулировать некоторые обобщения, касающиеся, в основном, трех параметров:

- уровень, на котором рассматривается эффективность финансового сектора или его структурных элементов: макроуровень (рассматривается эффективность финансового сектора как подсистемы национальной социально-экономической системы, или глобальной финансовой системы), мезоуровень (рассматривается эффективность финансового сектора как такового или отдельно взятых финансовых рынков) или микроуровень (рассматривается эффективность отдельных финансовых институтов);
- признание в рамках того или иного подхода рациональности экономических агентов (рациональность признается либо отвергается);
- учет в рамках того или иного подхода концепции транзакционных издержек (можно ли свести оценку эффективности к оценке транзакционных издержек).

⁵ Нами не найдены эмпирические исследования, подтверждающие существование строгой причинно-следственной связи между оценками эффективности финансового сектора, которые основаны на транзакционных издержках, и его социально-экономической эффективностью. В теоретических работах такая связь постулируется, начиная с (West, 1975),

Таблица 1

Методологические особенности групп концепций эффективности финансового сектора

Группа концепций	I	II	III	IV
Критерии	Значения критериев			
На каком уровне рассматривается	Макро-	Мезо-	Микро-	Мезо-
Признание принципа рациональности	Рациональность признается			Отвергается
Учет транзакционных издержек	Нет / да	Да		Нет

Примечание. Условные обозначения: I – «концепция макроэффективности»; II – «концепция ценовой эффективности»; III – «концепция микроэффективности»; IV – концепция адаптивных рынков; «нет / да» указывает на то, что классическая концепция АЭ учитывает условия существования совершенных рынков, которые в современной терминологии означают учет фактора транзакционных издержек, а современные подходы к оценке макроэффективности финансового рынка в основном их не учитывают.

Источник: составлено автором.

Результаты такого обобщения приведены в табл. 1.

Следует остановиться на различном отношении концепций эффективности финансового сектора к принципу рациональности. В рамках традиционного подхода эффективность фактически соответствует понятию рациональности, и именно в этом качестве гипотезу информационно-эффективного рынка критиковали многие ученые. Так, Р. Шиллер предложил к этой гипотезе уточнения, основанные на теории поведенческих финансов (Shiller, 2003). Обширный пласт литературы о поведенческих финансах показывает (вслед за А. Тверски и Д. Канеманом), что экономические агенты были далеки от рациональности (см. обзор в работе (Barberis, Thaler, 2003)).

Предположения математических моделей, описывающих эффективность финансового сектора, как правило, либо включают тезис о рациональности экономических агентов, либо его не включают. Более того, математически информационно-эффективный рынок эквивалентен понятию «рационально функционирующий рынок» (Ширияев, 1998). Один из двух конституирующих признаков рационального поведения состоит в том, что экономические агенты используют всю доступную релевантную информацию (Капелюшников, 2017). В фундаментальной концепции информационно-эффективного рынка (в ее сильной форме) предположение о наличии и использовании всей информации является базовым. В концепциях, описывающих макро- и микроэкономическую эффективность финансового сектора, рациональность предполагается неявно. Отказ от принципа рациональности позволил сформировать предпосылки для другой фундаментальной теоретической революции, связанной с предложением гипотезы адаптивных рынков взамен гипотезы эффективных рынков. Гипотеза адаптивных рынков, вопреки неоклассическому представлению о том, что люди максимизируют ожидаемую полезность и имеют разумные ожидания, утверждает, по мнению ее адептов, гораздо более близкий к реальности тезис: уровень эффективности рынков зависит от эволюционной модели адаптации людей к изменяющейся среде (Lo, 2005). Попытка опровергнуть гипотезу эффективного рынка и заменить ее концепцией адаптивных рынков методологически основана на замене принципа рациональности принципом эволюции.

Таблица 2

Применимость отдельных групп концепций эффективности финансового сектора к задачам оценки влияния финансового сектора на экономическую динамику и оценки качества финансового регулирования

Группа концепций эффективности финансового сектора	Цель использования показателя концепций	
	Оценка вклада финансового сектора в экономическую динамику	Оценка качества финансового регулирования
Концепции «макроэффективности»	+++	++
Гипотеза эффективного рынка	–	+
Концепции «микроэффективности»	++	+++
Концепция адаптивных рынков	+	+

Примечание. Условные обозначения: «+++» – подходит в наибольшей степени; «++» – подходит при определенных условиях; «+» – подходит частично и при определенных условиях; «–» – не подходит.

Источник: составлено автором.

Важной проблемой большинства концепций эффективности финансового сектора является сложность или даже невозможность построения количественных метрик. В табл. 2 мы свели наши оценки применимости различных концепций эффективности финансового сектора к задачам построения количественных оценок влияния финансового сектора на экономическую динамику и оценок качества финансового регулирования.

Далее в настоящей статье мы покажем, что оценки микроэффективности и информационной эффективности строятся на основе минимизации транзакционных издержек, а также сконцентрируемся на макроэффективности финансового сектора – как наиболее перспективном (наряду с микроэффективностью) подходе с точки зрения возможностей построения количественных оценок (однако в отличие от оценок микроэффективности, количественных показателей, оценивающих макроэффективность, почти нет).

3. Транзакционные издержки как основа для микроэкономических оценок эффективности финансового сектора и для гипотезы эффективных рынков

Увязав воедино три трактовки эффективных рынков (ценовую, операционную и распределительную), Р. Уэст особо отметил связь между операционной и распределительной эффективностями: для эффективного распределения капитала обязательным условием являются низкие транзакционные издержки, связанные с таким распределением (West, 1975), т.е. высокая операционная эффективность. А она предполагает, что размер брокерских комиссионных стремится к некоторому минимальному уровню, определяемому реальными издержками; размер дилерского спреда также стремится к нулю. Кроме брокерской комиссии и дилерского спреда, впоследствии были выделены и другие виды затрат инвесторов на проведение операций, при этом Б. Коллинз и Ф. Фабозци охарактеризовали все эти затраты как транзакционные издержки (Collins, Fabozzi, 1991).

Разделение понятий «операционной» и «ценовой» эффективности стало первым шагом анализа⁶ эффективности рынка согласно новой парадигме, которая адресует к деятельности отдельных финансовых институтов и их клиентов, т.е. парадигме анализа эффективности финансового сектора на микроуровне. Анализ понятия «эффективность финансового рынка» на этом не завершился. Наиболее значимым, на наш взгляд, выделением отдельных аспектов данной проблемы на микроуровне стало изучение уровня защиты интересов инвесторов.

Многочисленные исследования, проведенные в области корпоративного управления и защиты интересов инвесторов, начиная с середины 1990-х годов (в первую очередь работа (La Porta et al., 1999) и другие работы этой группы авторов в 1997–1999 гг.), позволили сформулировать дополнительные требования к эффективности финансового сектора. С точки зрения требований корпоративного управления и защиты интересов инвесторов эффективным будет такой рынок, на котором уровень защиты интересов инвесторов, закрепленный в законодательстве, а также качество правоприменения настолько высоки, что инвесторы не сталкиваются с нерыночными рисками (т.е. рисками, не обусловленными движениями рынка). Это означает, что на эффективном рынке нет проблем с получением доходов по финансовым инструментам; своевременным публичным раскрытием всей информации, необходимой для определения справедливой стоимости финансового инструмента и принятия инвестиционных решений; нет оппортунистического поведения менеджеров компаний–реципиентов инвестиций и компаний–финансовых посредников. Другими словами, транзакционные издержки, связанные с необходимостью обеспечения защиты интересов инвесторов (признаются одним из типов транзакционных издержек новой институциональной школой (Wallis, North, 1987, p. 86)), на эффективном рынке отсутствуют. Безусловно, это такое же теоретическое допущение, как и сильная форма информационно эффективного рынка.

В результате анализа выявилось три аспекта (отсутствие транзакционных издержек для получения всей необходимой информации; в виде брокерских комиссионных и дилерского спреда и в виде затрат на защиту интересов инвесторов) эффективности финансового сектора (в части рынка ценных бумаг), два из которых являются его характеристиками на микроуровне. Гипотеза эффективного рынка на мезоуровне описывает функционирование финансового рынка (рынка ценных бумаг) как единого целого, не опускаясь на микроуровень отдельной финансовой организации и не поднимаясь на макроуровень в виде рассмотрения финансового рынка как подсистемы национальной социально-экономической системы. На наш взгляд, существуют все условия для синтеза полученных определений эффективности финансового рынка на микроуровне: выше мы специально отмечали, что все приведенные определения в той или иной форме предполагают отсутствие или минимизацию транзакционных издержек⁷. При этом в синтез могут быть включены не только определения эффективности на микроуровне, но и определение информационно эффективного рынка, так как оно предполагает отсутствие издержек (включая временные) на получение инвесторами информации.

Наш подход к синтезу понятия «финансовая эффективность» методологически тяготеет к концепции новой институциональной школы, которая, как

⁶ Метода исследования, характеризующегося выделением и изучением отдельных частей объектов исследования.

⁷ Эти издержки могут относиться к их разным типам.

представляется, в данном случае позволяет установить единые основы для оценки эффективности как собственно финансового рынка, так и его экстерналий.

Следует отметить, что это уже не первая попытка синтезировать подходы к определению эффективных финансовых рынков. Синтез подходов, с разных сторон описывающих эффективный рынок капитала, начался в конце XX века в рамках неоинституционализма, при этом наиболее ценным признается теоретическое обоснование возможности выражения риска, присущего инвестициям на финансовых рынках, через транзакционные издержки (Эффективный рынок капитала ..., 2004, т. 1, с. 56–57). Д. Норт рассматривает технологии финансового рынка как способ преобразования неопределенности в риск, что, по его мнению, ведет к снижению транзакционных издержек путем снижения набора вероятностей (Норт, 1997, с. 161).

Понятие «транзакционные издержки» имеет ключевое значение в новой институциональной теории, в том числе потому, что институты в ней объясняются с точки зрения возможностей экономии транзакционных издержек (Шаститко, 2002, с. 214). Теория информационно эффективного рынка предполагает, что затраты на получение информации равны нулю; гипотеза операционно эффективного рынка – издержки обмена на финансовом рынке минимальны; концепция защиты прав инвесторов – издержки их защиты минимальны или отсутствуют. Итак, если рассмотреть разные определения эффективного рынка под углом зрения транзакционных издержек, то можно сформулировать интегральное определение: финансовый рынок эффективен во всех аспектах, если на нем отсутствуют транзакционные издержки.

Безусловно, отсутствие транзакционных издержек – теоретическая абстракция, и в реальности приближение к эффективному состоянию предполагает простое снижение транзакционных издержек. Исходя из этого, интегральной целью государственной политики на финансовых рынках должна выступать минимизация транзакционных издержек всех видов.

В целом принципу минимизации транзакционных издержек соответствует и подход Всемирного банка, реализованный в ходе создания глобальной базы данных о финансовом развитии – Global Financial Development Database (GFDD). Созданная в начале 2000-х годов база данных подверглась существенной модернизации в 2012–2013 гг. По мнению авторов (Čihák et al., 2012), для полноценного измерения финансового развития необходимо иметь оценки четырех важнейших групп характеристик финансовых институтов и рынков, одной из которых должна быть оценка эффективности.

Анализируя показатели эффективности финансового сектора в этой базе данных (10 показателей для финансовых институтов и один показатель для финансовых рынков), мы пришли к выводу, что большинство из них нацелены на измерение эффективности на микроуровне (9 из 11 показателей основаны на микростатистике), а два показателя могут быть отнесены либо к мезоуровню, либо макроуровню (в зависимости от трактовки этих уровней). Большинство показателей прямо или косвенно оценивают уровень транзакционных издержек финансовых организаций и их клиентов.

Дефицит показателей эффективности финансовых рынков остается серьезнейшей проблемой – в GFDD предложен только один такой показатель, причем

изначально специалисты Всемирного банка рассматривали намного более широкий круг показателей (Čihák et al., 2012). Четыре из семи отвергнутых показателей⁸ также опираются на оценку степени минимизации транзакционных издержек.

4. Макроэкономические оценки эффективности финансового сектора

Концепция эффективности финансового сектора с точки зрения качества выполнения им своих функций в рамках народного хозяйства естественным образом выросла из концепции АЭ, в рамках которой важнейшей макроэкономической функцией финансового сектора признавалась функция оптимального распределения капитала (West, 1975, p. 32). Эффективное распределение финансовых ресурсов может быть нарушено вследствие наличия несовершенств рынка. Именно поэтому эффективность финансового сектора оценивается с точки зрения обеспечения им оптимального распределения финансовых ресурсов (Calice, Ribeiro, Byskov, 2018). Следует заметить, что концепцию АЭ ученые пытались применить даже к исследованию советской экономики (см., например, (Nove, 1991)). Т. Бэк определил эффективность финансовой системы как способность финансовых рынков и институтов распределять общественные сбережения в лучшие инвестиционные проекты, благодаря которым происходит экономический рост (Beck, 2006).

На наш взгляд, вся группа концепций прямо или косвенно оценивает макроэффективность финансового сектора с точки зрения качества выполнения им своих социально-экономических функций. Долгое время консенсус относительно функций финансового сектора примерно соответствовал набору, перечисленному Р. Левайном (Levine, 1997, p. 691). Однако он же недавно предложил уточненный и усложненный перечень функций, учитывающий существенное усложнение финансового сектора и его взаимосвязей с экономикой в целом за последние 25 лет (Levine, 2021). Применительно к проблемам функционирования развивающихся финансовых систем, в том числе российской, больше подходит формулировка функций финансового сектора, предложенная в (Данилов, Абрамов, Буклемишев, 2017, с. 8):

- трансформация сбережений в инвестиции, прежде всего в долгосрочные;
- трансформация (распределение, перераспределение и диверсификация) рисков предпринимательской деятельности, включая инвестиционную;
- обеспечение эффективной аллокации ресурсов в рамках народного хозяйства;
- обеспечение справедливого ценообразования на финансовые активы.

Для оценки эффективности финансового сектора в России необходимы оценки качества выполнения финансовым сектором своих функций (некоторые из них будут приведены далее).

В последние годы в рамках исследования эффективности финансового сектора с точки зрения его влияния на социально-экономическое развитие (в дополнение к традиционному подходу оценки АЭ) появляются новые подходы, отражающие понимание того, что финансовый сектор влияет на самые различные аспекты функционирования общества, формируя внешние экстерналии. Поэтому в настоящее время группа концепций, оценивающих макроэкономиче-

⁸ Влияние размера заявки на цену (price impact); соотношение премии за ликвидность и транзакционных издержек (liquidity/transaction costs); спрэд между котировками спроса и предложения по государственным облигациям (quoted bid-ask spread for government bonds); показатель эффективности расчетов (settlement efficiency).

скую эффективность финансового сектора, учитывает (либо требует учитывать) большой спектр параметров воздействия, в том числе:

- социально-экономическую эффективность финансового сектора, основанную на оценке выполнения финансовым сектором своих функций в национальной системе (как и концепция АЭ, которая апеллирует к эффективности распределения капитала);
- социально-культурную эффективность финансового сектора, основанную на оценке вклада финансового сектора в формирование социального и культурного капитала (Zingales, 2015);
- эффективность финансового сектора с учетом экстерналий устойчивого развития (ESG-принципов) (Schoenmaker, Schramade, 2019);
- социально-политическую эффективность финансового сектора и эффективность финансового регулирования (Masciandaro, 2009);
- «глобальную эффективность» национального финансового сектора на основе оценки международной конкурентоспособности национального финансового сектора (Данилов, 2016).

К сожалению, число предлагаемых показателей макроэффективности финансового сектора пока еще существенно меньше запросов, сформулированных в теоретических исследованиях.

В работе (Australian Financial Markets Association, 2016) эффективность финансовой системы определяется как валовое накопление основного капитала, разделенное на добавленную стоимость в финансовых услугах (мера накопления капитала на доллар предоставленных финансовых услуг). Такой условный «коэффициент эффективности» предполагает, что основная функция финансового сектора заключается в определении объема инвестиций. Не менее важной функцией является повышение эффективности распределения сбережений и инвестиций в экономике. Это, в свою очередь, определяет качество основного капитала и его вклад в производительность, долгосрочный экономический рост и уровень жизни.

В работе (Beck, Mooney, 2021, p. 514) предложен показатель «дефицит финансирования фирмы», оценивающий достаточность кредитования фирм на основе опросов предприятий. Он рассчитывается как разница между числом компаний, сообщающих о наличии ссуды или кредитной линии (т.е. имеющих гарантированный доступ к кредитованию) и сообщающих о потребности во внешнем финансировании (т.е. желающих получить доступ).

Очевидная слабость данного показателя состоит в том, что он строится на основе опросов. На наш взгляд, существует другой более простой вариант формирования подобных показателей, который предполагает использование GFDD Всемирного банка. На основе этой базы данных можно построить следующий показатель:

$$\text{Разрыв финансирования фирм} = (1 - \text{ФННВФ}) - \text{ФИК}, \quad (1)$$

где ФИК – доля фирм, имеющих кредит (показатель AI.03 из базы данных GFDD); ФННВФ – доля фирм, не нуждающихся во внешнем финансировании (показатель AI.32 из базы данных GFDD)⁹.

Применительно к России подобный показатель также можно построить только на основе данных GFDD Всемирного банка. К сожалению, частота заме-

⁹ Указанные показатели поступают в GFDD из «Enterprises Survey», который формируется также путем опросов, но они (опросы) проводятся на основе верифицированной методологии по единым стандартам в разных странах мира.

Таблица 3

Расчет показателя разрыва финансирования фирм по России, %

Год	ФИК	ФННВФ	Разрыв финансирования фирм
2009	0,312	0,409	0,279
2012	0,216	0,431	0,353

Источник: рассчитано автором по данным GFDD Всемирного банка.

ров недостаточна, для того чтобы построить ряд годовых значений таких показателей. При этом массивный объем данных о финансовой доступности, собранный на основе опросов Банка России, также не включает данных о числе фирм, имеющих (или не имеющих) потребность во внешнем финансировании.

В базе данных GFDD Всемирного банка о России есть необходимые показатели для расчета разрыва финансирования фирм только за 2009 и 2012 г., по которым мы провели расчет этого показателя (табл. 3).

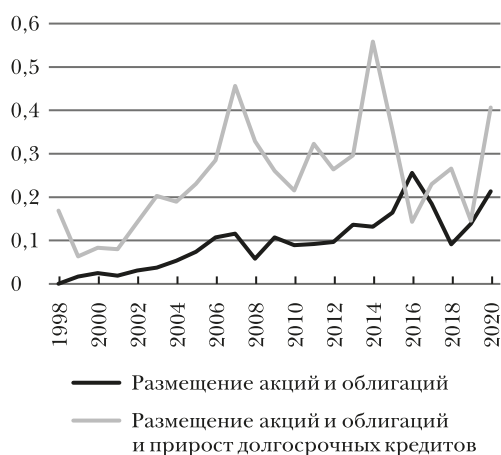
На наш взгляд, данный показатель полезен для оценки эффективности финансового сектора со стороны сектора корпораций. Поэтому данные для его расчета целесообразно собирать в Росстате либо на основе опросов предприятий Банка России.

Другой показатель выполнения функции трансформации сбережений в инвестиции со стороны фирм–реципиентов инвестиций был предложен в работе (Данилов, 2017, с. 18): «соотношение объемов инвестиций, привлеченных предприятиями и организациями на финансовом рынке, и объема инвестиций в основной капитал, осуществленных этими предприятиями и организациями». Осознавая недостатки данного показателя, мы тем не менее считаем, что его очевидное преимущество перед рассчитываемыми Росстатом на основе опросов показателями доли финансовых инструментов и банковских кредитов в структуре финансирования инвестиций в основной капитал – объективность.

Объем инвестиций, привлеченных предприятиями и организациями на финансовом рынке, складывается из трех элементов:

- долгосрочных инвестиций, привлеченных предприятиями через размещение акций (учитывается в части размещения акций эмитентами без учета продаж акционеров на внутреннем рынке);
- долгосрочных инвестиций, привлеченных предприятиями на рынке корпоративных облигаций (рассчитывается как прирост стоимости корпоративных облигаций в обращении со сроком обращения более года за соответствующий год, учитывая макроэкономический характер данного показателя);
- долгосрочных инвестиций, привлеченных предприятиями посредством банковских кредитов (прирост совокупной задолженности нефинансовых организаций по банковским кредитам сроком более года в рублях и иностранной валюте за соответствующий год).

Длина существующих рядов данных позволяет осуществлять расчет показателей привлечения инвестиций на финансовом рынке начиная с 1998 г. Сопоставление объемов привлечения инвестиций на внутреннем финансовом рынке с объемом инвестиций в основной капитал показывает, что значение внутренних рынков ценных бумаг (прежде всего корпоративных облига-

**Рис. 1**

Соотношение объемов инвестиций, привлеченных российскими предприятиями на внутреннем финансовом рынке, и объема инвестиций в основной капитал

Источники: построено по данным Росстата, Банка России, НАУФОР, информационных порталов <http://cbonds.ru>, <http://preqvesa.ru/>

**Рис. 2**

Соотношение объемов инвестиций, привлеченных российскими предприятиями на внутреннем финансовом рынке, и объема инвестиций в основной капитал (в разбивке по каналам привлечения инвестиций)

Источники: построено по данным Росстата, Банка России, НАУФОР, информационных порталов <http://cbonds.ru>, <http://preqvesa.ru/>

ций) как источника долгосрочных инвестиций для российских предприятий выросло (рис. 1).

Добавление к объему инвестиций, привлеченных на рынках ценных бумаг, прироста долгосрочных кредитов предприятиям несколько меняет картину — в этом случае наблюдается достаточно большой разброс значений показателя соотношения объемов всех долгосрочных инвестиций, привлеченных предприятиями и организациями на финансовом рынке, и объема инвестиций в основной капитал. После 2014 г. рост данного показателя сменился стабилизацией на более низких уровнях. Как представляется, это связано с несколькими взаимосвязанными процессами:

- постепенным частичным замещением облигациями кредитов для крупнейших компаний;
- переориентацией банков на кредитование населения;
- действием санкций (у многих банков после 2014 г. сузились возможности финансирования; предприятия, в свою очередь, увеличили долю собственных средств в финансировании инвестиций в основной капитал).

Тем не менее оба рассмотренных нами показателя демонстрируют существенный рост эффективности финансового сектора (особенно рынка ценных бумаг), если под эффективностью понимать выполнение функции предоставлять долгосрочные инвестиции корпоративному сектору экономики.

Разложение объема долгосрочных инвестиций, привлеченных предприятиями на внутреннем финансовом рынке, на каналы привлечения (кредиты; корпоративные облигации; акции) приведено на рис. 2.

**Рис. 3**

Сопоставление объема инвестиций, привлеченных российскими предприятиями на внутренних рынках акций и корпоративных облигаций, с объемами инвестиций в основной капитал и с суммой инвестиций в основной капитал и долгосрочных финансовых вложений всех предприятий

Источники: построено по данным Росстата, Банка России, НАУФОР, информационных порталов <http://cbonds.ru>, <http://preqvesa.ru/>

После достижения пика в 2016 г. показатель соотношения объема инвестиций, привлеченных на внутренних рынках ценных бумаг, с суммой инвестиций в основной капитал и долгосрочных финансовых вложений всех предприятий начал снижаться (рис. 3). Последующий его отскок в 2019–2020 гг. вряд ли свидетельствует о продолжении долгосрочного роста – скорее всего растущий тренд сломан.

Для объяснения, наряду с краткосрочными факторами¹⁰ следует выделить, как минимум, две причины долгосрочного характера:

- насыщение роста рынка корпоративных облигаций, в течение почти 20 лет увеличивавшего емкость по экспоненте;
- неблагоприятное соотношение выгод и издержек использования рынка ценных бумаг для привлечения инвестиций для значительной части российских корпораций (глубинная причина этого – плохой инвестиционный климат).

Оценить эффективность финансового сектора со стороны домохозяйств (основного сберегающего сектора в экономике) можно по показателю доли финансовых активов в их богатстве. Есть два подхода к расчету этого показателя

Необходимо учитывать, что предприятия могут использовать привлекаемые средства не только на финансирование инвестиций в основной капитал. Указание целей общекорпоративного развития в проспектах эмиссии является традиционным способом обеспечить менеджменту максимальную свободу в использовании привлеченных средств. Поэтому методически более правильно сопоставлять объем привлеченных средств не только с объемом инвестиций в основной капитал, но и с объемом долгосрочных финансовых вложений предприятий. Эмиссии на рынках ценных бумаг достаточно часто предпринимают для финансирования сделок слияний и поглощений, которые на уровне финансовой отчетности находят отражение в долгосрочных финансовых вложениях.

Сопоставление объема инвестиций, привлеченных российскими предприятиями на внутренних рынках ценных бумаг, с суммой инвестиций в основной капитал и долгосрочных финансовых вложений всех предприятий несколько меняет вывод о росте роли рынка ценных бумаг в финансировании инвестиционных проектов предприятий.

¹⁰ Например, замещение крупнейшими предприятиями выпавших иностранных инвестиций на внутреннем рынке корпоративных облигаций в 2015–2016 гг.

теля. При использовании данных Росстата¹¹ мы теряем в оперативности предоставления информации, кроме того, затруднены международные сопоставления. Альтернативный вариант – использование данных Credit Suisse Research Institute¹², которые поступают гораздо быстрее, чем в Росстат. Однако при его использовании страдает полнота и сопоставимость информации¹³.

Принципиально возможны две методики, различающиеся расчетом показателя доли финансовых активов в богатстве домохозяйств:

- соотнесение финансовых активов и брутто-богатства;
- соотнесение чистых финансовых активов и нетто-богатства.

С методической и политической точек зрения, безусловно, более корректным является второй вариант, так как в нем государственная политика нацеливается на превышение финансовых активов над задолженностью.

Доля финансовых активов домохозяйств (ДБ) в брутто-богатстве домохозяйств:

$$\text{ДБ} = \text{ФА} / \text{Б}, \quad (2)$$

$$\text{Б} = \text{ОК} + \text{ЗПТ} + \text{ФА}, \quad (3)$$

где ФА – финансовые активы домохозяйств; Б – брутто-богатство домохозяйств; ОК – основной капитал в собственности домашних хозяйств (жилые здания (примерно 96% всего основного капитала в собственности домашних хозяйств), нежилые здания, машины и оборудование, транспортные средства); ЗПТ – запасы потребительских товаров долговременного пользования в домашних хозяйствах.

Доля чистых финансовых активов домохозяйств (ДЧ) в чистом богатстве домохозяйств рассчитывается по формуле:

$$\text{ДЧ} = \text{ЧФА} / \text{ЧБ}, \quad (4)$$

где ЧФА – чистые финансовые активы домохозяйств, ЧБ – чистое богатство домохозяйств,

$$\text{ЧФА} = \text{ФА} - \text{Д}, \quad (5)$$

Д – долги (обязательства) домохозяйств (на 96% состоят из кредитов и займов, взятых домохозяйствами),

$$\text{ЧБ} = \text{Б} - \text{Д}. \quad (6)$$

Результаты расчетов показателей доли финансовых активов в накопленном богатстве домохозяйств приведены в табл. 4 и 5.

В целом приведенные данные свидетельствуют о постепенном росте доли финансовых активов в накопленном богатстве домохозяйств или о повышении эффективности финансового сектора для них. Однако до уровня данного показателя в Бразилии, Китае и ЮАР (табл. 6) России еще очень далеко.

Построение прочих показателей, характеризующих эффективность выполнения финансовым сектором функции трансформации сбережений в инвестиции со стороны сбережений домохозяйств как основных поставщиков инвестиционных ресурсов в народном хозяйстве, – значительно сложнее. Подобные

¹¹ По отдельным показателям можно также использовать данные Банка России, но они не покрывают всего набора необходимых индикаторов.

¹² Credit Suisse Research Institute: «Global wealth report 2021»; «Global wealth databook 2021». Другие зарубежные источники информации – база данных OECD и основанные на ней специализированные базы данных, например Всемирная база данных о богатстве и доходах (World Wealth and Income Database – WID.world) – такого преимущества в оперативности не дают.

¹³ Не учитывается такая категория богатства домохозяйств, как запасы потребительских товаров долговременного пользования. Учет акций, принадлежащих крупным собственникам через оффшорные структуры, как составной части богатства российских домохозяйств нарушает корректность межстрановых сопоставлений. Кроме того, вследствие выражения российских показателей в долларах США наблюдается более значительный разброс значений в рядах.

Таблица 4

Показатели доли финансовых активов в накопленном богатстве домохозяйств России

Год	Основной капитал, трлн руб.	Запасы товаров, трлн руб.	Финансовые активы, трлн руб.	Обязательства, трлн руб.	Брутто-богатство, трлн руб.	Чистое богатство, трлн руб.	Чистые финансовые активы, трлн руб.	ДБ = ФА / Б, %	ДЧ = ЧФА / ЧБ, %
	I	II	III	IV	V = I + II + III	VI = V - IV	VII = III - IV	VIII = III / V	IX = VII / VI
2017	128,16	53,38	70,59	15,97	252,14	236,17	54,63	28,0	23,1%
2018	133,94	58,16	80,69	18,79	272,79	254,00	61,90	29,6	24,4%
2019	140,53	62,97	87,31	21,82	290,81	268,98	65,49	30,0	24,3%

Источник: расчеты автора по данным Росстата.

Таблица 5

Показатели доли финансовых активов в накопленном богатстве домохозяйств России

Год	Богатство на 1 взрослого, долл.	Финансовое богатство на 1 взрослого, долл.	Долг на 1 взрослого, долл.	ДБ = ФА / Б, %	ДЧ = ЧФА / ЧБ, %
2017	26883	9278	2347	34,5	28,2
2018	24150	8737	2281	36,2	29,5
2019	30044	11137	3139	37,1	29,7
2020	27162	11261	2978	41,5	34,2

Источник: расчеты автора по данным Credit Suisse Research Institute.

Таблица 6

Доли финансовых активов в накопленном богатстве домохозяйств в странах БРИКС, %

Страна	ДБ = ФА / Б	ДЧ = ЧФА / ЧБ
Бразилия	60,1	50,2
Китай	48,8	42,8
Индия	25,3	18,1
ЮАР	76,8	71,3

Источник: расчеты автора по данным Credit Suisse Research Institute.

показатели отсутствуют в GFDD, мы не нашли предложений их построения в проанализированной литературе.

Наши предложения нацелены на сокращение дефицита таких показателей. Применительно к России можно построить индикаторы, основанные на публикуемом Росстатом балансе денежных доходов и расходов населения. С оговорками относительно надежности информации¹⁴, рассмотрим следующие показатели, которые могут характеризовать эффективность выполнения финансовым сектором функции трансформации сбережений в инвестиции:

¹⁴ Мы видим следующие основные риски неточности информации: 1) сомнительность опросов как источников достоверной и точной информации о выборке; 2) в состав дивидендов попадают все дивиденды по акциям, принадлежащим физическим лицам, – включая дивиденды по «стратегическим» пакетам, которые к финансовому рынку имеют косвенное отношение (в России доля таких пакетов, по данным Credit Suisse Research Institute, намного выше, чем в других странах); 3) показатель доходов по государственным и другим ценным бумагам плохо описан Росстатом методологически (так, непонятно, включаются ли в этот показатель исключительно процентные доходы или более широкий круг поступлений).

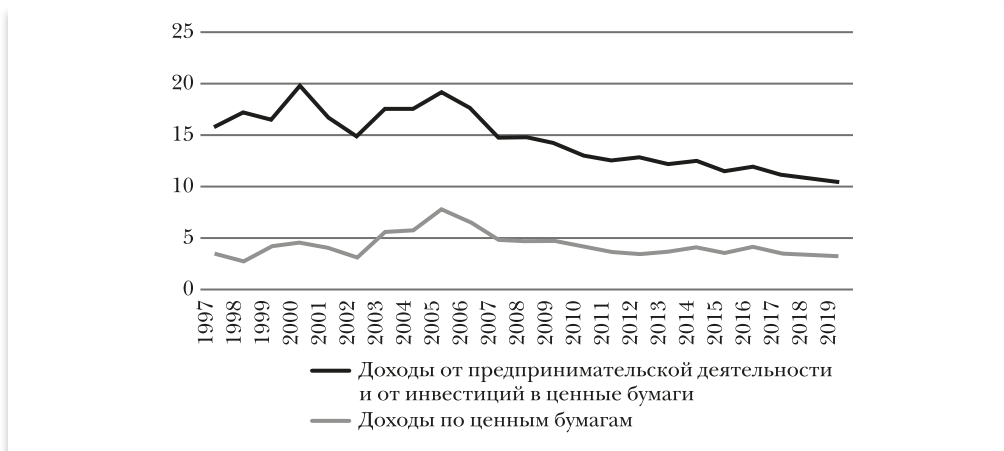


Рис. 4

Доли доходов по ценным бумагам и совокупных доходов инвестиционно-предпринимательского характера в совокупном доходе домохозяйств, %

Источник: построено автором по данным Росстата.

– доля дивидендов в совокупном объеме доходов домашних хозяйств;

– доля доходов по государственным и другим ценным бумагам в совокупном объеме доходов домашних хозяйств;

– доля суммы дивидендов и доходов по государственным и другим ценным бумагам в совокупном объеме доходов домашних хозяйств;

– доля совокупных доходов инвестиционно-предпринимательского характера (дивидендов, доходов по государственным и другим ценным бумагам и доходов от предпринимательской деятельности) в совокупном доходе домохозяйств.

Как показали расчеты, динамика доли суммы дивидендов и доходов по государственным и другим ценным бумагам в совокупном объеме доходов домашних хозяйств в целом совпадает с динамикой доли доходов от предпринимательской деятельности в совокупном объеме доходов домашних хозяйств (рис. 4), что говорит об общих факторах, определяющих динамику этих показателей.

Рост доли дивидендов в совокупных доходах домохозяйств в период с 1997 по 2009 г. (рис. 5), как представляется, отражает изменения целей кор-



Рис. 5

Доли дивидендов, доходов по государственным и другим ценным бумагам и доходов от предпринимательской деятельности в совокупном доходе домохозяйств, %

Источник: построено по данным Росстата.

поративного развития российских компаний в начале 2000-х годов: их собственники стали ориентироваться на долгосрочный рост капитализации. Регулярная выплата дивидендов, составляющих значительную часть чистой прибыли, является обязательным элементом такого роста.

Однако в целом доля доходов домохозяйств инвестиционно-предпринимательского характера, начиная с 2005 г., демонстрирует устойчивое снижение, сократившись за этот период почти вдвое — с 19,1 до 10,4% в 2019 г. Доходы от предпринимательской деятельности сокращаются с 2000 г.; доходы по государственным и другим ценным бумагам — с 2005 г.; доходы в виде дивидендов — с 2009 г. Эти цифры свидетельствуют о существенном сокращении для населения эффективности российского финансового сектора, который так и не обрел полезности для большинства.

Снижение доли предпринимательских и инвестиционных доходов в структуре доходов домохозяйств фактически означало возвращение домашних хозяйств к советской модели, в которой их доход зависит в основном от заработной платы и социальных выплат, т.е. от работодателей и государства. Возможно, это стало фактором изменения социального поведения населения и его политических предпочтений в 2010-е годы в России. Как представляется, такие изменения негативно влияют на предпринимательскую и инвестиционную активности и, соответственно, на экономическую динамику.

5. Заключение

Сложившееся в последние годы разнообразие концепций, определяющих и/или оценивающих эффективность финансового сектора, позволило нам провести их классификацию, выделив четыре группы таких концепций:

- опирающихся на макроэкономический подход (в том числе концепция АЭ);
- ценовой (информационной) эффективности;
- опирающихся на микроэкономический подход;
- адаптивных рынков.

Мы показали, что оценки микроэкономической (операционная эффективность; эффективность защиты прав инвесторов; показатели GFDD) и информационной эффективности финансового сектора опираются на понятие транзакционных издержек. Для микроэкономической и информационной эффективности мы предложили следующее интегральное определение: финансовый рынок эффективен во всех аспектах, если на нем отсутствуют транзакционные издержки. Низкие транзакционные издержки являются обязательным условием для эффективной аллокации капитала. Соответственно, микроэкономическая эффективность финансового сектора является обязательным условием его макроэкономической эффективности.

Для оценки макроэкономической эффективности мы предложили несколько показателей. По результатам их апробации на российских данных можно предложить следующие выводы для экономической политики.

Для повышения эффективности финансового сектора для компаний необходимо продолжать развитие рынка корпоративных облигаций, ставшего после 2015 г. основным источником долгосрочных капиталовложений. Вместе с тем следует кардинально повысить привлекательность рынка акций как источника долгосрочных инвестиций корпораций, что не только повысит их инвестиционную активность, но и благотворно скажется на их устойчивости, расши-

рит базу для кредитной экспансии. Такие меры были предложены в (Данилов, Буклемишев, Абрамов, 2017), но сегодня особую актуальность приобрели макрореформы: в первую очередь – улучшение инвестиционного климата и институтов, а также сокращение доли государства в экономике. После 2014–2015 гг. встала проблема наращивания долгосрочного кредитования, что в условиях жестких ограничений для формирования банковского капитала чревато ростом системных рисков. Поэтому необходимо устранить факторы, определяющие жесткие ограничения для наращивания банковского капитала.

Для восстановления эффективности финансового сектора для домохозяйств необходимы еще более глубокие изменения. Целью государства должно стать развитие предпринимательской и инвестиционной активностей населения, значительное увеличение доли финансовых активов в совокупном богатстве населения. Необходимо вернуть долю предпринимательских и инвестиционных доходов в структуру доходов населения, как минимум, к уровню середины 2000-х годов, а затем и выше. Лозунг «обогащайтесь и накапливайте»¹⁵ вновь должен вернуться в лексикон экономической политики, но не на короткое время, как в истории НЭПа, а навсегда, как в истории Франции¹⁶. Для этого необходимо вернуть доверие инвесторов к государству, утерянное в последние годы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Данилов Ю.** (2016). Оценка места Российской Федерации и ее конкурентов на глобальном финансовом рынке // *Вопросы экономики*. № 11. С. 100–116. [**Danilov Yu.** (2016). Assessment of the place of the Russian Federation and its competitors in the global financial market. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 100–116 (in Russian).]
- Данилов Ю.А.** (2017). Эффективность финансового рынка России: выполнение социально-экономических функций и глобальная конкурентоспособность. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. [**Danilov Yu.** (2017). *Efficiency of the Russian financial market: Performance of socio-economic functions and global competitiveness*. Moscow: Publishing house “Delo” RANEPА (in Russian).]
- Данилов Ю.А.** (2021). Устойчивые финансы: новая теоретическая парадигма // *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65. № 9. С. 5–13. [**Danilov Yu.A.** (2021). Sustainable finance: A new theoretical paradigm. *World Economy and International Relations*, 65 (9), 5–13 (in Russian).]
- Данилов Ю.А., Абрамов А.Е., Буклемишев О.В.** (2017). Реформа финансовых рынков и небанковского финансового сектора. М.: ЦСР–РАНХиГС. [**Danilov Yu.A., Abramov A.E., Buklemishev O.V.** (2017). *Reform of financial markets and non-banking financial sector*. Moscow: CSR–RANEPА (in Russian).]
- Данилов Ю.А., Буклемишев О.В., Абрамов А.Е.** (2017). О необходимости реформы финансовых рынков и небанковского финансового сектора // *Вопросы экономики*. № 9. С. 28–50. [**Danilov Yu.A., Buklemishev O.V., Abramov A.E.** (2017). On the need to reform financial markets and the non-banking financial sector. *Voprosy Ekonomiki*, 9, 28–50 (in Russian).]

¹⁵ «Всему крестьянству, всем его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство» (Бухарин Н.И. «О новой экономической политике и наших задачах: доклад на собрании актива Московской организации». 17 апреля 1925 г. Харьков: Пролетарий. С. 31).

¹⁶ Идеолог либерального консерватизма Франсуа Гизо, впервые озвучивший данный лозунг в 1843 г., прямо увязал обогащение с просвещением народа и с построением инклюзивных институтов на основе реализации гражданами Франции своих политических прав. Это было необходимо для преодоления общественной неуверенности, возникшей в ходе длительной череды войн и революций (Матвеев С.Р. «Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо». М.: Изд. дом НИУ «Высшая школа экономики», 2019).

- Дебрё Ж.** (2018). Теория ценности: аксиоматический анализ экономического равновесия. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. [Debreu G. (2018). *Theory of value: An axiomatic analysis of economic equilibrium*. Translated from the English. Moscow: “Delo” RANEPA (in Russian). Originally published in 1959, New Haven, London: Yale University Press.]
- Евстигнеев В.Р.** (2002). Портфельные инвестиции в мире и в России: выбор стратегии. М.: Эдиториал УРСС. [Evstigneev V.R. (2002). *Portfolio investments in the world and in Russia: the choice of strategy*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).]
- Капелюшников Р.И.** (2017). Статус принципа рациональности в экономической теории: прошлое и настоящее // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 1 (33). С. 162–166. [Kapelyushnikov R.I. (2017). The status of the principle of rationality in economic theory: Past and present. *Journal of the New Economic Association*, 1 (33), 162–166 (in Russian).]
- НАУФОР (2008). Российский фондовый рынок и создание международного финансового центра. Идеальная модель фондового рынка России на долгосрочную перспективу (до 2020 года). М.: НАУФОР. [NAUFOR (2008). *Russian stock market and the creation of an international financial center. The ideal model of the Russian stock market for the long term (until 2020)*. Moscow: NAUFOR (in Russian).]
- Норт Д.** (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала. [North D. (1997). *Institutions, institutional change and economic performance*. Translated from the English. Moscow: Nachala. Originally published by Cambridge University Press, 1990 (in Russian).]
- Стиглиц Дж.** (2005). Ревущие девяностые. Семена развала. М.: Современная экономика и право. [Stiglitz J. (2005). *The roaring nineties: A new history of the world's most prosperous decade*. Translated from the English. Moscow: Contemporary Economics and Law. Originally published by W.W. Norton & Co, 2003 (in Russian).]
- Шаститко А.Е.** (2002). Новая институциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС. [Shastitko A.E. (2002). *New institutional economic theory*. Moscow: Faculty of Economics, Moscow State University, TEIS (in Russian).]
- Ширяев А.Н.** (1998). Основы стохастической финансовой математики. Т. 1. «Факты. Модели». М.: ФАЗИС. [Shiryayev A.N. (1998). *Foundations of stochastic financial mathematics*. Vol. 1. “Facts. Models”. Moscow: FAZIS (in Russian).]
- Эффективный рынок капитала: экономический либерализм и государственное регулирование (2004). Т. 1. Под общ. ред. И.В. Костикова. М.: Наука. [An effective capital market: economic liberalism and government regulation (2004). Vol. 1. I.V. Kostikov (gen. ed.). Moscow: Nauka (in Russian).]
- Australian Financial Markets Association (2016). *Financial sector growth, capital formation and productivity*. Sydney: Australian Financial Markets Association.
- Barberis N., Thaler R.** (2003). A survey of behavioral finance. G. Constantinides, M. Harris, R. Stulz (eds.). *Handbook of the Economics of Finance*, 1 (2). Amsterdam: Elsevier Publishers.
- Baumal W.** (1968). *The stock market and economic efficiency*. New York: Fordham University Press.
- Beck T.** (2006). Creating an efficient financial system: Challenges in a global economy. *Policy Research Working Paper Series 3856*.
- Beck T., Mooney H.** (2021). Financial development in the Caribbean. In: S. Moisés, B. Diether (eds.). *Economic institutions for a resilient Caribbean*. Washington: Inter-American Development Bank.
- Calice P., Ribeiro E., Byskov S.** (2018). Efficient financial allocation and productivity growth in Brazil. *World Bank Policy Research Working Paper 8479*.

- Čihák M., Dermiguc-Kunt A., Feyen E., Levine R.** (2012). Benchmarking financial systems around the world. *World Bank Policy Research Working Paper 6175*.
- Čihák M., Dermiguc-Kunt A., Feyen E., Levine R.** (2013). Financial development in 205 economies, 1960 to 2010. *NBER Working Paper Series*, 18946.
- Collins B., Fazio F.** (1991). A methodology for measuring transaction costs. *Financial Analysts Journal*, 47 (2), 27–36.
- Dow J., Gorton G.** (1997). Stock market efficiency and economic efficiency: Is there a connection? *The Journal of Finance*, 52 (3), 1087–1129.
- Fama E.F.** (1965). Random walks in stock market prices. *Financial Analysts Journal*, 21 (5), 55–59.
- Fama E.F.** (1970). Efficient capital markets: A review of theory and empirical work. *The Journal of Finance*, 25 (2), 383–417.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.W.** (1999). Investor protection: Origins, consequences, reform. *NBER Working Paper Series*, 7428.
- Leibenstein H.** (1966). Allocative efficiency vs. “X-efficiency”. *American Economic Review*, 56 (3), 392–415.
- Levine R.** (1997). Financial development and economic growth: Views and agenda. *Journal of Economic Literature*, 35 (2), 688–726.
- Levine R.** (2021). Finance, growth, and inequality. *IMF Working Paper WP/21/164*.
- Lo A.** (2005). Reconciling efficient markets with behavioral finance: The adaptive markets hypothesis. *Journal of Investment Consulting*, 7 (2), 21–44.
- Maimbo S.M., Melecky M.** (2014). Financial sector policy in practice. Benchmarking financial sector strategies around the world. *World Bank Policy Research Working Paper 6746*.
- Masciandaro D.** (2009). Politicians and financial supervision unification outside the central bank: Why do they do it? *Journal of Financial Stability*, 5, 124–146.
- Nove A.** (1991). ‘Allocational efficiency’. Can it be so? *Soviet Studies*, 43 (3), 575–579.
- Schoenmaker D., Schramade W.** (2019). Investing for long-term value creation. *Journal of Sustainable Finance & Investment*, 9 (4), 356–377.
- Sewell M.** (2011). History of the efficient market hypothesis. *Research Note RN/11/04*. London: University College London.
- Shiller R.** (2003). From efficient markets theory to behavioral finance. *Journal of Economic Perspectives*, 17 (1), 83–104.
- Stiglitz J.** (1993). Financial systems for Eastern Europe’s emerging democracies. *International Center for Economic Growth Occasional papers 38*. San Francisco: An International Center for Economic Growth publication.
- Svirydzhenka K.** (2016). Introducing a new broad-based index of financial development. *IMF Working Paper WP/16/5*.
- Wallis J.J., North D.C.** (1986). Measuring the transaction sector in the American economy, 1870–1970. In: *Long-term factors in American economic growth*. S. Engerman (ed.). Chicago: University of Chicago Press.
- West R.** (1975). On the difference between internal and external market efficiency. *Financial Analysts Journal*, 31 (6), 30–34.
- Zingales L.** (2015). Does finance benefit society? *NBER Working Paper 20894*.

Поступила в редакцию 06.10.2022

Received 06.10.2022

Yu.A. Danilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA), Moscow, Russia

Financial sector efficiency: Present concepts and the estimation problem¹⁷

Abstract. This article presents classification of existing concepts of the efficiency of the financial sector. Proposed the hypothesis that assessments of the microeconomic and informational efficiency of the financial sector are fundamentally based on the concept of transaction costs. Suggested a number of indicators for assessing the macroeconomic efficiency of the financial market and their approbation on the Russian data. We identified four areas for assessing the effectiveness of the financial sector, differing in the level of consideration, recognition of the principle of rationality, accounting for transaction costs: assessing the macro-efficiency of the financial sector; information-efficient market hypothesis; the concept of adaptive markets. The assumption is formulated that the concepts studying the efficiency of financial systems at the micro level, as well as the efficient market hypothesis, are based on the principle of minimizing transaction costs. While there is a significant theoretical backlog on the issue of macroeconomic efficiency of the financial sector, there is a shortage of quantitative estimates, so we tried to offer a number of such indicators, focusing on the functions of financial markets in a developing economy. The article constructs the estimates of the macroeconomic efficiency of the Russian financial market from two sides of the process of transforming savings into investments (attracting investments by enterprises and placing savings by households).

Keywords: *efficiency of the financial sector; allocative efficiency; functions of the financial sector; transaction costs; investor protection; operationally efficient market; informationally efficient market.*

JEL Classification: E44, G00, G14, G51.

For reference: **Danilov Yu.A.** (2022). Financial sector efficiency: Present concepts and the estimation problem. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 72–92. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-5

¹⁷ The author thanks RANEPA researcher D.A. Pivovarov for help in carrying out the calculations, other RANEPA researchers, whose criticism and assistance in discussing the problems raised in the article allowed to seriously improve the quality of the work, as well as the reviewer, whose comments made it necessary to strengthen the of foundation the proposed theses.

Н.А. Розинская
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Т.А. Дробышевская
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Количественные оценки межпоколенческой мобильности

Аннотация. Статья посвящена межпоколенческой мобильности — одному из важнейших факторов, определяющих уровень фактического социального неравенства в обществе, а также готовность общества с таким уровнем мириться. В первой части работы дается обзор современной литературы, посвященной количественным оценкам межпоколенческой мобильности и межпоколенческой эластичности. Рассматриваются основные показатели и дискуссионные вопросы, связанные с точностью оценки межпоколенческой мобильности, а также методы оценки причин зависимости доходов детей от доходов родителей. Во второй части сделан обзор основных подходов, применяемых в прикладных исследованиях в данной области. Среди рассмотренных подходов — сравнение межпоколенческой мобильности по странам и ее связь с социальным неравенством, изменение межпоколенческой мобильности во времени, а также связь межпоколенческой мобильности с экономическим ростом. Особое внимание в статье уделено результатам прикладных исследований на материале России. Новизна работы заключается в том, что, давая обзор исследований в области межпоколенческой мобильности, авторы отвечают не только на вопрос, что утверждали те или иные исследователи, но и какие методы используются в современной литературе по межпоколенческой мобильности для обоснования выводов.

Ключевые слова: *неравенство доходов, межпоколенческая мобильность, межпоколенческая эластичность, количественные оценки неравенства.*

Классификация JEL: Z13, Z18, O15.

Для цитирования: **Розинская Н.А., Дробышевская Т.А.** (2022). Количественные оценки межпоколенческой мобильности // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 5 (57). С. 93–111. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-6

1. Введение

Цель статьи — привлечь внимание российской аудитории к проблеме межпоколенческой мобильности и ознакомить читателей с методами ее оценивания, используемыми в статьях, опубликованных в ведущих мировых журналах, что позволит использовать опыт зарубежных коллег для анализа неравенства в России. Под межпоколенческой мобильностью понимается тенденция устойчивой во времени зависимости социально-экономического статуса детей от социально-экономического статуса родителей. Анализируется современная литература по этой тематике, прослеживаются основные направления ведущихся научных дискуссий. Важность данной темы для нашей страны вызвана тесной взаимосвязью между уровнем межпоколенческой мобильности и показателями социального неравенства, являющегося одной из самых острых проблем сегодняшней России.

Начиная с Джона Роулза (Rawls, 1958, 1971), проблема справедливости общественного устройства все чаще рассматривается в литературе не с точки зрения неравенства доходов, а с точки зрения неравенства возможностей. Идея

равенства возможностей («жизненный успех зависит от твоих усилий, а не от того, где и кем ты родился») является одной из ключевых составляющих системы ценностей рыночной экономики. Исследованию данного вопроса посвящено много работ. Но, если во второй половине XX в. работы были в основном теоретическими, то на современном этапе, с увеличением объема доступной ученым информации, расширением возможностей ее собирать и обрабатывать, с развитием компьютерных технологий появилась возможность протестировать существующие гипотезы.

Пытаясь выяснить отношение людей к неравенству, исследователи провели множество экспериментов, результаты которых согласуются с идеями, высказанными ранее, в том числе и Дж. Роулзом. Эксперименты показали, что люди готовы мириться с неравенством, если считают, что неравенство вызвано различием персональных усилий, а не фактом рождения или другими обстоятельствами, которые оказались объективно не доступными для других индивидов, например удачей (Cappelen, Konow, Tungodden, 2013; Almas et al., 2010; Schokkaert, Devooght 2003; Gaertner, Schwettmann 2007). Таким образом, перед исследователями встал вопрос количественной оценки неравенства, которое передается от одного поколения к другому.

Одним из первых, кто пытался понять, каковы шансы детей из определенной социально-экономической группы переместиться в более высокую, был основоположник американской социологии Питирим Сорокин (Сорокин, 1992, первоначально опубликовано в 1927), Он назвал этот процесс социальной мобильностью и исследовал уровень социальной мобильности в различных регионах мира.

На современном этапе в качестве главных показателей социальной мобильности используется межпоколенческая мобильность и межпоколенческая корреляция. В литературе по данному предмету можно выделить несколько направлений: общетеоретические и методологические работы, где обсуждаются вопросы правильности используемых спецификаций моделей и оценок; эмпирические работы, где делаются попытки оценить показатели межпоколенческой мобильности и корреляции на доступных данных, и работы, где оцениваются результаты государственной политики в данной сфере. В статье не ставится задача дать всеобъемлющий обзор литературы на тему межпоколенческой мобильности, так как число публикаций на данную тему достаточно велико и продолжает расти исключительно высокими темпами. Акцент сделан на наиболее интересных методологических и эмпирических исследованиях в данной области. В первой части рассматриваются основные применяемые показатели, дискуссионные вопросы, связанные с точностью оценки, а также методы оценки причин зависимости доходов детей от доходов родителей. Во второй части дан обзор основных и наиболее, на наш взгляд, интересных направлений и результатов эмпирических исследований в данной области, в частности, рассмотрены следующие вопросы: сравнение межпоколенческой мобильности по странам и ее связь с неравенством; изменение межпоколенческой мобильности во времени; связь межпоколенческой мобильности с экономическим ростом; результаты исследований по России.

2. Основные показатели и дискуссия о правильности оценивания

Начиная со второй половины XX в. многие исследователи видели одной из важнейших задач доказать наличие либо отсутствие корреляции между благосостоянием родителей и их детей, а при наличии корреляции — максимально точно оценить ее и межпоколенческую мобильность (Solon, 1992; Roemer, 2004; Corak, 2013; Roemer, Tranno, 2016).

В литературе выделяют различные характеристики межпоколенческой мобильности. Абсолютная межпоколенческая мобильность в когорте характеризуется долей детей, чьи доходы выше доходов их родителей (Kennedy, Siminski, 2021). Измерение абсолютной мобильности представляется важным, так как увеличение данного показателя однозначно показывает улучшение ситуации: повышение доходов детей из одной группы при фиксированном доходе детей из других групп (*ibid.*).

Другой характеристикой межпоколенческой мобильности является относительная мобильность, которая показывает склонность детей занимать иное положение в распределении доходов, — отличное от положения их родителей, т.е. отвечает на вопрос «Каковы достижения детей из малообеспеченных семей по сравнению с детьми из высокодоходных семей?» (Chetty et al., 2014). В этом вопросе основное внимание уделяется относительным результатам детей из разных социально-экономических слоев общества. Интерпретация оценки относительной межпоколенческой мобильности не может быть однозначной, так как рост доходов детей из бедных семей мог стать результатом сокращения доходов детей из богатых семей. В таком случае это бы означало, что рост межпоколенческой мобильности был обусловлен худшими результатами для богатых, а не лучшими результатами для бедных (Chetty et al., 2014). Относительная межпоколенческая мобильность является более распространенным показателем. В литературе преобладают два способа его измерения: лог-линейный и ранговый методы.

В основе лог-линейного подхода лежит регрессионный анализ с применением метода наименьших квадратов (МНК), где в качестве зависимой переменной берется логарифм дохода детей и регрессируется на логарифм дохода родителей и ряд контрольных переменных. Коэффициент при независимой переменной ($\log Y_i^{par}$) β является эластичностью и показывает, на сколько процентов изменится доход ребенка, если доход родителей изменится на 1%:

$$\log Y_i^{child} = \alpha + \beta \log Y_i^{par} + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где Y_i^{child} — доходы детей; Y_i^{par} — доходы родителей.

Более низкая межпоколенческая эластичность означает меньшую зависимость будущих доходов детей от доходов их родителей. Иными словами, относительная величина влияния на доход детей других факторов (собственное образование, амбиции, приложенные усилия) больше. Оценка эластичности доходов детей по доходам их родителей (IGE) является одним из способов оценки межпоколенческой мобильности (IGM). По определению, $IGM = (1 - IGE)$: чем выше эластичность, тем ниже социальная мобильность в обществе.

При использовании рангового подхода необходимо вычислить перцентильные ранги R_i^{child} для доходов детей из основной выборки, используя общий доход детей; затем сделать то же самое для доходов их родителей, присваивая каждому значению дохода ранг R_i^{par} , и оценить следующую модель (Chetty et al., 2014):

$$R_i^{child} = \alpha + \beta R_i^{par} + \varepsilon_i, \quad (2)$$

где R_i^{child} – перцентильный ранг доходов детей; R_i^{par} – перцентильный ранг доходов родителей; β – показатель относительной межпоколенческой мобильности.

Поскольку оба ранга следуют распределению $Uni(0, 1)$ ¹, то для данного распределения коэффициент линейной регрессии совпадает с коэффициентом корреляции:

$$\beta = \text{cov}(R^{par}, R^{child}) / \text{var}(R^{par}) = \text{corr}(R^{par}, R^{child}). \quad (3)$$

В случае другого распределения коэффициент корреляции считается по формуле Пирсона и показывает меру взаимосвязи разброса дохода ребенка относительно среднего дохода ребенка с разбросом дохода родителя относительно среднего дохода родителя. Например, могут быть две страны с одинаковой эластичностью, т.е. с одинаковой устойчивой связью между изменением дохода ребенка и дохода родителей, но с большей корреляцией, т.е. с большей дисперсией и, соответственно, с большей потенциальной мобильностью.

Помимо названных, существуют и другие характеристики межпоколенческой мобильности: абсолютная восходящая мобильность; абсолютная нисходящая мобильность; оценка вероятности перехода от нижнего квантиля к верхнему квантилю распределения доходов; оценка вероятности того, что у ребенка доход семьи будет выше черты бедности при условии дохода родителей на уровне 25-процентиля и др. Выбор того или иного показателя для оценки связан с задачами, которые ставит перед собой исследователь, и имеющимися в его распоряжении данными.

Стоит отметить, что результаты исследований различались в зависимости от применяемых методов и данных. Поэтому в процессе оценивания межпоколенческой мобильности возникает много вопросов, связанных с точностью и несмещенностью оценок. Существует большой пласт литературы, посвященной решению этих проблем с помощью статистических и эконометрических методов. В ряде случаев внесенные уточнения приводят к принципиальному изменению оценок, но чаще, получая те же результаты, делают модель заслуживающей большего доверия (Mazumder, 2005; Haider, Solon, 2006; Nilsen et al., 2008).

Одна из последних дискуссий о правильности оценивания межпоколенческой мобильности развернулась на страницах журнала «Sociological Methodology» (Lundberg, Stewart, 2020) как реакция на статью профессора Стэнфордского университета П. Митника и его коллег (Mitnik, Bryant, Weber, 2019). Авторы обратили внимание на то, что до сих пор, несмотря на огромное число работ, нет правильных оценок межпоколенческой мобильности. С точки зрения авторов статьи, можно выделить следующие проблемы.

1. Для традиционного подхода является стандартной практикой отбрасывание семей, которые фиксировали нулевой доход, что, естественно, приводит к выборке, которая дает смещенный результат (Mitnik, Bryant, Weber, 2019, p. 6).

2. Традиционный подход к оценке *IGM* основан на неверном истолковании того, что именно оценивается. Практически во всех случаях исследователи предполагали, что они оценивают эластичность ожидаемого среднего дохода детей, тогда как на самом деле они оценивали эластичность среднего геометрического дохода детей (Mitnik, Bryant, Weber, 2019, p. 6).

3. Большинство исследователей исходят из предположения, что эластичность дохода постоянная (Chetty et al., 2014). Возникает вопрос, на который пока нет ответа, действительно ли множество действующих социальных и экономических

¹ Равномерное распределение от 0 до 1.

сил, влияющих на взаимосвязь между родительским доходом и доходом детей, можно хорошо аппроксимировать прямой линией (в логарифмическом пространстве), т.е. можно ли использовать линейные модели (Mitnik, Bryant, Weber, 2019, p.7).

Если вторая и третья проблемы признаются многими экономистами и как один из вариантов ее решения предлагаются различные способы для коррекции уже полученных результатов (Chetty et al., 2014), то решение первой проблемы, по сути, сводится к аккуратным интерпретациям полученных результатов (Lundberg, Stewart, 2020).

Результатами дискуссии стали различные предложения о том, как избежать существующих недостатков оценивания, но консенсуса относительно решения обозначенных проблем и оценки предложений в работе (Mitnik, Bryant, Weber, 2019) пока не сложилось (Mogstad, Torsvik, 2021).

С методологической точки зрения также очень интересными являются способы оценки причинно-следственных связей доходов детей с доходами их родителей и попытки объяснения устойчивости этой зависимости.

Оценить причинно-следственные связи намного сложнее, чем оценить величину эффекта, так как существует большое число ненаблюдаемых факторов, которые могут влиять на зависимую и независимую переменные одновременно, тем самым создавая смещение в оценке параметров. Для решения этой проблемы, которая в литературе получила название «проблема эндогенности», используются различные методы, каждый из которых основывается на поиске экзогенной вариации в данных.

Например, в ряде работ для проверки гипотезы о влиянии наследственности взаимосвязь между доходами братьев (сестер) используется как альтернативная мера межпоколенческого влияния. Положительная корреляция подразумевает, что общие генетические и другие факторы окружающей социальной среды заставляют братьев (сестер) быть более похожими, чем два случайных члена сообщества. Здесь мы видим более высокий коэффициент корреляции в англо-саксонских странах, чем в странах Северной Европы, что подтверждает вывод о меньшей роли семьи в Скандинавских странах, чем, например, в США (Bjorklund, Jantti, Roemer, 2012; Mazumder, 2008).

Для выявления причинно-следственных связей между доходом и/или образованием родителей, с одной стороны, и доходами детей, с другой, используются инструментальные переменные, т.е. экзогенные переменные, которые тесно связаны с доходом (образованием) родителей (независимая переменная) и при этом не имеют прямого влияния на доходы детей (зависимая переменная), а влияют исключительно опосредованно – через доходы / образование родителей (независимая переменная). В ряде работ в качестве инструментальной переменной используется внешний шок от потери отцом работы. Но данный подход не дает однозначных результатов. В работе (Oreopoulos, Page, Stevens, 2008) авторы приходят к выводу, что у сыновей, отцы которых были уволены, годовой доход примерно на 9% ниже, чем у детей, чьи отцы не подверглись увольнению. В то время как в работе (Bratberg, Nielsen, Vaage, 2008) показано, что, несмотря на то что увольнение отца негативно влияет на доход семьи, это не влияет на последующий заработок их детей.

Несколько отличной от представленных в литературе точек зрения является гипотеза Грегори Кларка. На основе исследования семейных фамилий на протяжении поколений по странам и периодам от династии Цин в Китае до современной Швеции он делает вывод о высокой устойчивости социального статуса различных

поколений в семье. И в качестве главной причины столь низкой социальной мобильности Кларк называет передачу от родителей детям генов, которые оказываются полезными для достижения высокого статуса (Clark, 2015). В одной из своих последних работ Г. Кларк с коллегами пытается проверить свою гипотезу на венгерских данных за период 1949–2017 гг. (Bukowski et al., 2021). В результате данного исследования они приходят в том числе к выводу о том, что, несмотря на кардинальные изменения состава политической элиты в переходный период, показатели межпоколенческой мобильности оставались стабильно низкими. При этом потомки венгерских аристократов XVIII в. оставались привилегированными и в 1949 г., и после падения коммунистического режима (Bukowski et al., 2021).

Кроме приведенных выше, в литературе представлены и другие (более или менее удачные) попытки оценить детерминанты изменений межпоколенческой мобильности (Black, Devereux, 2010). Таким образом, несмотря на то что данные работы очень интересны и, несомненно, вносят определенный вклад в лучшее понимание данного вопроса, четко установить причинно-следственную связь, объясняющую относительно высокую межпоколенческую эластичность в ряде регионов, на данном этапе представляется затруднительным и требует дальнейших исследований.

3. Основные направления эмпирических исследований

Помимо определения точности оценок, большая часть исследований в этой области посвящена сравнению величины эластичности по странам и регионам (Solon, 2002; Jantti, 2006; Corak, 2006; Kennedy, Siminski, 2021; Justman, Stiansnie, 2021). Результаты одного из наиболее часто цитируемых исследований (Jantti, 2006) показывают, что наименьший коэффициент межпоколенческой эластичности в Скандинавских странах – в среднем менее 0,2; в Великобритании – примерно 0,3, а в США этот показатель достаточно высок – более 0,5 (табл. 1). В таблице приведены меры чувствительности процентного изменения дохода ребенка к процентному изменению дохода родителя (эластичность) и взаимосвязь вариации доходов родителей и ребенка (корреляция).

При более детальном анализе и сравнении результатов по Скандинавским странам и по США авторы обращают внимание на ряд различий. Во-первых, в США гораздо более низкая социальная мобильность вверх, т.е. переход из самой бедной квантильной группы в группы с более высокими доходами. Более 40% мужчин в США, рожденных в низшем квантиле (самой бедной группе), там и остаются. По этому показателю социальной мобильности Великобритания гораздо больше похожа на страны Северной Европы, чем на США. Во-вторых, социальная мобильность вниз, т.е. переход из богатых квантильных групп в более бедные, в США также ниже, чем во всех других странах. Менее 10% мужчин в США, рожденных в самом богатом квантиле, оказываются в нижних квантилях, в то время как это обычно имеет место примерно для 15% мужчин северных стран. По этому показателю Великобритания больше похожа на США, чем на страны Северной Европы.

Авторы отмечают, что данные результаты свидетельствуют против традиционного представления об американской исключительности, заключающегося в более высокой скорости социальной мобильности, чем в других странах. В свете этих свидетельств США кажутся исключительными скорее тем, что социальная мобильность там меньше, чем в других развитых странах (Jantti, 2006).

Таблица 1

Коэффициенты эластичности и корреляции

Страна	Эластичность	Корреляция
Мужчины		
Дания	0,071	0,089
Финляндия	0,173	0,157
Норвегия	0,155	0,138
Швеция	0,258	0,141
Великобритания	0,306	0,198
США	0,517	0,357
Женщины		
Дания	0,034	0,045
Финляндия	0,080	0,074
Норвегия	0,114	0,084
Швеция	0,191	0,102
Великобритания	0,331	0,141
США	0,283	0,160

Примечания. Доходы были скорректированы с учетом цен 2000 г. и конвертированы в международные доллары США 2000 г. с использованием обменного курса ОЭСР по ППС за этот год. «Отцы» – из когорты в возрасте от 35 до 64 лет, доходы для Дании взяты за 1980 г., Финляндии – 1975 г., Норвегии – 1974 г., Швеции – 1975 г., Великобритании – 1974 г. и США – 1978 г. «Сыновья» и «дочери» из когорты родившихся – для Дании: 1958–1960 г., Финляндии: 1958–1960 г., Норвегии: 1958 г., Швеции: 1962 г., Великобритании: 1958 г. и США: 1957–1964 г. Их доходы – для Дании: 1998 и 2000 г., Финляндии: 1995 и 2000 г., Норвегии: 1992 и 1999 г. Швеции: 1996 и 1999 г., Великобритании: 1991 и 1999 г., США: 1995 и 2001 г. Самому младшему из когорт детей было 30 лет, а самому старшему – 42 года в те годы, когда измерялся их заработок. Результаты включают только ненулевые наблюдения как потомства, так и отцов.

Источник: Jantti, 2006.

В тех регионах, где нет необходимых данных о доходах, исследователи пытаются оценить межпоколенческую мобильность, используя данные об образовании. Наиболее интересной работой в этой области является исследование межпоколенческой мобильности в Африке (Alesina et al., 2021). Причем, если в статье (Jantti, 2006) целью автора был максимально корректный подсчет межпоколенческой мобильности и сравнение этих показателей между собой в динамике, то в данной работе исследователи не просто сравнивают разные страны и регионы Африки, но и пытаются выявить основные детерминанты различий.

Авторы приходят к выводу, что уровень межпоколенческой мобильности существенно различается как в разных странах Африканского континента, так и в разных регионах одной и той же страны. Грамотность старших поколений является одним из важнейших предикторов как восходящей, так и нисходящей мобильности. При этом устойчивая связь между уровнем образования родителей и детей более существенна для сельской местности, чем для города. Также были выявлены географические и исторические детерминанты межпоколенческой мобильности. Восходящая мобильность выше, а нисходящая ниже в регионах с колониальными

инвестициями в железные дороги и в регионах, близких к христианским, в основном протестантским, миссиям. Расстояние до побережья и столицы положительно связано с межпоколенческой мобильностью. Восходящая мобильность выше в регионах, которые были более развиты на момент обретения независимости, с более высокой урбанизацией и занятостью в сфере услуг (Alesina et al., 2021).

Для выявления причин различий межпоколенческой мобильности по развитым странам авторы используют данные о доходах. Чаще всего оценивают модели на панельных данных с фиксированными эффектами. Так, в работах (Ichino, Karabarbounis, Moretti, 2009; Mayer, Loro, 2008) было показано, что в странах, где государство больше тратит на систему дошкольного и младшего школьного образования, коэффициент межпоколенческой эластичности ниже, т.е. вертикальная мобильность выше. Кроме того, авторы выявили сильную положительную корреляцию между наличием в стране разрыва между богатыми и бедными и межпоколенческой эластичностью.

К аналогичным выводам пришел и М. Корак (Corak, 2013). Выводы его работы были представлены в знаменитом докладе председателя Совета экономических консультантов при Президенте США Алана Крюгера в 2012 г. Данный доклад имел большой резонанс³, так как ставил под сомнение справедливость устройства социально-экономической системы США. В докладе подчеркивалось, что чем выше в стране неравенство, тем выше уровень межпоколенческой эластичности (рис. 1), т.е. доход все больше зависит не от усилий самого человека, а от того, из какой он

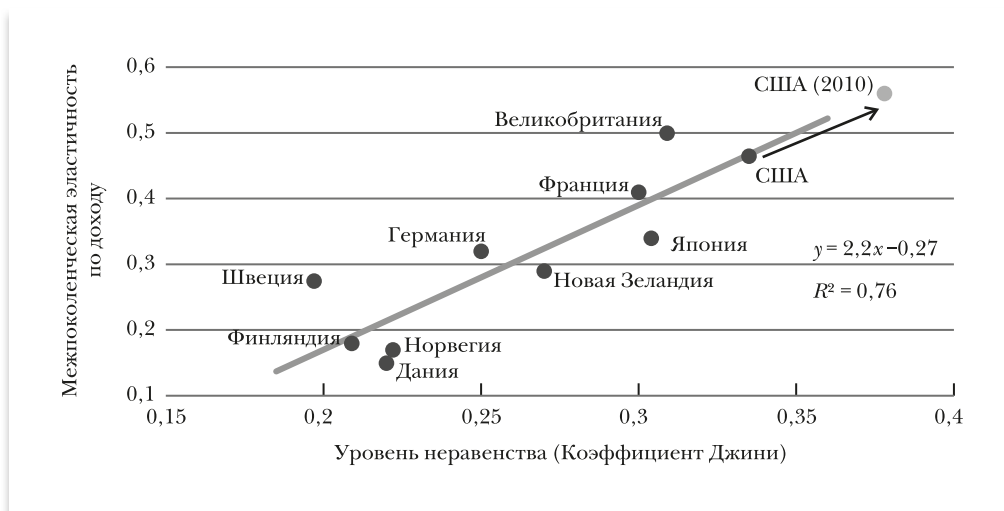


Рис. 1

«Кривая Великого Гэтсби»³. Связи межпоколенческой эластичности и неравенства

Примечание. Неравенство в доходах измеряется коэффициентом Джини с использованием располагаемого дохода домохозяйства примерно за 1985 г., предоставленного ОЭСР. Межпоколенческая экономическая мобильность измеряется эластичностью между заработком отца и заработком взрослого сына с использованием данных о когорте детей, родившихся в период с начала и до середины 1960-х годов, и результатов их взрослой жизни в середине–конце 1990-х годов.

Источник: Corak, 2013, p. 82.

² Данное название графика приводится в цитируемом докладе.

³ <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-03-18/princeton-professor-alan-krueger-led-quiet-economics-revolution>

семьи. Это был ответ тем, кто утверждал, что снижение неравенства снижает стимулы трудиться и, соответственно, снижает эффективность экономики.

Не менее интересными для исследователей являются вопросы, связанные с изменениями ситуации во времени. Попытки понять, как межпоколенческая эластичность меняется во времени, дают различные результаты (Hilger, 2015). В то время как анализ данных по Франции во второй половине XX в. (1952–2001) не позволяет выявить какого-либо тренда в изменениях межпоколенческой эластичности (LeFranc, Tranno, 2005; Lee, Solon, 2009), данные по Великобритании примерно за тот же период демонстрируют рост межпоколенческой эластичности (Nicoletti, Ermisch, 2008), а исследования того же периода Скандинавских стран показывают снижение данного показателя (Bratberg, Nielsen, Vaage, 2005; Pekkala, Lucas, 2007). Таким образом, представляется сложным выявить общий тренд для развитых стран.

Особенно интересными в этой области являются выводы, сделанные в работе «Угасание американской мечты» (Chetty et al., 2017). Американская мечта авторами определяется как стремление к тому, чтобы дети жили лучше, чем их родители. Чтобы измерить рост благосостояния, исследователи сравнивают заработки детей с заработками их родителей для поколений, родившихся с 1940 по 1985 г. Авторы приходят к выводу, что в 1940-е годы почти все дети (более 90%) зарабатывали больше своих родителей (рис. 2). В то же время в статье показано, что после войны наблюдается снижение уровня абсолютной мобильности. Это означает, что шансы того, что ребенок добьется большего успеха, чем его родители, на современном этапе резко снизились (менее 50%). Учитывая тот факт, что ВВП на душу населения в этот период устойчиво рос, именно процессы распределения были ответственными за снижение социальной мобильности.

Помимо оценки эластичности и возможности посчитать (количественно оценить) связь между благосостоянием родителей и их детей, исследователей всегда волновал вопрос, через какие механизмы это взаимодействие реализуется, какие

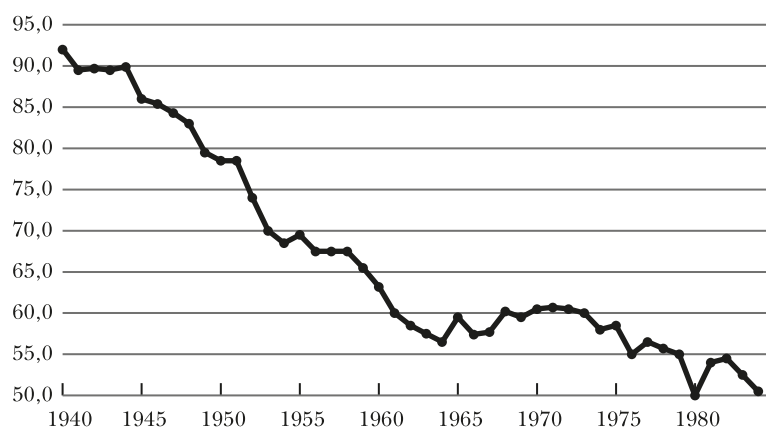


Рис. 2

Угасающая «американская мечта» (*The Fading American Dream*). Процент детей, зарабатывающих больше своих родителей, по годам рождения

Источник: Chetty et al., 2017, p. 398–406.

в основе этих процессов лежат причинно-следственные связи. По мере развития эконометрических методов, появились различные модели, позволяющие решить проблему выявления как основных движущих сил, способствующих росту межпоколенческой эластичности, так и факторов, препятствующих этому процессу.

Чаще всего в литературе выделяют следующие причины существования зависимости благосостояния детей от благосостояния их родителей. Во-первых, наследственность (Black, Devereux, Salvanes, 2009); во-вторых, возможность для более состоятельных родителей предоставить ребенку более качественное образование; в-третьих, использование связей семьи для получения места работы с более высокими доходами и, в-четвертых, поведенческие установки и ценности, получаемые ребенком в семье (Pérez-González, 2006; Hellerstein, Morrill, 2011; Corak, Piraino, 2010).

Одним из наиболее интересных направлений исследований представляется анализ взаимосвязи межпоколенческой мобильности с экономическим ростом. В то же время эндогенность обеих переменных модели создает значительные сложности для выявления причинно-следственных связей, для решения которых исследователи вынуждены искать нестандартные решения.

В 1990-е годы на эту тему были опубликованы достаточно интересные работы, в которых были разработаны теоретические модели, демонстрирующие взаимосвязи экономического развития и межпоколенческой мобильности. Так, например, модель Гэлора–Циддона (Galor, Tsiddon, 1997) показывает, что взаимодействие между технологическим прогрессом, влиянием семьи (фактор принадлежности к семье определенного социально-экономического уровня) и способностями самого индивида значительно влияет как на мобильность доходов между поколениями, так и на экономический рост. В периоды появления новых технологических изобретений эффект собственных способностей преобладает над влиянием родительской среды. Это приводит к росту межпоколенческой мобильности и концентрации человеческого капитала в технологически продвинутых секторах. Эта концентрация, в свою очередь, способствует техническому прогрессу и экономическому росту. На следующем этапе, в период широкого внедрения и распространения технологических инноваций, эффект родительской среды преобладает над эффектом собственных способностей и межпоколенческая мобильность сокращается (Galor, Tsiddon, 1997).

Модель, разработанная А. Оуэном и Д. Вейлом (Owen, Weil, 1998), показывает, что существует взаимная причинно-следственная связь между ростом дохода на душу населения и межпоколенческой мобильностью. Это связано с тем, что повышение мобильности означает лучшее распределение ресурсов, что стимулирует экономический рост. Экономический рост, в свою очередь, ведет к большей мобильности, поскольку рост образованной рабочей силы сокращает разрыв в заработной плате и увеличивает шансы того, что дети малообразованных родителей получают образование (Owen, Weil, 1998).

Среди эмпирических работ следует выделить работу (Mauro, 2017), где была сделана попытка с помощью инструментальной переменной проверить гипотезу о положительном влиянии абсолютной межпоколенческой мобильности на экономический рост. Эндогенность присутствует ввиду того что существует множество факторов, влияющих как на экономический рост, так и на

межпоколенческую мобильность, которые не учитываются в модели, например качество учебных заведений или местные налоговые системы. Для решения данной проблемы используется доля верующих на 1 тыс. человек в определенном регионе в 2000 г. в качестве инструмента для абсолютной межпоколенческой мобильности. Для того чтобы доля верующих была подходящим инструментом, необходимо показать, что он коррелирован с абсолютной межпоколенческой мобильностью, но не коррелирован с экономическим ростом. Для того чтобы убедить читателей, что этот показатель является подходящим инструментом для абсолютной межпоколенческой мобильности, автор ссылается на работу (Chetty et al., 2014), в которой было показано, что в регионах с более высоким уровнем абсолютной межпоколенческой мобильности наблюдается и более высокая доля верующих. По результатам эмпирического анализа автором был сделан вывод, что абсолютная межпоколенческая мобильность значимо положительно влияла на темпы роста в исследуемых регионах США с 2001 по 2011 г. Кроме того, эти результаты показывают, что повышение ожидаемого ранга дохода ребенка, рожденного у родителей, находящихся в 25-перцентиле распределения доходов, на 10 пунктов увеличит ожидаемые темпы экономического роста примерно на 0,8% за анализируемый период, что свидетельствует о том, что мобильность играет важную роль в процессе экономического роста (Mauro, 2017).

Важность исследования межпоколенческой мобильности в данном контексте также объясняется тем, что она помогает показать влияние неравенства доходов на экономический рост. В работе Шехар Айяра и Кристианы Эбеке (Aiyar, Ebeke, 2019) показано, что связь между неравенством доходов и экономическим ростом опосредована уровнем неравенства возможностей, которое они связывают с межпоколенческой мобильностью. Авторы (Aiyar, Ebeke, 2019) показывают, что в экономиках с высокой эластичностью межпоколенческой мобильности наблюдается рост неравенства доходов, который препятствует накоплению человеческого капитала, что, в свою очередь, может замедлить экономический рост в будущем. Авторы приходят к выводу, что негативное влияние неравенства доходов на рост тем выше, чем ниже социальная мобильность. В исследовании делается предположение, что негативное влияние высокой межпоколенческой эластичности на экономический рост происходит посредством трех каналов: через неравный доступ к образованию, неравный доступ на рынок труда и неравный доступ к финансовым ресурсам (ibid.).

Не менее интересным является сюжет, посвященный тому, как уровень межпоколенческой мобильности влияет на представления людей о необходимости вмешательства государства в процесс снижения неравенства. Здесь хотелось бы отметить работу уже цитируемого профессора Гарвардского университета Альберто Алесины и соавторов (Alesina, Stantcheva, Teso, 2018), где авторы исследуют, как восприятия межпоколенческой мобильности формируют предпочтения в отношении роли государства в процессе перераспределения. Они используют результаты опросов для сбора информации о взглядах индивидов на мобильность, справедливость, роль государства и политику перераспределения в пяти странах (Италия, Франция, Швеция, Великобритания и США).

В результате исследований авторы приходят к любопытным выводам. Выясняется, что у респондентов неточное представление о фактической межпо-

коленческой мобильности: американцы слишком оптимистичны по отношению к фактической межпоколенческой мобильности в Соединенных Штатах, а европейцы же слишком пессимистичны по поводу межпоколенческой мобильности в их странах. При этом пессимизм и оптимизм в отношении социальной мобильности в значительной степени коррелируют с политическими предпочтениями: во всех странах более пессимистично настроенные респонденты склонны отдавать предпочтение более щедрой политике перераспределения. Более того, исследователи обнаружили резкую политическую поляризацию, проявляющуюся не только в очень разных исходных взглядах на социальную мобильность, роль государства и перераспределение, но и в различных реакциях на одну и ту же экзогенно предоставленную информацию⁴. При получении пессимистичной информации о социальной мобильности только левые респонденты высказались за увеличение роли государства в снижении неравенства. В то время как представители правых взглядов не изменили своего мнения о роли государства. Авторы связали это обстоятельство с тем, что правые видят в государстве скорее причину проблемы, а не ее решение (Alesina et al., 2018).

Особенную значимость для нашей страны представляют работы экономистов, занимающихся исследованием межпоколенческой мобильности в России. Одним из наиболее интересных является вопрос, как она менялась в процессе трансформации социально-экономической системы, существовавшей в СССР, в рыночную. С теоретической точки зрения сравнение социальной мобильности в СССР и постсоветской России дано в работе (Шкаратан, 2009). Сравнивая мобильность в советский и постсоветский периоды, автор подчеркивает, что переход к рыночной экономике привел к снижению социальной мобильности. По мнению автора, это связано с тем, что переход к рыночным отношениям сопровождался серьезным трансформационным спадом, следствием которого был социальный кризис.

В начале 2000-х годов выходят работы, где на основе данных опросов разные авторы исследуют профессиональные аспекты изменения социальной мобильности в постсоветский период. В частности, показано, что трансформация привела к серьезным изменениям в оценке статуса той или иной профессии и что динамика межпоколенческой мобильности носила вынужденный, адаптивный характер и была вызвана в большей степени деструктивными, чем конструктивными причинами, т.е. исчезновением большого числа профессий и рабочих мест, что сокращало возможности сильнее, чем был рост возможностей за счет появления новых профессий и рабочих мест (Бурлуцкая, 2000; Sabirianova, 2002).

Также стоит отметить эмпирические исследования по данной теме, где авторы приходят к выводам, подтверждающим тезис Шкаратана (Gerber, Hout, 2004). Т. Гербер и М. Хоут, проанализировав данные шести опросов (три – советского периода и три – постсоветского), пришли к выводу, что связь между социальным происхождением и занятостью, существовавшая еще в советский период, с переходом к рыночной экономике усилилась. Ли Юй, анализируя и сравнивая данные по Санкт-Петербургу и Шанхаю, делает вывод о совпадении результатов с результатами исследований американских ученых, в частности, он

⁴ Группе респондентов (группа, подверженная воздействию, treatment group) предлагалось посмотреть видео, где доказывалось, что в стране респондента очень низкая социальная мобильность. Затем через определенное время опрос проводился снова, и исследователи сравнивали, во-первых, ответы представителей этой группы до и после просмотра (воздействия) и, во-вторых, ответы представителей этой группы с ответами представителей контрольной группы, которым видео не показывали.

указывает, что «показатель абсолютной мобильности в двух городах практически одинаков. При этом в Санкт-Петербурге первый этап реформ привел к уменьшению восходящей мобильности между поколениями; в течение трех выделенных периодов масштабы нисходящей мобильности непрерывно увеличиваются. В Шанхае наблюдается противоположная тенденция: более высокий уровень абсолютной межпоколенческой мобильности. Что касается относительной мобильности в Санкт-Петербурге в 1992 г., то здесь следует констатировать усиление связи между поколениями. Данная тенденция говорит о снижении мобильности. В Шанхае же в начальный период реформ связь между поколениями заметно уменьшилась. Это свидетельствует об увеличении межпоколенческой мобильности.

Однако стоит отметить, что в работах отечественных исследователей на данных более позднего периода этот вывод не подтверждается. Используя данные 11 опросов с 1991 по 2011 г., А. Бессуднов показывает, что связь между социальным происхождением и профессиональной занятостью со временем не усилилась (Bessudnov, 2014). Кроме того, Г. Ястребов, используя данные опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 г., проводившихся с целью получения репрезентативных данных о характере социальной стратификации и социального воспроизводства в постсоветской России, приходит к выводу, что в постсоветской России социальные траектории оказались в меньшей степени обусловлены социальным происхождением, чем в советский период (Ястребов, 2016). При этом автор подчеркивает неоднозначность полученных результатов: «несмотря на то что доступ к более высоким ступеням образования все же стал относительно более открытым, преимущества социального происхождения находят способы реализовать себя через другие возможные “маршруты” на пути к положению в социальной структуре – например рынок труда» (Ястребов, 2015).

Помимо сравнения социальной мобильности в России во времени, интерес представляют работы, где проводится сравнение определенных аспектов социальной мобильности в России и других европейских странах.

Используя результаты Европейского социологического исследования (ESS)⁵, В.А. Прохода показывает, что государства, где проводилось исследование ESS, сильно отличаются по уровню выявленной связи между образованием родителей и образованием детей (Прохода, 2019). Относительно образования отца коэффициенты корреляции распределились между двумя крайними точками: наиболее низкая зависимость наблюдалась в Исландии – $r = 0,330$, наиболее высокая – в Венгрии – $r = 0,631$. При этом Россия имеет среднюю, исходя из европейского уровня, корреляционную связь образования детей с образованием отца ($r = 0,429$) и матери ($r = 0,433$).

У значительного числа стран Европы прослеживается восходящая образовательная мобильность, т.е. дети получают более высокий уровень образования, чем их родители. На этом фоне РФ, где примерно 2/3 респондентов повысили уровень образовательного статуса в сравнении с отцом и больше половины в сравнении с матерью, демонстрирует близкие к среднеевропейским показатели. Это также подтверждается данными о нисходящей мобильности. В странах Европы по отцу нисходящая образовательная мобильность составляет от 2,2% в Португалии и до 22,8% в Исландии. В РФ этот показатель по линии отца

⁵ ESS: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

составляет 8,5%, а по линии матери – 11%. Таким образом, Россия находится в числе стран с небольшим уровнем нисходящей образовательной мобильности. В результате делается вывод, что динамика межпоколенческой образовательной мобильности в России отвечает европейским тенденциям (Прохода, 2019). К аналогичному выводу приходит и А. Бессуднов в цитируемой выше работе. Автор обращает внимание на то что в России величина эффекта родительского статуса на доходы детей аналогична величине данного эффекта в других европейских странах (Bessudnov, 2014).

Если говорить о месте России по показателям социальной мобильности, то большинство авторов приходят к выводу, что структура мобильности в российском обществе крайне нестабильна. Наибольшая устойчивость характерна для нижнего и верхнего квантилей, где чаще всего встречается ситуация отсутствия мобильности, в то время как в средних квантилях наблюдается разнонаправленная мобильность (Бурлуцкая, 2000; Социальная мобильность ..., 2019; Мареева, Слободенюк, 2020). Если сравнивать с развитыми странами, то, как следует из упомянутых выше исследований (см. табл. 1), данная ситуация ближе всего к тому, что можно наблюдать в США и в определенной степени в Великобритании и принципиально отличается от структуры социальной мобильности в Скандинавских странах и странах Западной Европы.

Заключение

Уровень межпоколенческой мобильности играет большую роль в «самооценке общества», т.е. в том, насколько справедливым оно себя считает. Такая самооценка может серьезно влиять на общественные настроения, степень удовлетворенности жизнью и т.д., поэтому представляется очень важным правильно оценить показатели, которые отражают зависимость экономического благополучия детей от образования, социального статуса и доходов их родителей.

В экономической литературе последних десятилетий достигнут консенсус относительно существования устойчивой статистической взаимосвязи между благосостоянием поколений. Наибольшее внимание исследователи уделяют относительной мобильности. В частности, работы по США показывают: несмотря на то что точечные оценки относительной межпоколенческой мобильности варьируют количественно, они все находятся в достаточно узком диапазоне – от 0,287 до 0,334 (Chetty et al., 2014). Также в работах демонстрируются межстрановые различия в уровне относительной межпоколенческой мобильности. При использовании одинаковых методологий оценки на сопоставимых данных показано, что в Скандинавских странах относительная межпоколенческая мобильность на порядок выше.

В то же время большинство работ ограничиваются оценками корреляции, не устанавливая причинно-следственных связей. Это объясняется тем, что зависимость между доходами детей и родителей скрывает множество факторов, совместно определяющихся в равновесии. Таким образом, появляется проблема эндогенности, традиционное решение которой – поиск экзогенной вариации – не всегда лежит на поверхности.

Мы полагаем, что в перспективе исследователям стоит обратить большее внимание на следующие методологические аспекты. Во-первых, многих дискус-

сий об адекватности спецификаций эмпирических исследований можно было бы избежать, если бы оцениваемые уравнения основывались на выводах из теоретических моделей. Поэтому хотелось бы видеть больше теоретических оснований в эмпирических работах. Во-вторых, нельзя не согласиться с (Mogstad, Torsvik, 2021) в том, что нормативные выводы из работ, устанавливающие причинно-следственные связи, нужно делать с осторожностью. В частности, с одной стороны, есть представления, что нужно добиваться максимального равенства возможностей, что у детей из бедных семей должны быть равные шансы на успех в сравнении с детьми из богатых семей. Но, с другой стороны, дети богатых родителей чаще зарабатывают больше отчасти потому, что имеют более высокий уровень образования, так как их родители больше инвестируют в человеческий капитал (в своих детей) (Black, Devereux, 2010).

Тем не менее, выводы экономистов и социологов в данной сфере могут быть использованы политиками, во-первых, для достижения более справедливого общества через создание равных условий для детей из всех социально-экономических групп и, во-вторых, для создания условий для рационального использования обществом человеческого капитала, чтобы борьба за обеспечение равенства не приводила к недоинвестированию в воспроизводство такого капитала.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бегеманн Б., Ваньке А.В., Голенкова З.Т., Епихина Ю.Б., Коленникова Н.Д., Петрович Я.** и др. (2019). Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко (отв. ред.). М.: ФНИСЦ РАН. [**Begemann B., Van'ke A.V., Golenkova Z.T., Epikhina Yu.B., Kolennikova N.D., Petrovich Ya.** et al. (2019). *Social mobility in an increasingly complex society: Objective and subjective aspects*. V.V. Semenova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko (resp. eds.). Moscow: FCTAS RAS (in Russian).]
- Бурлуцкая М.** (2000). Межпоколенная мобильность в современной России: новые возможности или новые препятствия? В кн.: Проблемы, успехи и трудности переходной экономики: Опыт России и Беларуси. М.: МОНФ. [**Burluckaya M.G.** (2000). *Intergenerational mobility in modern Russia: New opportunities or new obstacles?* In: *Problems, successes and difficulties of an economy in transition: The experience of Russia and Belarus*. Moscow: MONF (in Russian).]
- Мареева С., Слободенюк Е.** (2020). Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. № 3–4 (131). С. 100–115. [**Mareeva S., Slobodenyuk E.** (2020). *Stuck in poverty and preserving wealth: Individual income mobility in Russia*. *The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions*, 3–4 (131), 100–115 (in Russian).]
- Прохода В.А.** (2019). Межпоколенческая образовательная мобильность в России и других европейских странах. Социальная стратификация в цифровую эпоху: к 130-летию со дня рождения Питирима Сорокина. XIII Международная научная конференция «Сорокинские чтения – 2019»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс. С. 1597–1600. DOI: 10.29003/m978-5-317-06137-1 [**Prohoda V.A.** (2019). *Intergenerational educational mobility in Russia and other European countries. Social stratification in the digital age: to the 130th anniversary of the birth of Pitirim Sorokin*.

- XIII International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2019": Collection of articles.* Moscow: MAKS Press, 1597–1600. DOI: 10.29003/m978-5-317-06137-1 (in Russian).]
- Сорокин П.** (1992). Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат. [**Sorokin P.** (1992). *Man, civilization, society*. Originally published in 1927. Moscow: Politizdat (in Russian).]
- Шкаратан О.И.** (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». [**Shkaratan O.I.** (2009). *Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia*. Moscow: ЗАО "OLMA Media Group" (in Russian).]
- Ястребов Г.** (2015). Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе. Препринт WP17/2015/01 Серия WP17. Режим доступа: https://wp.hse.ru/data/2015/03/23/1093463280/WP17_2015_01__.pdf [**Yastrebov G.** (2015). *The dynamics of social mobility in Russia in a long historical perspective*. Preprint WP17 / 2015/01 WP17 Series. Available at: https://wp.hse.ru/data/2015/03/23/1093463280/WP17_2015_01__.pdf (in Russian).]
- Ястребов Г.А.** (2016). Социальная мобильность в советской и постсоветской России: новые количественные оценки по материалам представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. Часть I // *Мир России*. Т. 25. № 1. С. 7–34. [**Yastrebov G.A.** (2016). Social mobility in Soviet and post-Soviet Russia: New quantitative estimates based on the materials of representative surveys in 1994, 2002, 2006 and 2013. Part I. *World of Russia*, 25, 1, 7–34 (in Russian).]
- Aiyar S., Ebeke C.** (2019). Inequality of opportunity, inequality of income and economic growth. *IMF Working Paper*, WP/19/34.
- Alesina A., Hohmann S., Michalopoulos S., Papaioannou E.** (2021). Intergenerational mobility in Africa. *Econometrica*, 89 (1), 1–35.
- Alesina A., Stantcheva S., Teso E.** (2018). Intergenerational mobility and preferences for redistribution. *American Economic Review*, 108 (2), 521–54.
- Almas I., Cappelen A., Sorensen E., Tungodden B.** (2010). Fairness and the development of inequality acceptance. *Science*, 328 (5982), 1176–1178.
- Bessudnov A.** (2014). Parental occupational status and labour market outcomes in Russia. *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 36/SOC/2014*.
- Bjorklund A., Jantti M., Roemer J.** (2012). Equality of opportunity and the 2791 distribution of long-run income in Sweden. *Social Choice & Welfare*, 39, 675–696.
- Black S., Devereux P.** (2010). Recent developments in intergenerational mobility. *NBER Working Paper no. 15889*.
- Black S., Devereux P., Salvanes K.** (2009). Like father, like son? A note on the intergenerational transmission of IQ scores. *Economics Letters*, 105, 138–140.
- Bratberg E., Nielsen O., Vaage K.** (2005). Intergenerational earnings mobility in Norway: Levels and trends. *Scandinavian Journal of Economics*, 107, 419–35.
- Bratberg E., Nielsen O., Vaage K.** (2008). Job losses and child outcomes. *Labour Economics*, 15, 591–603.
- Bukowski P., Clark G., Gaspar A., Peto R.** (2021). Social mobility and political regimes: Intergenerational mobility in Hungary, 1949–2017. *International Inequalities Institute Working Papers*, 67. London: London School of Economics and Political Science.
- Cappelen A., Konow E., Tungodden S.** (2013). Just luck: An experimental study of risk taking and fairness. *American Economic Review*, 103, 1398–1413.

- Chetty R., Grusky D., Hell M., Hendren N., Manduca R., Narang J.** (2017). The fading American dream: Trends in absolute income mobility since 1940. *Science*, 356, 398–406.
- Chetty R., Hendren N., Kline P., Saez E.** (2014). Where is the land of opportunity? The geography of intergenerational mobility in the United States. *The Quarterly Journal of Economics*, 129 (4), 1553–1623.
- Clark G.** (2015). *The son also rises: Surnames and the history of social mobility (The Princeton Economic History of the Western World)*. Princeton: Princeton University Press.
- Corak M.** (2006). Do poor children become poor adults? Lessons from a cross country comparison of generational earnings mobility. *IZA Discussion Papers*, no. 1993. Bonn: Institute for the Study of Labor (IZA).
- Corak M.** (2013). Income inequality, equality of opportunity, and intergenerational mobility. *Journal of Economic Perspectives*, 27, 79–102.
- Corak M., Piraino P.** (2010). *Intergenerational earnings mobility and the inheritance of employers*. Unpublished. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1591703. Revised version published as: 'The Inheritance of Employers and Nonlinearities in Intergenerational Earnings Mobility'. In: K. Basu, J. Stiglitz (eds.). *Inequality and growth: Patterns and policy*. London: Palgrave Macmillan, 1–34.
- Gaertner W., Schwettmann L.** (2007). Equity, responsibility and the cultural dimension. *Economica*, 74, 627–649.
- Galor O., Tsiddon D.** (1997). Technological progress, mobility, and economic growth. *The American Economic Review*, 87 (3), 363–382.
- Gerber T., Hout M.** (2004). Tightening up: Declining class mobility during Russia's market transition. *American Sociological Review*, 69, 677–703.
- Haider S., Solon G.** (2006). Life-cycle variation in the association between current and lifetime earnings. *American Economic Review*, 96, 1308–1320.
- Hellerstein J., Morrill M.** (2011). Dads and daughters: The changing impact of fathers on women's occupational choices. *The Journal of Human Resources*, 46 (2), 333–372.
- Hilger N.** (2015). The great escape: Intergenerational mobility since 1940. *Working Paper no. 21217*. National Bureau of Economic Research.
- Ichino A., Karabarbounis L., Moretti E.** (2009). The political economy of intergenerational income mobility. *Discussion paper no. 4767*. Bonn: Institute or the Study of Labor (IZA).
- Jantti M.** (2006). American exceptionalism in a new light: A comparison of intergenerational earnings mobility in the Nordic countries, the United Kingdom and the United States. *IZA Discussion Papers*, no. 1938. Bonn: Institute or the Study of Labor (IZA).
- Justman M., Stiassnie H.** (2021). Intergenerational mobility in lifetime income. *Review of Income and Wealth*. DOI: 10.1111/roiw.12505
- Kennedy T., Siminski P.** (2021). Are we richer than our parents were? Absolute income mobility in Australia. *IZA Discussion Papers*, no. 14417.
- Lee Chul-In, Solon G.** (2009). Trends in intergenerational income mobility. *Review of Economics and Statistics*, 91, 766–772.
- LeFranc A., Trannoy A.** (2005). Intergenerational earnings mobility in France: Is France more mobile than the US? *Annales d'Economie et de Statistique*, 78, 57–77.
- Lundberg I., Stewart B.** (2020). Comment: Summarizing income mobility with multiple smooth quantiles instead of parameterized means. *Sociological Methodology*, 50 (1), 96–111.

- Mauro J.** (2017). Essays on intergenerational mobility and economic growth. *Fordham University, ProQuest Dissertations Publishing*, 10268027.
- Mayer S., Lopoo L.** (2008). Government spending and intergenerational mobility. *Journal of Public Economics*, 92 (1–2), 139–158.
- Mazumder B.** (2005). Fortunate sons: New estimates of intergenerational mobility in the U.S. using social security earnings data. *Review of Economics and Statistics*, 87, 235–255.
- Mazumder B.** (2008). Sibling similarities and economic inequality in the US. *Journal of Population Economics*, 21, 685–701.
- Mitnik P., Bryant V., Weber M.** (2019). The intergenerational transmission of family-income advantages in the United States. *Sociological Science*, 6, 380–415.
- Mogstad M., Torsvik G.** (2021). Family background, neighborhoods and intergenerational mobility. *Working paper no. 2021–67*.
- Nicoletti C., Ermisch J.** (2008). Intergenerational earnings mobility: Changes across cohorts in Britain. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 7 (2). DOI: 10.2202/1935-1682.1755
- Nilsen O., Vaage K., Aakvik A., Jacobsen K.** (2008). Estimates of intergenerational elasticities based on lifetime earnings. *IZA Discussion Papers no. 3709*. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/35083/1/58119795X.pdf>
- Oreopoulos P., Page M., Stevens A.** (2008). The intergenerational effects of worker displacement. *Journal of Labor Economics*, 26, 455–483.
- Owen A.L., Weil D.N.** (1998). Intergenerational earnings mobility, inequality and growth. *Journal of Monetary Economics*, 41, 71–104.
- Pekkala S., Lucas R.** (2007). Differences across cohorts in Finnish intergenerational income mobility. *Industrial Relations*, 46, 81–111.
- Pérez-González F.** (2006). Inherited control and firm performance. *American Economic Review*, 96, 1559–1588.
- Rawls J.** (1958). Justice as fairness. *The Philosophical Review*, 67 (2), 164–194.
- Rawls J.** (1971). *A theory of justice*. Cambridge: Harvard University Press.
- Roemer J.** (2004.). Equal opportunity and intergenerational mobility: Going 2992 beyond intergenerational income transition matrices. In: M. Corak (ed.). *Generational 2993 income mobility in North America and Europe*. New York: Cambridge University Press.
- Roemer J., Trannoy A.** (2016). Equality of opportunity: Theory and measurement. *Journal of Economic Literature*, 54 (4), 1288–1332.
- Sabirianova K.** (2002). The great human capital reallocation: A study of occupational mobility in transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, 30, 191–217.
- Schokkaert E., Devooght K.** (2003). Responsibility-sensitive fair compensation in different cultures. *Social Choice and Welfare*, 21, 207–42.
- Solon G.** (1992). Intergenerational income mobility in the United States. *American Economic Review*, 82, 393–408.
- Solon G.** (2002). Cross-country differences in intergenerational earnings mobility. *Journal of Economic Perspectives*, 16, 59–66.

Поступила в редакцию 18.07.2021

Received 18.07.2021

N.A. Rozinskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

T.A. Drobyshevskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Quantitative estimates of intergenerational mobility

Abstract. The article is about intergenerational mobility – one of the most important factors determining both the level of actual inequality in a society and the willingness of such society to tolerate this level. First part of the article provides a review of modern literature on quantitative estimates of intergenerational mobility. The main indicators and discussion issues related to the accuracy of assessing intergenerational mobility are considered, as well as methods for assessing the reasons for the dependence of heirs' income on parental income. Second part provides an overview of the main approaches used in applied research in this area. Among them are the comparison of intergenerational mobility across countries and its relationship with social inequality, changes in intergenerational mobility over time, and the relationship between intergenerational mobility and economic growth. Particular attention is paid to the results of applied research based on Russian data. The original character of the work is in the fact that, giving an overview of research in the field of intergenerational mobility, the authors address not only the issue of what certain researchers claimed, but also what methods are used in the literature on intergenerational mobility to support the conclusions.

Keywords: *income inequality, intergenerational mobility, intergenerational elasticity, quantitative estimates of inequality.*

JEL Classification: Z13, Z18, O15.

For reference: **Rozinskaya N.A., Drobyshevskaya T.A.** (2022). Quantitative estimates of intergenerational mobility. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 93–111. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-6

История экономической мысли и методология экономической науки



M.V. Bakeev

A compromise between formalism
and realism as a way to influence
economic policy

A.P. Мустафин

Большие циклы, советская власть
и экономисты: из истории
дискуссий 1920-х годов

M.B. Bakeev

Centre for the History and Methodology of Economic Science, HSE University,
Moscow, Russia

A compromise between formalism and realism as a way to influence economic policy

Abstract. In this paper, we argue that economics faces two conflicting societal demands. On the one hand, there is a demand for a practical theory that can be successfully used in the framework of economic policy, in solving various applied problems, etc. On the other hand, the established scientific ethos sets high standards for the internal consistency and formalism of the theory, which often limits its realism and practical applicability. As we speculate in this article, based on the history of the post-war macroeconomic mainstream, the most successful schools of thought in terms of policy impact are those that attempt to respond to both of these demands. This is expressed in the choice of a middle, compromise path: the preservation of a formalized abstract core of the theory while introducing modifications that increase its realism. Based on the study of the influence of four schools in macroeconomics, namely, post-war mainstream Keynesianism (so-called “The Neoclassical Synthesis”), monetarism, new classical macroeconomics, and new Keynesian macroeconomics, on US monetary policy, we claim that New Keynesians turned out to be the most influential school, as they managed to combine the standards of formalism and realism as much as possible.

Keywords: *formalism, realism, monetary policy, macroeconomics, role of economics.*

JEL Classification: A11, A14, B22, B23, B41, N12.

For reference: **Bakeev M.B.** (2022). A compromise between formalism and realism as a way to influence economic policy. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 113–125. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-7

1. Introduction

The link between economic science and economic policy is a complex issue in which it is difficult to trace rigid causal connections. Many factors shape this link, and it is hardly possible to obtain conclusive evidence that a certain economic policy is based on a certain economic theory. Nevertheless, there is an active discussion of such a link in the literature. The discussion is primarily associated with the interdisciplinary field called Social Studies of Economics (Maesse et al., 2022), where researchers use analytical frameworks from history, sociology, science and technology studies, discourse studies, and political science to analyze the role of economists and their discourse in society.

Along with social and historical factors, the specific role of economic methodology has also been considered in the literature. E. Reinert and A. Daastøl (Reinert, Daastøl, 2004), followed by V. Avtonomov (Avtonomov, 2013a, 2013b), were the first to formulate the problem in such a manner, distinguishing between the “abstract” and “less abstract” (or “formalistic” and “realistic”, according to V. Avtonomov) methodological approaches (“canons”) in economic science, which seem to differ in terms of the content and relevance of their policy proposals.

Particularly, V. Avtonomov’s analysis implies that the realistic theories tend to be more relevant in the domain of policy. This does not mean that representatives of the “formalistic” canon refrain from intervening in economic policy, but according to

his interpretation the “realistic” canon seems to be more suitable for this. The abstract nature of the first canon limits the possibility of direct policy recommendations due to its abstraction from specific conditions that may play an important role in a particular case. Sometimes the degree of abstraction can be so great that key economic institutions fall out of the analysis, and the theory turns out to be compatible with many alternative forms of economic policy (Avtonomov, 2013a). Sometimes policymakers simply begin to consider formalistic theory not so suitable for solving their practical problems. For example, V. Avtonomov (Avtonomov, 2013b, 2018) argues that the rise of the formalist theory in the mainstream of macroeconomics at the end of the 20th century determined the gap between macroeconomics and macroeconomic policy, which became less reliant on economic science.

In this paper, we would like to place this insight in a social context and show that some degree of formalism of a theory may be important in terms of its impact on policy, even if that fact makes it somewhat less policy relevant. Our inspiration here is partly drawn from M. Fourcade’s (Fourcade, 2009) account regarding the role of academically trained economists in US society and policy. Academic economists in the United States were successful in presenting their expertise as objective and impartial, according to her narrative, which allowed them to acquire influence in providing government institutions with their expertise and become successful in marketing their skills and knowledge to the private business sector. An important way to impart objectivity and impartiality was the mathematization and formalization of economic theory. Hence, formalism could help make policy proposals influential and authoritative. As a result, economics became faced with the trade-off between the formalism required for the status of an “authoritative science” and the need to be relevant to economic policy. In this paper, we try to show that in terms of methodology the most successful response to this implied the compromise strategy – the “middle way”, – in which the formalistic core of the theory is supplemented with various modifications designed to make the theory more practical and realistic.

To illustrate our logic, we rely on a comparative analysis of the relationship between several strands of research in macroeconomics and monetary policy in the United States. It is worth mentioning that we do not attempt to offer a general explanation of the relationship between economic science or economic methodology and economic policy, nor do we claim to be highly convincing in our conclusions. Moreover, our narrative is deliberately biased in favor of considering only the role of methodology and excludes other factors that could be much more important in determining economic policy, including the economic situation (Avtonomov, 2018), ideology (Polterovich, 2017) and politics.

Furthermore, the interpretation of science as a “struggle of schools” used here may not be a completely adequate metaphor. Attempts to bring together formalism and realistic elements can be considered in the spirit of the “cumulative” view of the development of science (see Roncaglia, 2005, pp. 2–5) as the result of cooperation among different groups of scientists working on different problems for the common good, and not the result of competition between conflicting approaches. In this perspective, the very question of “success” and “failure” in influencing economic policy fundamentally loses its meaning.

Bearing in mind all the above, we state in this paper a rather modest goal, seeking only to point out the potentially controversial role of methodology, the relationship of which to certain social values and symbolic capital may be important in understanding its relationship to economic policy.

2. Literature review and analytical framework

The study of the link between economic theory and economic policy is an emerging trend in the present literature. It seems that its origins can be associated with two related streams of scholarly activity. First, – social studies of economics (Maesse et al., 2022, p. 2). We can mention P. Hall, P. Mirowski, A. Coats (Hall, 1989; Mirowski, 1991; Coats, 1993) as the early representatives here. Recently, interest in this field has only increased and many new authors turn to it using a variety of methods and conceptual approaches (see, for example, (Hirschman, Popp Berman, 2014; Farrell, Quiggin, 2017; Flickenschild, Afonso, 2019; Maesse et al., 2022)).

Second, it is the work of critics of the mainstream economic theory, most often close to the tradition of heterodox economics, who frequently choose as an object of criticism the inadequacy of the mainstream economic theory to the goals of practical economic policy (Colander et al., 2008; Delli Gatti et al., 2011; Colander, 2015). In particular, criticism of the mainstream macroeconomics, for its inability to predict and help to manage the Great Recession of 2007–2009, became almost a commonplace in this literature (Colander et al., 2009; Lawson, 2009; Stiglitz, 2018; Avtonomov, 2018). These authors understand the problem primarily in an applied sense, as the need to find the best cognitive infrastructure for policymakers, and often turn to the history of economic thought and methodology of economics in search of inspiration for criticism. Nevertheless, in part, reflection on their applied criticism made possible to understand that there is significant gap between the theory taught in universities and the actual economic policy, and therefore to realize that in order to be more precise and effective in our criticism, we need to study the real relationship between economic theory and economic policy, but not just to equalize the two by default.

In this paper, we try to rely on insights from both areas of research. From the point of social studies of economics, we primarily build our research on the work of Marion Fourcade, who analyzed the relationship between academic economics, economic expertise and economic policy in the form of a comparative historical study based on material for the United States, France and Great Britain (Fourcade, 2009). Her arguments about the sources of the authority of economic knowledge and roles that academic economics experts played in the US are particularly valuable for our study. She finds a positive relation between the professional authority of academic economics experts and the increasing importance of the scientific and technical knowledge in political decision-making, which is described by the metaphors of “professional scientism” and “scientific professionalism”. The first expresses a claim to the scientific objectivity of the academic economist’s judgments, while the second emphasizes her unique scientific capabilities required for the policymaking process. As Fourcade shows, at the beginning of the previous century, there were serious concerns in the US regarding the ideological underpinnings of decision-making in the field of policy, and the forms of advice that were seen as more scientific and less liable to ideological biases were promoted. This made the academia representatives an important source for a class of top administrators and advisors in government bodies. The internalization and globalization of economic expertise which followed in the coming decades, mainly based on the American system (Dezalay, Garth, 2008), determined the role of academia as a supplier of objective information for economic policy at the world level.

A general trend in the modern social studies of economics, seems to be in line with Fourcade’s understanding of the matter. It is emphasized that the discursive power

and symbolic capital acquired by experts from the economics academia allows them to influence policy, media, and the public sphere (see, for example, (Maesse et al., 2022)). As J. Maesse (Maesse, 2015, p. 295) notes, economists are awarded with a combination of the “normative”, “social mission voice” with the “positive”, “scientific clarity voice”, which transforms the economic expert discourse into a very influential trans-epistemic field.

Fourcade’s conclusion strikingly opposes P. Bourdieu’s theory of the “homo academicus” (Bourdieu, 1986), which among other things suggests that there is a trade-off between scientific reputation and the institutional power beyond the scope of academic institutions. According to Bourdieu’s understanding, natural sciences researchers can achieve higher status in science, while researchers in law or medicine may have more power in extra-academic fields, although much less authority in science. Following this logic, scientists from the disciplines in between these two groups, such as humanities, social sciences and economics, who are highly interested in both academic and extra-academic power, are forced to have less of both as well (Bühlmann et al., 2017). However, Fourcade’s analysis shows completely the opposite picture for economics – a high reputation in science can be considered a source of authority in economic policymaking and not a barrier. Bourdieu’s suggestion is certainly reasonable. It is based on the trade-off between practical applicability of scientific knowledge and its independence of political or economic influence, which is praised in the scientific domain. But it seems that this vision neglects the fact that scientific reputation is the obvious source of legitimacy for administrative, political and policy expertise. Thus, we may argue that there is a complex picture where, in the domain of academia, the policy relevance and the scientific authority tend to be conflicting alternatives, whereas in the domain of policy they, on the contrary, support each other.

V. Avtonomov approached the issue under consideration from a different angle, more characteristic of the history of economic thought and methodology of economics rather than that of sociology. His vision is based on the idea of dividing economic science into two “canons” (Reinert, Daastøl, 2004). These canons are a sort of methodological foundation of a deeper level that determine frameworks for producing economic theories. The first “abstract” canon is connected with the desire to achieve universal truths, while the second, “less abstract” canon, is based on experience, and is built from the bottom up. As V. Avtonomov (Avtonomov, 2013a, 2013b) reiterates E. Reinert and A. Daastøl’s hypothesis regarding the role of the canons in economic policy implications, the first canon theories (formalistic ones) correlate with market-oriented policy recommendations and the second canon theories (realistic ones) correlate with the policy recommendations based on government interventions. Avtonomov proposed a slightly modified version of this hypothesis, which states that the formalistic economic theory recommends a policy based on a limited number of principles, whatever they may be, while the realistic theory is more ad hoc in nature and takes into account specific features of the current situation and its institutional context. As we have noted in the introduction, we build on Avtonomov’s suggestions (Avtonomov, 2013a, 2013b, 2018), according to which a realistic economic theory is also more suitable for advising policymakers’ practical problems, although it is based on a less fundamental type of evidence. These suggestions are illustrated by the policy of the American authorities during the crisis of 2007–2009, when they turned to the traditional Keynesian instruments of dealing with crisis in the economy, rejected

by Lucasian macroeconomics, which marked the gap between formalistic trends in mainstream economics and the needs of economic policymakers.

In our view, the demand for a more objective and impartial economics, which Fourcade writes about and which finally took shape in the 1930s in the United States, did not coincide by chance with the formalistic trends in science, marked by the change of institutionalism as the leading school by mathematical economics associated with organizations such as the Cowles Commission, an economic research institute, which made a significant contribution to the development of econometrics and general equilibrium theory (Mirowski, Nik-Khah, 2017). Mathematization and formalization helped bring economics closer to the image of natural science and present it as more fundamental, rigorous, independent of politics, ideology etc.

In our analysis, we rely on a study of the example of the link between macroeconomics and monetary policy, which is one of the areas of economic policy most deeply associated with economic science. Our analytical strategy is to pick research schools within the mainstream macroeconomics, which could potentially have a significant impact on monetary policy, and try to reveal possible differences in the associations, on the one hand, between the level of their formalism and abstractness, and, on the other hand, their policy relevance and influence. We are going to consider the following: post-war mainstream Keynesianism, monetarism, new classical macroeconomics, and new Keynesian macroeconomics. Undoubtedly, in our assessments, which are by no means the result of detailed analysis, there is a significant degree of subjectivity, and they should rather be considered as illustrations of an argument that still needs to be proven.

To determine the degree of formalization in the context of macroeconomics, it seems that the most useful way to do this is to distinguish between the Marshallian and Walrasian approaches (see (Friedman, 1949)). These two alternative methodological approaches in economics share common features, such as subjective theory of value, the same equilibrium concept, as well as a foregone assumption of market clearing, and generally, the Marshallian approach is not in any sense built entirely from the bottom up but contains a tangible degree of abstractness. Nevertheless, the Walrasian approach is much more abstract. M. De Vroey (De Vroey, 2016, p. 340) highlights important differences between Marshallians and Walrasians which are presented in Table 1.

Different understanding of the role of economic science is a cause of the methodological contrasts between Marshallians and Walrasians. Marshallians see economics as an engine used to solve practical questions through the discovery of

Table 1

Contrasts between the Marshallian and Walrasian approaches.

Approache	The Marshallian approach	The Walrasian approach
General purpose	Solving concrete issues up to the empirical verification stage	Tackling issues of principle without engaging in empirical work
Methodological priority	External consistency	Internal consistency
Representation of the economy	A set of separate markets, each of which is an autonomous venue for equilibrium	A grand market involving all agents and commodities in a single transaction
Microfoundations	They can be left in the background	<i>Sine qua non</i> (that is, microfoundations are indispensable)

Source. (De Vroey, 2016, p. 340), excerpts.

specific and applicable truth. This is why they are ready to sacrifice internal consistency and microfoundations if it allows them to be closer to the “real” issues. At the same time, Walrasians are interested in revealing general principles that underlie the working of an economy, in proving questions of logical existence, acting more like philosophers rather than practitioners, which obliges them to be as general and logically consistent as possible, which also implies in their discourse the absolute necessity of microfoundations.

3. Case Study

3.1. Post-war mainstream Keynesianism

Keynesianism, and particularly post-war mainstream Keynesianism, have widely acknowledged Marshallian roots (De Vroey, 2011). Keynesians utilized a pragmatic method, mostly trying to maximize the external consistency rather than internal. Not all the equations in their models were based on explicit microfoundations, and their building often started with market supply and demand functions, so the level of optimizing behavior of individuals was skipped, according to Marshallian practice (De Vroey, 2016). Theoretical specifications could be simplified and ad hoc adjustments could be made in order to obtain the best results from the point of view of reflecting observed empirical facts; the models were gigantic and included hundreds of equations, and were often built by engineers.

Policy recommendations of the mainstream Keynesians were definitely of a specific kind, aimed at resolving real-world problems and producing much contingent advice tied to current empirical reality. The very logic of discretionary control over the economic indicators represents this feature of Keynesian economic policy. Keynesian models, in the first decades after the Second World War, became very convenient for policymakers, and numeric economic forecasts based on results from the quarterly model of the US economy became the dominant force in the Federal Reserve Board’s (hereinafter – the Fed) policy process starting from Chairman Martin’s time (1951–1970) (Axilrod, 2011). The Keynesian MPS model was used in the Fed after the 1960s only until its replacement by the FRB/US model in the early 1990s (Taylor, 2016). Furthermore, the eclectic FRB/US model that is currently used as the Fed’s main model has many features of classical Keynesian models (Sparsam, Pahl, 2022). Even though Keynesian economic stabilization measures were found to be ineffective after the stagflation of the 1970s, monetary policymakers could return to them at the onset of the crisis moments, as the example of the Great Recession shows (Acocella et al., 2016; Krugman, 2018).

Accordingly, it can be said that, relying on a formalized conceptual framework and complex mathematical methods, the post-war mainstream Keynesians nevertheless were strongly interested in making their approach more realistic and relevant for economic policy, and were willing to make sacrifices in terms of internal consistency for the sake of this goal. Their influence on monetary policy was high in the first decades after the war, primarily in the field of modeling, but also after the 1970s this approach had retained some influence.

3.2. Monetarism

As M. De Vroey (De Vroey, 2016) pointed out, Friedman’s methodological thinking is very similar to that of Keynes in being skeptical of the “pure theory”

approach and believing that theoretical and empirical work must be interwoven. Monetarists, similarly, generally disliked such a puristic Walrasian methodological approach. In his actual work as an economist and policy activist, Friedman himself proved to be a strong empiricist and not formalist, seeking only to protect assumptions of perfect competition and constrained optimizing behavior (Fourcade, 2009).

It is rather difficult to assess the real impact of monetarism on monetary policy, since many of its elements played a significant role in the formation of other research trends in macroeconomics. Therefore, we will make a reservation that by monetarism we only mean a group of economists associated with the Shadow Open Market Committee (SOMC) (Meltzer, 2000), who closely communicated with the Fed officials, evaluating every small move made by the Fed and made specific policy proposals, especially in the 1970s and 1980s.

It is generally argued that their influence was predominantly at the level of rhetoric rather than the actual cognitive infrastructure of policymaking (Sparsam, Pahl, 2022). A. Blinder (Blinder, 1998) claimed that in the only famous case of the Fed turning to “monetarist” policies under Chairman P. Volcker in 1979–1982, a monetarist label was used only as a political shield in a situation when it has already been decided that raising interest rates is necessary. Moreover, in the late 1980s, the monetarists irrevocably lost their convincing power because there were big problems for their theory when money velocity ceased to be stable (Acocella et al., 2016).

Thus, we can say that the monetarists, understood here in a narrow sense, like the Keynesians, strove for a realistic and policy-relevant theory. At the same time, the degree of formalism of their theory was probably even lower. As C. Sims (Sims, 2011) put it, “The Keynesians argued that the economy was complex, requiring hundreds of equations, large teams of researchers, and years of effort to model it. The monetarists argued that only a few variables were important and that a single regression, plus some charts and historical story-telling, made their point.” And their influence, if we are primarily talking about monetary policy, and not about the public sphere, turned out to be not very significant.

3.3. New classical macroeconomics

New classical macroeconomics can be associated with a serious shift in terms of methodology from the Marshallian to Walrasian approach (De Vroey, 2016). Not everyone in academia in the 1970s and 1980s did understand the scale of this shift but already in the 1990s it fundamentally changed the academic modeling practices. The development of the new methodology started in 1969, when R. Lucas and L. Rapping (Lucas, Rapping, 1969) introduced a framework of Walrasian general equilibrium modeling in macroeconomics. Their model rested on microfoundations, so its construction did not contain any ad-hoc hypotheses about relationships between aggregate quantities, but was based solely on the derivation of these relationships based on microeconomic optimization problems of representative households and firms. Later the rational expectations hypothesis was incorporated in this framework. At the end, even opponents of the new classical school admitted that Lucas had achieved a big success because he managed to build a general equilibrium model of business fluctuations that was not previously considered possible (De Vroey, 2016).

New classical macroeconomics was the first stage of what De Vroey (De Vroey, 2016) calls the Dynamic Stochastic General Equilibrium (DSGE) program in

macroeconomics, which almost completely replaced the old models from academic macroeconomics. New classical scholars in their actual modeling practice cared presumably about internal consistency; only compliance with stringent methodological standards, which makes models valuable even if their results do not meet with actual data, was of importance for them.

These scholars advocated very general principles in policy, which were not relevant for the actual day-by-day policymaking. They tended to raise general concerns about the importance of credibility, the choice between rules and discretionary policies, etc. The level of their institutional involvement in policy may be well illustrated by N.G. Mankiw's (Mankiw, 2006) observation: he does not know any new classical economist who left the academia for a job in public policy.

V. Chari and P. Kehoe (Chari, Kehoe, 2006) pointed out that the evolution of US monetary policy in the long-run at the turn of the last centuries was in line with the propositions of new classical economists, such as a move towards greater independence and transparency of monetary policy and to a more rule-based policy regime. Nevertheless, all these influences of new classical scholars seem to be indirect and primarily associated with the activity of their colleagues from the new Keynesian school. J. Sparsam and H. Pahl (Sparsam, Pahl, 2022) describe an interesting case of an early attempt to intervene the Fed's policymaking at the end of the 1970s by a president of the Federal Reserve Bank of Minneapolis who was a proponent of the new classical school, which was almost completely ignored and had no real impact.

3.4. New Keynesian macroeconomics

New Keynesian methodological view can be characterized by eclecticism, when any elements, even if they slightly violate pure Walrasianism, may be included in the models in case the general DSGE design is maintained. New Keynesians wanted to be as pragmatic and externally consistent as the traditional Keynesians, in spite of the constraints imposed by the DSGE framework. This was done by introducing the market imperfections at the level of microfoundations, that is, the rigid prices and wages instead of flexible ones, the Calvo pricing mechanism (each period firms face a fixed probability of being allowed to change their prices), and monopolistic competition instead of perfect competition. Nevertheless, new Keynesian economists definitely disseminated many purely formalistic recommendations and styles of reasoning developed within the new classical school, such as a strong preference for microfoundations and the emphasis on rational expectations. New Keynesians wanted to exploit an ethos of an engineer (Mankiw, 2006), which brought them closer to the traditional Keynesians, at the same time, as much as possible, maintaining the high formalistic standards of the Walrasian approach.

As N.G. Mankiw (Mankiw, 2001) and E. Meade and D. Thornton (Meade, Thornton, 2012) pointed out, the President Clinton administration started to appoint to the Federal Open Market Committee of the Fed new younger members with a more academic background in the 1990s. These people predominantly had a strong association with New Keynesian macroeconomics and played a big role in introducing the New Keynesian view to American monetary policymaking, which, for instance, is reflected in the adoption of cognitive devices such as the famous Taylor rule (Taylor, 2005). The first new Keynesian DSGE models were developed in the 1990s and became extremely fashionable in the 2000s. This was not a single type of model but rather

a class of models with similar features. Different large-scale specifications involving various additional types of rigidities and open economy features were actively developed before the Great Recession. In 2005, the Fed adopted the first DSGE model called “SIGMA” (Sergi, 2020). DSGE models developed in the new Keynesian framework were more empirically plausible than models constructed by new classical scholars. Still, their performance was worse in terms of policy analysis compared to the older FRB/US model due to restrictions imposed for the sake of internal consistency. Nevertheless, even FRB/US contains explicit expectations of private sector with a special emphasis on market perceptions of policy, and these expectations constitute a major transmission channel of monetary policy in the model (Taylor, 2016), which can be considered an influence of the DSGE approach.

Unlike new classical scholars, new Keynesian economists were very active in policymaking. N.G. Mankiw (Mankiw, 2006) mentioned the names of Stanley Fischer, Larry Summers, Janet Yellen, John Taylor, Richard Clarida and Ben Bernanke as the new Keynesians who held leadership positions in American and global public policy since the President Clinton years and continue to do this by now. Since we see the names of two former Fed Chairs, Bernanke and Yellen, in this list, the institutional influence of new Keynesians is undoubtedly the highest among the schools of economic thought studied in this paper.

3.5. Comparison

The main idea that we want to formulate in this excursion into the history of macroeconomic thought is the following: theories that combine formalistic and realistic elements become the most influential in economic policy. The post-war mainstream Keynesians provided a high degree of compromise that enabled them to achieve high influence. Nevertheless, the formalistic foundation of traditional Keynesianism turned to be insufficient later, and its authority was shaken not only in economic science, but also in economic policy. Monetarism also did not quite meet these rigorous formalistic standards, and despite the fact that this school was quite influential in terms of ideas and public rhetoric, its influence on monetary policy was rather limited.

The new classical macroeconomics was sorely lacking in realism, which led to its weak influence on the practical monetary policy. However, the new Keynesian economists, who were able to make more realistic modifications to the complex formalized Walrasian foundation, were able to reach the necessary compromise and secure significant influence on monetary policy.

4. Conclusion

The case study suggests that methodological features of a theory should promote its perception as “high science” and make it suitable for the goals of practical policymaking simultaneously in order to increase the power of its influence on policy. The most influential macroeconomic schools were forced to somehow solve a problem associated with this trade-off.

The solution of the post-war mainstream Keynesians who relied on complex models in order to boost the empirical validity of their results was sufficient but temporary, since the emergence of Walrasian macroeconomics further expanded the possibilities for the formalization, and Keynesian theories were no longer perceived

as the enough formalized ones. The solution proposed by the new Keynesians seems to be more stable, which apparently explains the hegemony of this school over the past decades. Their response was to include the elements in the Walrasian foundation that make economic models more relevant and suitable for economic policy. This compromise allowed them to exploit the strengths and level the weaknesses of the formalist methodology in terms of influence on macroeconomic policy and to cope simultaneously with the opposing pressures. Apparently, this successful strategy of New Keynesians is one of the factors of what F. Claveau and J. Dion (Claveau, Dion, 2018) call, following M. Marcussen (Marcussen, 2009), the “scientization” of central banking at the turn of the 20th and 21st centuries. Probably, a similar logic underlies the success of the new behavioral economics, which combines a formalized abstract neoclassical core and more realistic modifications in explaining human behavior at the micro level (see (Avtonomov V., Avtonomov Y., 2019)).

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

- Acocella N., Di Bartolomeo G., Hughes Hallett A.** (2016). *Macroeconomic paradigms and economic policy: From the Great depression to the Great recession*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Avtonomov V.** (2013a). Historical and methodological considerations on the relationship of economics and economic policy. *Voprosy Ekonomiki*, 4, 4–23 (in Russian). [Автономов В.С. (2013а). Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики) // *Вопросы экономики*. № 4. С. 4–23.]
- Avtonomov V.** (2013b). Methodological aspects of the relationship between economic science and economic policy. In: *Institutional change policy: From theory to practical guidelines*. S.A. Afontsev (ed.), 9–25. Moscow: IMEMO RAN (in Russian). [Автономов В.С. (2013b). Методологические аспекты взаимосвязи между экономической наукой и экономической политикой // *Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям*. Под ред. С.А. Афонцева. С. 9–25. М.: ИМЭМО РАН.]
- Avtonomov V.** (2018). Economic theory before and after the Great recession. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki (Problems of Theoretical Economy)*, 3 (2), 58–64 (in Russian). [Автономов В.С. (2018). Экономическая теория до и после Великой рецессии // *Вопросы теоретической экономики*. № 3 (2). С. 58–64.]
- Avtonomov V., Avtonomov Y.** (2019). Four methodenstreits between behavioral and mainstream economics. *Journal of Economic Methodology*, 26 (3), 179–194.
- Axilrod S.H.** (2011). *Inside the Fed: Monetary policy and its management, Martin through Greenspan to Bernanke*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Blinder A.S.** (1998). *Central banking in theory and practice*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Bourdieu P.** (1986). The forms of capital. In: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. J. Richardson (ed.), 241–258. New York: Greenwood.
- Bühlmann F., Benz P., Mach A., Rossier T.** (2017). Mapping the power of law professors: The role of scientific and social capital. *Minerva*, 55 (4), 509–531.
- Chari V.V., Kehoe P.J.** (2006). Modern macroeconomics in practice: How theory is shaping policy. *Journal of Economic Perspectives*, 20 (4), 3–28.

- Claveau F., Dion J.** (2018). Quantifying central banks' scientization: Why and how to do a quantified organizational history of economics. *Journal of Economic Methodology*, 25 (4), 349–366.
- Coats A.B.** (1993). *The sociology and professionalization of economics: British and American economic essays*. Vol. 2. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Colander D.** (2015). Economic theory has nothing to say about policy (and principles textbooks should tell students that). *Eastern Economic Journal*, 41 (4), 461–465.
- Colander D., Goldberg M., Haas A., Juselius K., Kirman A., Lux T., Sloth B.** (2009). The financial crisis and the systemic failure of the economics profession. *Critical Review*, 21 (2–3), 249–267.
- Colander D., Howitt P., Kirman A., Leijonhufvud A., Mehrling P.** (2008). Beyond DSGE models: Toward an empirically based macroeconomics. *American Economic Review*, 98 (2), 236–240.
- Delli Gatti D., Desiderio S., Gaffeo E., Cirillo P., Gallegati M.** (2011). *Macroeconomics from the bottom-up*. Milan: Springer.
- De Vroey M.** (2011). The Marshallian roots of Keynes's general theory. In: *Perspectives on Keynesian economics*. A. Arnon, J. Weinblatt, W. Young (eds.), 57–79. Berlin, Heidelberg: Springer.
- De Vroey M.** (2016). *A history of macroeconomics from Keynes to Lucas and beyond*. New York: Cambridge University Press.
- Dezalay Y., Garth B.G.** (2008). National usages for a “global” science: The dissemination of new economic paradigms as a hegemonic Global strategy and a national strategy for the reproduction of governing elites. In: *Global science and national sovereignty: Studies in historical sociology of science*. G. Mallard, C. Paradeise, A. Peerbaye (eds.), 143–167. London: Routledge.
- Farrell H., Quiggin J.** (2017). Consensus, dissensus, and economic ideas: Economic crisis and the rise and fall of Keynesianism. *International Studies Quarterly*, 61 (2), 269–283.
- Flickenschild M., Afonso A.** (2019). Networks of economic policy expertise in Germany and the United States in the wake of the Great Recession. *Journal of European Public Policy*, 26 (9), 1292–1311.
- Fourcade M.** (2009). *Economists and societies: Discipline and profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press.
- Friedman M.** (1949). The Marshallian demand curve. *Journal of Political Economy*, 57 (6), 463–495.
- Hall P.A.** (1989). *The political power of economic ideas: Keynesianism across nations*. Princeton: Princeton University Press.
- Hirschman D., Berman E.P.** (2014). Do economists make policies? On the political effects of economics. *Socio-Economic Review*, 12 (4), 779–811.
- Krugman P.** (2018). Good enough for government work? Macroeconomics since the crisis. *Oxford Review of Economic Policy*, 34 (1–2), 156–168.
- Lawson T.** (2009). The current economic crisis: Its nature and the course of academic economics. *Cambridge Journal of Economics*, 33 (4), 759–777.
- Lucas R.E. Jr., Rapping L.A.** (1969). Real wages, employment, and inflation. *Journal of Political Economy*, 77 (5), 721–754.
- Maesse J.** (2015). Economic experts: A discursive political economy of economics. *Journal of Multicultural Discourses*, 10 (3), 279–305.

- Maesse J., Pühringer S., Rossier T., Benz P.** (2022). The role of power in the social studies of economics. In: *Power and influence of economists: Contributions to the social studies of economics*. J. Maesse, S. Pühringer, T. Rossier, P. Benz (eds.), 1–15. Abingdon: Routledge.
- Mankiw N.G.** (2001). US monetary policy during the 1990s. *NBER Working Paper*, 8471.
- Mankiw N.G.** (2006). The macroeconomist as scientist and engineer. *Journal of Economic Perspectives*, 20 (4), 29–46.
- Marcussen M.** (2009). Scientization of central banking: The politics of a-politicization. In: *Central banks in the age of the euro: Europeanization, convergence, and power*. K. Dyson, M. Marcussen (eds.), 373–390. Oxford, UK: Oxford University Press.
- Meade E.E., Thornton D.L.** (2012). The Phillips curve and US monetary policy: What the FOMC transcripts tell us. *Oxford Economic Papers*, 64 (2), 197–216.
- Meltzer A.H.** (2000). The shadow open market committee: Origins and operations. *Journal of Financial Services Research*, 18 (2–3), 119–128.
- Mirowski P.** (1991). *More heat than light: Economics as social physics, physics as nature's economics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mirowski P., Nik-Khah E.** (2017). *The knowledge we have lost in information: The history of information in modern economics*. New York: Oxford University Press.
- Polterovich V.M.** (2017). Designing a strategy for socio-economic development: Science versus ideology. *Voprosy Teoreticheskoy Ekonomiki (Problems of Theoretical Economy)*, 1 (1), 55–65 (in Russian). [**Полтерович В.М.** (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука против идеологии // *Вопросы теоретической экономики*. № 1 (1). С. 55–65.]
- Reinert E., Daastøl A.** (2004). The other canon: The history of Renaissance economics. In: *Globalization, economic development and inequality. An alternative perspective*. E. Reinert (ed.). Cheltenham: Edward Elgar.
- Roncaglia A.** (2005). *The wealth of ideas: A history of economic thought*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sergi F.** (2020). The standard narrative about DSGE models in Central Banks' technical reports. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 27 (2), 163–193.
- Sims C.A.** (2011). *Statistical modeling of monetary policy and its effects*. Available at: https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/sims_lecture.pdf
- Sparsam J., Pahl H.** (2022). Macroeconomics and monetary policy as autonomous domains of knowledge and power: Rational expectations, monetarism and the Federal Reserve. In: *Power and influence of economists: Contributions to the social studies of economics*. J. Maesse, S. Pühringer, T. Rossier, P. Benz (eds.), 36–52. Abingdon: Routledge.
- Stiglitz J.E.** (2018). Where modern macroeconomics went wrong. *Oxford Review of Economic Policy*, 34 (1–2), 70–106.
- Taylor J.B.** (2005). *Lessons learned from the Greenspan era*. Available at: <http://web.stanford.edu/~johntayl/JacksonHole2005.pdf>
- Taylor J.B.** (2016). *Central Bank models: Lessons from the past and ideas for the future*. Available at: https://web.stanford.edu/~johntayl/2016_pdfs/Text_Keynote_BoC_Workshop_Taylor-2016.pdf

Поступила в редакцию 07.07.2021

Received 07.07.2021

М.Б. Бакеев

Центр истории и методологии экономической науки НИУ ВШЭ, Москва

Компромисс между формализмом и реалистичностью как путь к влиянию на экономическую политику

Аннотация. В этой статье мы утверждаем, что экономика сталкивается с двумя конфликтующими социальными запросами. С одной стороны, существует потребность в практической теории, которую можно успешно использовать в рамках экономической политики, различных прикладных задач и т.д. С другой стороны, утвердившийся научный этос задает высокие стандарты внутренней согласованности и формализации теории, что часто ограничивает ее реалистичность и практическую применимость. Как мы предполагаем в этой статье, главным образом отталкиваясь от истории послевоенного макроэкономического мейнстрима, наиболее успешными научными школами с точки зрения влияния на политику являются те, которые пытаются ответить на оба этих запроса. Это выражается в выборе срединного, компромиссного пути: сохранение формализованного абстрактного ядра теории при внесении модификаций, повышающих их реалистичность. Проведенный нами анализ влияния четырех научных школ в макроэкономике, а именно послевоенного мейнстримного кейнсианства (так называемого неоклассического синтеза), монетаризма, новой классической макроэкономики и новой кейнсианской макроэкономики на денежно-кредитную политику США позволяет утверждать, что новое кейнсианство оказалось самой влиятельной школой, так как ей удалось максимально совместить стандарты формализма с реалистичностью.

Ключевые слова: *формализм, реалистичность, денежно-кредитная политика, макроэкономика, роль экономики.*

JEL Classification: A11, A14, B22, B23, B41, N12.

Для ссылок: **Bakeev M.B.** (2022). A compromise between formalism and realism as a way to influence economic policy // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 5 (57). С. 113–125. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-7

А.Р. Мустафин
НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Москва

Большие циклы, советская власть и экономисты: из истории дискуссий 1920-х годов¹

Аннотация. В статье в свете современных подходов интеллектуальной истории рассматривается дискуссия 1920-х годов о больших циклах. Детально анализируется связь между экономическими и эпистемологической концепциями Н.Д. Кондратьева, а также связь между дискуссией о больших циклах и политической конъюнктурой 1920-х годов. В частности, автор показывает, что критика со стороны Л.Д. Троцкого и советских экономистов фактически побудила Н.Д. Кондратьева обратиться к разработке собственной эпистемологической концепции. Используя ряд неизвестных и малоизвестных историографических источников, автор показывает, что советские экономисты, выступившие в середине 1920-х годов с методологической критикой концепции больших циклов, не руководствовались исключительно научными мотивами. Предвзятое отношение к концепции во многом отражает конфликт между Н.Д. Кондратьевым и сотрудниками Госплана, который обострился под влиянием внутривнутрипартийной борьбы в ВКП(б). Пристальное внимание Л.Д. Троцкого концепции Н.Д. Кондратьева привлекла в связи с сформулированными им прогнозами. В статье публикуется ранее неизвестный прогноз, заявленный Н.Д. Кондратьевым в 1926 г., о предстоящем экономическом кризисе и динамике военных и социальных конфликтов на рубеже десятилетий.

Ключевые слова: *циклы Кондратьева, внутривнутрипартийная борьба, экономические дискуссии, троцкизм, интеллектуальная история.*

Классификация JEL: B1, B24, B3, E32.

Для цитирования: **Мустафин А.Р.** (2022). Большие циклы, советская власть и экономисты: из истории дискуссий 1920-х годов // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 126–140. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-8

Возможно, нет такого отечественного ученого, идеи которого интерпретировали столь по-разному, и даже противоположным образом, как Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938). Как только появились его первые работы, в которых формировалась *концепция больших циклов* (Кондратьев, 1922, 1925), он привлек критическое внимание не только советских ученых, но и видных партийных деятелей. С появлением его работ о «новой экономической политике» (Кондратьев, 1989, 1993) противников стало еще больше. Вскоре после ареста в 1930 г. его идеи на родине были преданы забвению. Однако еще при жизни ученого вышел сокращенный(!) перевод на английский язык (Kontratiev, 1935) его ранней статьи о больших экономических циклах (Кондратьев, 1925), который привлек внимание многих авторитетных западных экономистов, как правило, высоко оценивавших его вклад в науку. На протяжении более полувека известность Н.Д. Кондратьева как автора концепции больших циклов фактически основывалась на этом переводе (Белянова, Макашева, 2020, с. 161)², не лишен-

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² При жизни автора был издан немецкий перевод его знаменитой статьи 1925 г. (на основе которого в 1935 г. был издан ее английский перевод). Также на английский язык переведен ряд работ Кондратьева, в которых упоминались большие циклы (См. библиографию (Вагнет, 1998, р. 243)). Однако нельзя не согласиться с оценкой значимости перевода 1935 г., высказанной Е.В. Беляновой и Н.А. Макашевой.

ном неточностей и ошибок³. Не удивительно, что это привело к вольным интерпретациям его наследия в западной литературе⁴. И только после реабилитации ученого в 1987 г. многие его забытые работы были переизданы и переведены на различные языки (Kondratiev, 1992, 1998, 2004; и др.). Но, пожалуй, самое главное — опубликована написанная им в годы тюремного заключения рукопись «Основные проблемы экономической динамики и статики» (Кондратьев, 1991), посвященная в основном эпистемологическим проблемам социальных наук. Однако все это не избавило его идеи от новых поворотов в этом сюжете интеллектуальной истории: в оценках современных исследователей Н.Д. Кондратьев как философ — и позитивист (Макашева, 2014), и неокантианец (Филатов, 2014); как экономист — основоположник эволюционной экономики (Гринберг, Сухарев, 2012), основоположник социальной экономики (Авагян, 2003; Макашева, 2002), а также — сторонник марксизма (Меньшиков, Клименко, 2014).

Все сказанное отражает те многочисленные проблемы и ограничения, с которыми сталкиваются исследователи при изучении наследия ученого. Так, Н.Д. Кондратьев не оставил монографического исследования, в котором он в полной мере мог бы изложить собственную систему взглядов. Нередко, апеллируя к определенным идеям, он по ряду причин не упоминал их авторов. И, пожалуй, самая главная трудность заключается в междисциплинарном характере его исследований. Это объясняет тот факт, что наследие Н.Д. Кондратьева изучается до сих пор фрагментарно — отсутствует исследование, в котором с учетом социального контекста прослеживалась бы связь между его социально-экономическими концепциями и его эпистемологической концепцией⁵. Очевидно, требуется реконструкция интеллектуальной биографии ученого. В настоящей работе показано, что один из ключей к решению данной задачи состоит в понимании того, что Л.Д. Троцкий и его последователи сыграли важную роль в формировании концепции больших циклов Н.Д. Кондратьева.

Прежде чем перейти к решению этой задачи, напомним некоторые ключевые аспекты изучения больших циклов. Сама идея их существования не была оригинальной. Причем среди предшественников Н.Д. Кондратьева было немало марксистов⁶. Тем не менее, он привел лучшие доказательства: многочисленные эмпирические данные (прежде всего — по Англии, Франции и США) и концептуальные объяснения позволили ему обосновать наличие колебаний продолжительностью около 50 лет. Вместе с тем большую эвристическую ценность имеют его четыре так называемые «эмпирические правильности». К примеру, эмпирическая правильность о том, что в начале повышательной волны каждого большого цикла наблюдаются значительные изменения техники, легла в основу наиболее популярного в последние десятилетия объяснения их динамики (инновационное объяснение). Другая — о том, что на периоды повышательной волны каждого большого

³ К примеру, «большие циклы» были переведены как 'long waves', хотя для советских экономистов было важным разграничение понятий «циклы» и «волны». В западной и современной отечественной экономических литературах эти понятия, как правило, рассматриваются как синонимы(!) (Barnet, 1998, p. 106–107).

⁴ В упомянутой «английской» статье Н.Д. Кондратьева не раскрывается его точка зрения на причины выявленных им циклов, о которой западному читателю стало широко известно достаточно поздно (Kondratiev, 1984). Вероятно, поэтому вопрос о том, как основатель концепции объяснял цикличность, выглядит весьма дискуссионным в западной литературе. К примеру, М. Блауг настаивал на том, что Н.Д. Кондратьев якобы объяснял циклы войнами и открытием золотых рудников (Blaug, 1986, p. 114); П. Шоно — солнечной активностью (Chaunz, 1974, p. 57), а по мнению ряда исследователей, Н.Д. Кондратьев якобы так и не предложил теоретического объяснения больших циклов (Hagemann, 2014, p. 124; Perez, 2010, p. 190; Rostow, 1951, p. 64).

⁵ На эту проблему кондратьеведения также обращает внимание П.Н. Клюкин (Клюкин, 2005, с. 100–102).

⁶ См. подробнее: Меньшиков, Клименко, 2014, с. 7–22.

цикла приходится наибольшее число войн и революций – также получила дальнейшее развитие и легла в основу соответствующих подходов к объяснению динамики больших циклов⁷. Следует отметить, что сам Н.Д. Кондратьев объяснял ее прежде всего динамикой капитальных инвестиций. К настоящему времени предложены и другие подходы, выявлены новые эмпирические свидетельства; однако статистического подтверждения концепция Н.Д. Кондратьева, по мнению современных исследователей, не получила (Maddison, 2007; Tsoulfidis, Papageorgiou, 2019). Тем не менее, она продолжает вызывать дискуссии и остается актуальной, что не удивительно: при каждом серьезном кризисе интерес исследователей к проблеме больших циклов возрастает (Полетаев, Савельева, 2009, с. 8).

«Мировое хозяйство...» и судьба капитализма

Принято считать, что «все началось» в 1922 г., ровно сто лет назад, с публикации книги «Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны», в которой Н.Д. Кондратьев впервые выдвинул гипотезу о существовании больших циклов и представил их общую схему динамики (Кондратьев, 1922). Главная мысль автора заключалась в том, что 1920 г., ознаменовавшийся мировым экономическим кризисом, «является годом... смены повышательной волны большого цикла – понижательной» (там же, с. 337). И хотя мировое хозяйство восстанавливается, «общий тон движения конъюктур... будет сохранять понижательные тенденции» (там же, с. 339). При этом Н.Д. Кондратьев отрицал «взгляд, что перед нами какой-то особый, исключительный, не укладывающийся в категории экономической теории кризис» (там же, с. 282). Однако здесь неясно, чей именно взгляд привлек внимание ученого: в своей монографии он ни с кем не вступает в открытую полемику по этому поводу. Вероятно, Н.Д. Кондратьев имел в виду бытовавшую в то время среди марксистов точку зрения, согласно которой экономический кризис 1920 г. повлечет за собой крах капитализма⁸. Однако среди советских ученых и политиков были сторонники более умеренных взглядов, которые хотя и верили в крушение капитализма, но не связывали его с текущим кризисом. К ним можно отнести и Л.Д. Троцкого: с одной стороны, он критиковал «тех “левых”, которые считали, что революция вырастет из непрерывного обострения кризиса», а с другой – капиталистическую прессу, которая «бьет в литавры по поводу... перспектив новой эпохи капиталистической устойчивости» (Троцкий, 1921, с. 3). Как мы видим, касательно краткосрочного и среднесрочного развития мирового хозяйства позиции Н.Д. Кондратьева и Л.Д. Троцкого имеют некоторые общие черты. Однако подчеркнем, что первый настаивал на том, что с конца XVIII в. наблюдаются большие циклы, и относительно судьбы капитализма (как формации) в своей монографии никаких прогнозов не давал (Кондратьев, 1922).

Эта монография вызвала волну критики (Бронский, 1923; Кон, 1923; Осинский, 1923), в фокусе которой оказались «оптимистические» прогнозы о судьбе капитализма, приписанные ее автору. В этой связи оппоненты Н.Д. Кондратьева подвергли критике его рассуждения о больших циклах. Особенно в этом преуспел Н. Осинский (В.В. Оболенский), который в начале 1920-х годов во многом разделял взгляды Л.Д. Троцкого. Так, по мнению оппонента, Н.Д. Кондратьев выдвинул гипотезу о существовании больших циклов

⁷ См. подробнее: Полетаев, Савельева, 2009, с. 102–161; Меньшиков, Клименко, 2014, с. 234–252.

⁸ См. обзор литературы по этой теме в (Фалькнер, 1923, с. VII–XIII).

из-за желаний «разыскать капиталистические кризисы еще и при царе Горохе...», а из сего сделать вывод: «так было, так будет» (Осинский, 1923, с. 12).

В ответ на критику Н.Д. Кондратьев замечал, что необходимо разграничивать проблемы обратимых и необратимых процессов, что его исследование о больших циклах не имеет непосредственного отношения к последним (Кондратьев, 1923, с. 53). Соответственно, текущий большой цикл следует рассматривать как вероятный. Если капитализм рухнет, тогда этот цикл не реализуется, поскольку существование больших циклов связано с условиями капиталистической экономики. Однако это не будет означать, что обнаруженную им закономерность следует отвергнуть: правильность закона «нельзя ставить в зависимость от постоянства его фактического обнаружения» (там же, с. 73). Позднее в своей рукописи «Основные проблемы...» Н.Д. Кондратьев будет подчеркивать, что любая закономерность имеет условный, вероятностный характер (Кондратьев, 1991, с. 222, 528–529).

В том же 1923 г. к дискуссии присоединился Л.Д. Троцкий, выдвинувший важный контртезис: в отличие от «малых» циклов⁹ крупные отрезки «капиталистической кривой, которые профессор Кондратьев неосторожно предлагает тоже назвать циклами... определяются не внутренней игрой капиталистических сил, а теми внешними условиями, в русле которых протекает капиталистическое развитие» (Троцкий, 1923, с. 9). К таким условиям Л.Д. Троцкий относил «приобщение к капитализму новых стран и материков, открытие новых естественных богатств... войны и революции» (там же). Кроме того, он осудил неокантианскую методологию, присущую исследованию Н.Д. Кондратьева.

Забытый доклад Н.Д. Кондратьева

К первой волне критики можно отнести и материалы дискуссии, организованной в январе 1926 г. Президиумом Промэкономсовета ВСНХ. Дело в том, что к этому времени вышла новая работа Н.Д. Кондратьева о больших циклах (Кондратьев, 1925), однако другие участники дискуссии, по всей видимости, тогда еще не были с ней знакомы. Собственно, Президиум Промэкономсовета предложил ряду советских экономистов и председательствующему на обсуждении Л.Д. Троцкому высказаться о тенденциях развития мирового хозяйства и представить прогноз на ближайшее трехлетие. Прежде всего обратим внимание на доклад Н.Д. Кондратьева (совершенно забытая исследователями его работа), в котором он прогнозировал наступление кризиса в США, хотя и не совсем точно: «В ближайшее время, не выходя за пределы 1927 г., можно ожидать наступление в С.-А.С. Штат. промышленного кризиса» (Кондратьев, 1926, с. 64). Это единственный опубликованный конкретный прогноз Н.Д. Кондратьева, имеющий непосредственное отношение к кризису 1929 г. Традиционно исследователи, говоря о его предвидении, отмечают только вывод, вытекающий из его так называемой «четвертой эмпирической правильности»: кризисы на понижательной волне большого цикла отличаются особой длительностью и глубиной (Гловели, 2009, 139). Вместе с тем, Н.Д. Кондратьев дал достаточно точный социально-политический прогноз: «В социально-политическом отношении наступивший период будет периодом относительного затишья. Едва ли можно ожидать, также, в ближайшее десятилетие крупных военных событий» (Кондратьев, 1926, с. 68). Очевидно, что прогнозируя наступление относительно мирного десятилетия, он опирался на «вторую

⁹ Под «малыми» циклами Л.Д. Троцкий, ранний Н.Д. Кондратьев и ряд других экономистов подразумевали циклы Жюгляра.

эмпирическую правильность», которая констатирует определенные связи больших циклов с динамикой военных и социальных конфликтов (Кондратьев, 1925). Поражает удивительная точность высказанных ученым в самом начале 1926 г. положений. В самом деле, только через десять лет начнутся известные военные события, которые заметно выделяются на фоне предшествовавших локальных войн межвоенного периода и неслучайно оспаривают друг у друга право называться генеральной репетицией Второй мировой войны: в конце 1935 г. начинается Вторая итало-эфиопская война, а в следующем 1936 г. — Гражданская война в Испании. Заметим, что сделанный им прогноз прямо противоречил опубликованному ранее Л.Д. Троцким прогнозу о революции в Англии (Троцкий, 1925), а также вскоре распространившимся в Советском Союзе представлениям об угрозе полномасштабной войны с Англией, Польшей и другими европейскими государствами (так называемая «Военная тревога 1927 года»).

Любопытно, что среди участников дискуссии только Л.Д. Троцкий критически оценил высказывания Н.Д. Кондратьева о больших циклах. В частности, критик допускал их случайное происхождение: здесь история намерена «вести нас в заблуждение». Кроме того, Л.Д. Троцкий, сравнивая их со средними циклами (исследованными К. Марксом), заметил, что «цикличность Маркса для отдельных стран подтверждается целиком; а вот эти большие циклы не подтверждаются для отдельных стран» (Троцкий, 1926, с. 190).

«Большие циклы конъюнктуры» и рецензенты

Вернемся на год назад — в 1925 г., когда Н.Д. Кондратьев издает знаменитую статью «Большие циклы конъюнктуры», в которой на статистическом материале фактически опроверг основные контраргументы Л.Д. Троцкого (Кондратьев, 1925). Но заметим, что здесь ученый еще не представил доказательств в пользу основного тезиса (он не доказал, что большие циклы определяются «внутренней игрой капиталистических сил»), а только опроверг возражения своего критика. Собственно, логика Н.Д. Кондратьева заключалась в том, что войны и революции, вовлечение новых территорий в орбиту мирового хозяйства, а также открытия новых естественных богатств (а именно россыпей золота) являются не причинами больших циклов (как у Л.Д. Троцкого), а скорее их следствиями. То же самое верно и по отношению к изменениям техники («первая эмпирическая правильность»).

С одной стороны, Н.Д. Кондратьев подчеркивал, что эти процессы не имеют отношения к причинам больших циклов, но с другой — признавал их определенное влияние на эти циклы. Видно, что ему достаточно сложно описать логику своих рассуждений, ограничиваясь категориями «причины» и «следствия», и изредка он позволяет себе использовать понятие «функция». Дело в том, что ученый, как можно узнать из его рукописи, находился под некоторым влиянием махизма (так называемой второй волны позитивизма). В частности, в махизме его внимание привлекла *идея функциональной связи*, которая подразумевала существование возвратного влияния следствия: определенное явление может быть не только следствием своих причин, но и их причиной (Кондратьев, 1991, с. 156–160). Собственно, такая связь наблюдается между большими экономическими циклами и теми процессами, на которые обратил внимание Л.Д. Троцкий.

Очевидно, что Н.Д. Кондратьеву гораздо проще было описать ход своих рассуждений, апеллируя к махизму, однако он этого не стал делать¹⁰. Любопытно, что ученый также отказался от неокантианской терминологии, которая часто встречалась в его ранних работах и к которой он вновь обратится в упомянутой рукописи. Вероятно, это можно объяснить желанием Н.Д. Кондратьева избежать дополнительной критики со стороны марксистов.

Статья Н.Д. Кондратьева вызвала «вторую волну» критики, которая началась с публикаций рецензий (Бажанов, 1925; Базаров, 1925; Опарин, 1925; Новожилов, 1926). К сожалению, эти работы, как правило, остаются вне поля внимания современных исследователей. Среди авторов рецензий отрицательное отношение (но без какой-либо аргументации) к идее больших циклов высказал только Б.Г. Бажанов, личный секретарь И.В. Сталина (Бажанов, 1925). Однако особого внимания заслуживают рецензии В.А. Базарова и Д.И. Опарина, в которых впервые прозвучали замечания к проведенным Н.Д. Кондратьевым вычислениям тренда. При этом В.А. Базаров в целом положительно оценивал статью: «есть все основания думать, что основные аналитические положения, установленные в разбираемой статье, сохранились бы и при ином техническом подходе к материалу» (Базаров, 1925, с. 257). Д.И. Опарин, в свою очередь, дал более сдержанную оценку, однако без каких-либо негативных пассажей (Опарин, 1925, с. 245). Что касается рецензии В.В. Новожилова, то в ней справедливо утверждалось, что Н.Д. Кондратьеву удалось доказать существование больших *волн*, однако доказательство существования больших *циклов* менее разработано (Новожилов, 1926, с. 337).

Дискуссия в Институте экономики: исторический контекст

Все же к моменту выхода последней рецензии Н.Д. Кондратьев уже представил научному сообществу теоретическое обоснование больших циклов, а именно участникам знаменитой дискуссии в Институте экономики РАНИОН, организованной в феврале 1926 г. по инициативе Д.И. Опарина. Прежде чем перейти к анализу материалов дискуссии, следует обратить внимание на исторический контекст.

Заметим сначала, что С.А. Фалькнер и М.И. Спектатор, участники этой февральской дискуссии, ранее выступали на упомянутой выше январской дискуссии в Промэкономсовете ВСНХ, но не высказывали никакой критики в адрес больших циклов. Другие участники февральской дискуссии, а именно В.А. Базаров и Д.И. Опарин (авторы упомянутых выше рецензий), в 1926 г. совершенно иначе стали оценивать идеи Н.Д. Кондратьева (Базаров, 1926; Опарин, 1926). Все это заставляет сомневаться в их доводах, а также ставит вопрос о причине изменения их оценки концепции больших циклов. Пока очевидно, что в начале 1926 г. произошло определенное событие, которое повлияло на их мнения.

Мы можем приблизиться к ответу, если обратим внимание на то, что в *середине 1920-х годов* многие оппоненты (критикующие идею больших циклов) являлись сотрудниками Госплана СССР¹¹, что при этом большинство критических статей опубликовано в журнале «Плановое хозяйство», издаваемом этим же учреждением (Базаров, 1926; Опарин, 1926; Первушин, 1926; Троцкий, 1926;

¹⁰ Однако не стоит считать Н.Д. Кондратьева последовательным сторонником махизма: в упомянутой рукописи одни идеи махизма он поддерживает, другие – критикует. То же самое можно отметить и о его отношении к первой волне позитивизма и к неокантианству.

¹¹ К примеру, сотрудниками Госплана СССР являлись упомянутые в данной статье В.А. Базаров, Д.И. Опарин, Н. Осинский, С.А. Первушин, С.А. Фалькнер.

и др.). Это позволяет предположить, что на дискуссию о больших циклах повлияла дискуссия о методологии планировании. Дело в том, что Н.Д. Кондратьев и его коллеги из Наркомфина отстаивали «генетический» подход, согласно которому планы будущего развития народного хозяйства тесно связывались с предвидением. Оппоненты, сотрудники Госплана, выступали за «телеологический» подход¹², который предполагал построение планов на основе стоящих перед обществом целей (Мау, 2013, с. 303–317). Связь между этими дискуссиями непосредственная, поскольку исследование больших циклов не являлось чисто теоретическим анализом, как на первый взгляд может показаться (Barnett, 1998, p. 112). Дело в том, что в «генетическом» подходе научно-прогностическая деятельность не связывалась исключительно с особенностями советской хозяйственной системы, а рассматривалась в контексте развития мировых процессов (Мау, 2013, с. 309–310)¹³. К примеру, в своей работе «Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта» Н.Д. Кондратьев предлагал в «основу анализа тенденции конъюнктур хлебного рынка вместо представления о линейном развитии их... положить представление о развитии цикличности», обращая при этом внимание на большие циклы (Кондратьев, 1993, с. 211–212).

Собственно, в январе 1926 г. произошло событие, которое, вполне вероятно, заметно повлияло на дискуссию о планировании и, как мы видим, — на дискуссию о больших циклах. Это событие — отставка Г.Я. Сокольников с поста наркома финансов, что существенно понизило политический вес сторонников «генетического» подхода. Дело в том, что в 1925 г. Г.Я. Сокольников примкнул к так называемой «Новой оппозиции» и в декабре этого года на XIV съезде ВКП(б) выступил с критикой И.В. Сталина. Сторонники «Новой оппозиции», как известно, подверглись осуждению на съезде и вскоре лишились своих постов.

Следует указать, что дискуссия о методологии планирования — не единственный фактор, серьезно повлиявший на дискуссию о больших циклах — явно были и другие причины конфликта между ее участниками. К примеру, стоит обратить внимание на Конъюнктурный совет Госплана СССР, который выполнял сходные задачи, что и Кондратьевский Конъюнктурный институт при НКФ СССР. Официальные сведения этих структур нередко расходились, что, вероятно, осложняло отношения между их сотрудниками (Бокарев, 1989, с. 16–18, 59–60). Более того, удалось обнаружить архивный документ, который свидетельствует о намерении самого известного оппонента концепции больших циклов — Д.И. Опарина — ликвидировать Кондратьевский институт, а «Конъюнктурному совету следует взять на себя инициативу создания определенной комиссии», которая занялась бы анализом проблем конъюнктуры¹⁴. Одновременно среди оппонентов Н.Д. Кондратьева, безусловно, были и те, кто руководствовался преимущественно научными мотивами. К ним, пожалуй, можно отнести С.А. Первушина, который и в 1924 г., и в 1926 г. критиковал Н.Д. Кондратьева за то, что тот считает большие циклы феноменом исключительно капиталистической экономики (Кондратьев, 1924, с. 374; Первушин, 1926, с. 123).

¹² В.А. Базаров выступал за синтез «генетического» и «телеологического» подходов.

¹³ По данной теме отсылаю читателя к монографии В.А. Мау. В рамках задач данного исследования здесь важно только указать на связь между плановой концепцией Н.Д. Кондратьева и его концепцией больших циклов, а также обратить внимание на малоизвестную его работу, в которой было указано на существование этой связи.

¹⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 769. Д. 21. Л. 49.

Также важно подчеркнуть, что описанная картина взаимоотношений советских экономистов — это только попытка несколько приблизиться к пониманию мотивации участников дискуссии. Очевидно, что выявить мотивы и обстоятельства, определяющие точку зрения того или иного ученого, однозначно вряд ли возможно. При этом когда мы сомневаемся в том, что участниками дискуссии двигало исключительно стремление к истине, то несколько не хотим высказать неуважение к их памяти. Напротив, мы считаем, что научное наследие советских экономистов до сих пор недооценено и недостаточно изучено.

Дискуссия в Институте экономики: идеи и последствия

Возвратимся к материалам дискуссии в Институте экономики. Доклад Н.Д. Кондратьева представлял собой редакцию текста упомянутой выше статьи с дополнением о теоретическом обосновании больших циклов. Так, апеллируя к А. Маршаллу, он предложил рассматривать их «как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода» (Кондратьев, 1989, с. 226). Собственно, механизм большого цикла ученый, словно в пику критикам-марксистам, объяснял по аналогии с объяснением, предложенным К. Марксом для средних циклов (там же, с. 217). При этом Н.Д. Кондратьев использовал и идею М.И. Туган-Барановского о накоплении «свободного» капитала, не решив сослаться на ее автора. Однако в прениях Н.Д. Кондратьев признал определенную связь своей концепции с теорией своего учителя, выдвинутой «для объяснения средних циклов», но отрицал ее перенос на большие циклы (там же, с. 342).

Что касается критики доклада Н.Д. Кондратьева, следует отметить, что она сыграла важную роль с точки зрения принятия его идей. Она показала уязвимое место его исследования — методика выделения больших циклов. Критические доводы участников дискуссии, с одной стороны, негативно отразились на восприятии концепции не только отечественными, но и западными экономистами¹⁵, а с другой — побудили ученых искать более точные методики¹⁶. Однако накопленный эмпирический опыт позволил заново оценить критические доводы оппонентов Н.Д. Кондратьева¹⁷. Рассмотренный выше контекст дискуссии также показывает, что не стоит преувеличивать «силу» контраргументов его критиков.

Нет смысла подробно останавливаться на содержании этой знаменитой дискуссии, поскольку ей посвящены десятки исследований (Garvy, 1943; Barnett, 1998; Меньшиков, Клименко, 2014; и др.). Однако обратим внимание на выступления и последовавшие публикации В.А. Базарова и В.Е. Богданова, в которых можно обнаружить созвучные Л.Д. Троцкому идеи. Так, первый критик¹⁸, проведя эмпирическое исследование, пришел к следующему выводу: «В малых циклах мировые хозяйственные связи... дают тот толчок, который разбегается быстрой волной по всем капиталистическим странам... Большие циклы не имеют такой специфической спаянности между собой и с мировым целым; они лишены основ-

¹⁵ Западным исследователям идеи критиков Н.Д. Кондратьева стали знакомы во многом благодаря статье Дж. Гарви (Garvy, 1943). Современные критики концепции высказывают далеко не оригинальные идеи, фактически повторяя их возражения (см. (Гринин, Коротаев, 2014)).

¹⁶ См. анализ методик выделения больших циклов (Полетаев, Савельева, 2009, с. 221–232).

¹⁷ Приведем в связи с этим слова С.Ю. Глазьева: «точные методы измерений... получившие широкое применение в естествознании, непригодны для выявления квазипериодических колебаний в социально-экономических процессах. Для доказательства существования ДВ... используются приблизительные и наглядные методы» (Глазьев, 1990, с. 32–33).

¹⁸ Опубликованные в 1928 г. материалы дискуссии не содержали текста выступления В.А. Базарова. Однако, как и многие ее участники, он опубликовал критическую статью в «Плановом хозяйстве».

ного признака “конъюнктурности”» (Базаров, 1926, с. 89). Как можно заметить, здесь В.А. Базаров фактически повторяет высказанный на январской дискуссии Л.Д. Троцким контраргумент, однако не ссылается на него (Троцкий, 1926, с. 190).

Выступление В.Е. Богданова (о биографии которого ничего не известно) примечательно тем, что он открыто выступил в защиту позиции Л.Д. Троцкого. В связи с этим В.Е. Богданов поднял вопрос о категории «случайности». По его мнению, Н.Д. Кондратьев неверно понимает эту категорию: «под случайностью мы понимаем не нарушение причинности вообще, — такие случайности марксизм, понятно, отрицает в корне, — но лишь “случайное” пересечение двух причинно обусловленных рядов» (Кондратьев, 1989, с. 303). Получается, что в контексте дискуссии о больших циклах под «случайностью» следует понимать пересечение «с одной стороны, внутренней динамики капиталистического способа производства и, с другой — состояния внекапиталистического его окружения» (там же, с. 304). Характерно, что два года спустя он опубликует критическую статью по этой теме, однако не упомянет ни разу Л.Д. Троцкого (Богданов, 1928), к этому времени уже исключенного из партии и сосланного в Алма-Ату.

Возражения В.Е. Богданова, по всей видимости, объясняют, почему позднее Н.Д. Кондратьев в своей рукописи «уделяет большое внимание вопросу о природе случайного» (Макашева, 2002, с. 15). В этой работе он подверг критике понимание случайности как пересечения двух или более причинных рядов (Кондратьев, 1991, с. 167) и предложил собственную трактовку этой категории. Для этого он сперва обратился к определению «регулярных событий»: хотя всякое событие индивидуально и неповторимо, однако в основных своих признаках многие события повторяются и, собственно, их можно назвать регулярными (там же, с. 171). При этом регулярные события мы не можем назвать случайными, как и далеко не все иррегулярные. Среди последних можно выделить как события, причины которых с определенной степенью полноты могут быть установлены, так и события, причины которых «при данном состоянии научного знания и его средств не могут быть определены» (там же, с. 173). Именно последнюю группу иррегулярных событий Н.Д. Кондратьев предлагал называть случайными. Он пояснял, что «если категория причинности есть категория самого бытия, то категория случайности в конечном итоге есть категория нашего познания» (там же, с. 176). Возникает вопрос, почему этот гносеологический спор был так важен для Н.Д. Кондратьева. Именно учитывая предложенные им определения, становится очевидным: когда он ранее, в 1925 г., установил регулярность, ритмичность в изменении техники, а также войн и революций (первая и вторая эмпирическая правильность), он тем самым отклонил возражения Л.Д. Троцкого и других оппонентов об их случайности (Кондратьев, 1925).

Вернемся к критикам концепции больших циклов. Не будет большим преувеличением сказать, что после дискуссий 1926 г. принципиально новых контраргументов выдвинуто не было. Хотя до 1929 г. среди критических статей можно встретить эмпирические исследования (Губерман, 1927; Эвентов, 1929). В конце этого же года И.В. Сталин в своей речи на конференции аграрников-марксистов резко выступил против теории равновесия. Здесь критика была направлена в первую очередь на Н.И. Бухарина, опиравшегося в дискуссиях о планировании на теорию экономического равновесия (Май, 2013, с. 437). Вместе с тем И.В. Сталин высказал

возмущение, почему эта теория еще не встретила «сокрушительный отпор... со стороны наших аграрников-марксистов» (Сталин, 1949, с. 145–146). Это выступление вызвало третью волну критики Н.Д. Кондратьева, которого арестовали в 1930 г. Оно же объясняет, почему ключевую роль в разоблачении «кондратьевщины» сыграли, собственно, ученые-аграрники, которые осудили не только аграрную и плановую концепции, а также общественную деятельность Н.Д. Кондратьева, но и высказывались по поводу больших циклов. При этом новым в критике стало обвинение в том, что в основе его теоретических построений лежит теория равновесия: в фокусе внимания его оппонентов оказались практически все его упоминания «равновесия», однако уже не требовалось понимания контекста и вкладываемого в это понятие смысла (Мустафин, 2017, с. 112).

Заключение

Концепция больших циклов — одна из самых ярких и трагичных страниц в истории взаимоотношений власти и ученых-экономистов. Практически сразу, как только Н.Д. Кондратьев высказал гипотезу о существовании больших циклов, она привлекла внимание ученых-марксистов и видных партийных деятелей, воспринявших его идеи в контексте дискуссии о судьбе капитализма как формации. В действительности его прогнозы, вытекающие из концепции больших циклов, не имели отношения к этой проблеме и предвещали наступления экономического кризиса в США, а также относительно мирного десятилетия. Последний прогноз особенно ярко контрастировал с ожиданиями советских лидеров.

Большие циклы стали предметом широкой дискуссии также по причине обострившихся отношений между Н.Д. Кондратьевым и сотрудниками Госплана, оспаривавшими его взгляд на методологию планирования («генетический» подход). В свою очередь, дискуссия о методологии планировании отражала внутривластную борьбу в ВКП(б). В частности, отставка в январе 1926 г. Г.Я. Сокольников, активного участника «Новой оппозиции» и руководителя Н.Д. Кондратьева, с поста наркома финансов, не только закрепила победу Госплана в этом споре, но, по всей видимости, она также повлияла также на изменение отношения ряда советских экономистов к концепции больших циклов. Все это позволяет утверждать об их предвзятом отношении, поэтому не стоит преувеличивать «силу» их контраргументов.

Тем не менее, вне контекста дискуссий достаточно проблематично реконструировать логику Н.Д. Кондратьева. Зачастую возражения критиков побуждали его выдвигать эпистемологические аргументы в пользу отстаиваемых тезисов. Так, его понимание «случайности», природы закономерностей, а также трактовка логики причинно-следственных связей (как функциональной зависимости) — ключевые идеи, которые, как обнаруживается, лежат в основе концепции больших циклов, — не были прояснены в его знаменитой статье, а высказаны им в рукописи и материалах дискуссий. Таким образом, возражения оппонентов фактически побудили его обратиться к разработке собственной эпистемологической концепции, основанной на синтезе идей позитивистов первой и второй волн, а также идей неокантианцев.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Авагян Г.Л.** (2003). Социальная экономика Н.Д. Кондратьева. М.: Прометей. [**Avagyan G.L.** (2003). *N.D. Kondratiev's social economy*. Moscow: Prometey (in Russian).]
- Бажанов Б.Г.** (1925). [Рецензия] // *Правда*. № 257. 11 ноября. [**Bazhanov B.G.** (1925). [Review]. *Pravda*, 257, Nov. 11 (in Russian).]
- Базаров В.А.** (1925). [Рецензия] // *Экономическое обозрение*. № 11. С. 255–258. [**Bazarov V.A.** (1925). [Review]. *Economic Review (Ekonomicheskoe Obozrenie)*, 11, 255–258 (in Russian).]
- Базаров В.А.** (1926). «Кривые» развития капиталистического и советского хозяйства // *Плановое хозяйство*. № 5. С. 71–90. [**Bazarov V.A.** (1926). The “charts” of the development of capitalistic and Soviet economy. *Planning Economy (Planovoe Khozyaystvo)*, 5, 71–90 (in Russian).]
- Белянова Е.В., Макашева Н.А.** (2020). Конструктивистский проект «Эконометрика-1930»: осуществление невозможного или реализация неизбежного // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (47). С. 158–177. [**Belyanova E.V., Makasheva N.A.** (2020). The constructivist project ‘Econometrics-1930’: Implementation of the impossible or realization of inevitable. *Journal of the New Economic Association*, 3 (47), 158–177 (in Russian).]
- Богданов В.** (1928). К вопросу о закономерностях исторического развития капитализма (Критика теории больших циклов проф. Кондратьева) // *Под знаменем марксизма*. № 6. С. 87–98. [**Bogdanov V.** (1928). On the question of the regularity of historical development of capitalism (Criticism of the theory of long cycles by prof. Kondratiev). *Under Marxist Banner (Pod znamenem marksizma)*, 6, 87–98 (in Russian).]
- Бокарев Ю.П.** (1989). Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исследований, этапы взаимоотношений. М.: Наука. [**Bokarev Yu.P.** (1989). *Socialist industry and small peasant economy in the USSR in the 1920s: sources, research methods, stages of relationships*. Moscow: Nauka (in Russian).]
- Бронский М.Г.** (1923). Обзор литературы по мировому хозяйству // *Вестник Социалистической академии*. № 2. С. 215–216. [**Bronsky M.G.** (1923). World economy literature review. *Herald of Socialist Academy (Vestnik Socialisticheskoy Akademii)*, 2, 215–216 (in Russian).]
- Глазьев С.Ю.** (1990). Экономическая теория технического развития. М.: Наука. [**Glazhev S.Yu.** (1990). *The economic theory of technical development*. Moscow: Nauka (in Russian).]
- Гловели Г. Дж.** (2009). Геополитическая экономия в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям (XIX в. – первая треть XX в.). СПб.: Алетейя. [**Gloveli G.J.** (2009). *Geopolitical economy in Russia: From discussions of identity to global models (19th century – first third of the 20th century)*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).]
- Гринберг Р.С., Сухарев О.С.** (2012). Эволюционная экономика Н.Д. Кондратьева (Очерк научной биографии ученого) // *Кондратьевские волны*. № 1. С. 12–36. [**Grinberg R.S., Suharev O.S.** (2012). N.D. Kondratiev's evolutionary economics (An essay on the academic biography). *Kondratieff Waves*, 1, 12–36 (in Russian).]
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В.** (2014). В защиту Н.Д. Кондратьева. Постраничные комментарии к статье А.С. Смирнова // *Кондратьевские волны*. № 3. С. 170–275.

- [Grinin L.E., Korotaev A.V. (2014). In defense of N.D. Kondratiev. Page-by-page comments on A.S. Smirnov's article. *Kondratieff Waves*, 3, 170–275 (in Russian).]
- Губерман С.** (1927). Проблемы малых и больших циклов // *Социалистическое хозяйство*. Кн. 1. С. 28–59. [Guberman S. (1927). The problems of the short and long cycles. *Socialist Economy (Sotsialisticheskoe Khozyaystvo)*, 1, 28–59 (in Russian).]
- Клюкин П.Н.** (2005). «Суздальские письма» Н.Д. Кондратьева // *Вестник архивиста*. № 87. С. 98–114. [Klyukin P.N. (2005). 'Suzdal letters' of N.D. Kondratiev. *Herald of an Archivist (Vestnik Arhivista)*, 87, 98–114 (in Russian).]
- Кон А.** (1923). [Рецензия] // *Печать и революция*. Кн. 1. С. 141–143. [Kon A. (1923). [Review]. *Press and Revolution (Pechat' i Revolyuciya)*, 1, 141–143 (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1922). Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда. [Kondratiev N.D. (1922). *The world economy and its conjunctures during and after the war*. Vologda (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1923). Спорные вопросы мирового хозяйства и кризиса (Ответ нашим критикам) // *Социалистическое хозяйство*. № 4/5. С. 50–87. [Kondratiev N.D. (1923). Controversial issues of the world economy and crisis (Response to our critics). *Socialist Economy (Socialisticheskoe Khozyaystvo)*, 4/5, 50–87 (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1924). К вопросу о понятиях экономической статики, динамики и конъюнктуры // *Социалистическое хозяйство*. Кн. 2. С. 349–382. [Kondratiev N.D. (1924). On the static and dynamic view of economics. *Socialist Economy (Socialisticheskoe Khozyaystvo)*, 2, 349–382 (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1925). Большие циклы конъюнктуры // *Вопросы конъюнктуры*. Т. 1. С. 28–79. [Kondratiev N.D. (1925). The major economic cycles. *Problems of Conjuncture (Voprosy Kon'unktury)*, 1, 28–79 (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1926). Мировое хозяйство. 1919–1925 гг.: Современное положение и основные тенденции развития. Доклад. М.: ВСНХ; Л.: Центр. упр. печати СССР. [Kondratiev N.D. (1926). *World economy. 1919–1925. Current situation and main development trends*. Report. Moscow: VSNKh; Leningrad: TSUP (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1989). Проблемы экономической динамики. М.: Экономика. [Kondratiev N.D. (1989). *The problems of economic dynamics*. Moscow: Ekonomika (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1991). Основные проблемы экономической статики и динамики. М.: Наука. [Kondratiev N.D. (1991). *Main problems of economic statics and dynamics*. Moscow: Nauka (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1993). Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. Кн. 1. М.: Наука. [Kondratiev N.D. (1993). *Particular opinion*. Vol. 1. Moscow: Nauka (in Russian).]
- Макашева Н.А.** (2002). Загадка Н.Д. Кондратьева: неоконченная теория динамики и методологические проблемы экономической науки // *Вопросы экономики*. № 3. С. 4–16. [Makasheva N.A. (2002). The enigma of N.D. Kondratiev: The unfinished theory of dynamics and methodological problems of economic science. *Voprosy Ekonomiki*, 3, 4–16 (in Russian).]
- Макашева Н.А.** (2014). Проблема интеграции теорий экономического цикла и равновесия (вторая половина 1920-х – 1930-е годы) и проект теории экономической динамики Н.Д. Кондратьева // *Вопросы экономики*. № 1. С. 22–39. [Makasheva N.A.

- (2014). Integrating economic cycles theory with equilibrium theory (the second half of the 1920s and 1930s) and N.D. Kondratiev's project of economic dynamics. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 22–39 (in Russian).]
- Мау В.А.** (2013). Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929). М.: Дело. [**Mau V.A.** (2013). *Reforms and dogmas. State and economy in the era of reforms and revolutions (1861–1929)*. Moscow: Delo (in Russian).]
- Меньшиков С.М., Клименко Л.А.** (2014). Длинные волны в экономике: когда общество меняет кожу. М.: URSS. [**Menshikov S.M., Klimenko L.A.** (2014). *Long waves in the economy: When a society renews its skin*. Moscow: URSS (in Russian).]
- Мустафин А.Р.** (2017). Концепция больших циклов Н.Д. Кондратьева в отечественной историографии. Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. Казань: К(П)ФУ. [**Mustafin A.R.** (2017). *The concept of Kondratiev long cycles in domestic historiography*. Thesis for Candidate Degree in History. Kazan: Kazan (Volga region) Federal University (in Russian).]
- Новожилов В.** (1926). Рецензия // *Вестник финансов*. № 3. С. 335–339. [**Novozhilov V.** (1926). Review. *Herald of Finance (Vestnik Finansov)*, 3, 335–339 (in Russian).]
- Опарин Д.И.** (1925). Рецензия // *Кредит и хозяйство*. № 8–9. С. 244–246. [**Oparin D.I.** (1925). Review. *Credit and Economy (Kredit i Hozyajstvo)*. 8–9, 244–246 (in Russian).]
- Опарин Д.И.** (1926). Большие циклы конъюнктуры проф. Кондратьева // *Плановое хозяйство*. № 5. С. 148–159 [**Oparin D.I.** (1926) Prof. Kondratiev's major cycles. *Planning Economy (Planovoe Khozyaystvo)*, 5, 148–159 (in Russian).]
- Осинский Н.** (1923). Мировое хозяйство в оценке наших экономистов. М.: Красная новь. [**Osinsky N.** (1923). *The world economy in our economists' assessment*. Moscow: Krasnaya nov' (in Russian).]
- Первушин С.А.** (1926). Основные вопросы теории и методологии хозяйственной конъюнктуры // *Плановое хозяйство*. № 12. С. 120–136. [**Pervushin S.A.** (1926). The main issues on the theory and methodology of economic conjuncture. *Planning Economy (Planovoe Khozyaystvo)*, 12, 120–136 (in Russian).]
- Полегаев А.В., Савельева И.М.** (2009). «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе. М.: Юстицинформ. [**Polegaev A.V., Savel'eva I.M.** (2009). *Kondratiev cycles in historical retrospect*. Moscow: Yusticinform (in Russian).]
- Сталин И.В.** (1949). Сочинения. В 18 т. Т. 12: апрель 1929 – июнь 1930. М.: Гос. изд-во политической литературы. [**Stalin I.V.** (1949). *Works*. In 18 vol. Vol. 12: April 1929 – June 1930. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury (in Russian).]
- Троцкий Л.Д.** (1921). Прилив. (Экономическая конъюнктура и мировое рабочее движение.) // *Правда*. № 292. 25 декабря. [**Trotsky L.D.** (1921). Flood-tide: The economic conjuncture and the world labor movement. *Pravda*, 292, Dec. 25 (in Russian).]
- Троцкий Л.Д.** (1923). О кривой капиталистического развития // *Вестник социалистической академии*. Кн. 4. С. 5–12. [**Trotsky L.D.** (1923). On the curve of capitalist development. *Herald of the Socialist Academy (Vestnik Socialisticheskoi Akademii)*, 4, 5–12 (in Russian).]
- Троцкий Л.Д.** (1925). Куда идет Англия? М., Л.: Гос. изд-во. [**Trotsky L.D.** (1925). *Where is Britain going?* Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo (in Russian).]

- Троцкий Л.Д.** (1926). К вопросу о тенденциях развития мирового хозяйства // *Плановое хозяйство*. № 1. С. 185–200. [**Trotsky L.D.** (1926). To the question of the trends in the world economy. *Planning Economy (Planovoe Khozyaystvo)*, 1, 185–200 (in Russian).]
- Фалькнер С.А.** (1923). Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. 2-е изд. М.: Красная печать. [**Falkner S.A.** (1923). *A turning point in the development of the global crisis*. Moscow: Krasnaya pechat (in Russian).]
- Филатов И.В.** (2014). Кондратьев Николай Дмитриевич. В кн.: *Русская философия. Энциклопедия*. М.: Книжный клуб «Книговек». С. 289–290. [**Filatov I.V.** (2014). Kondratiev Nikolai Dmitrievich. In: *Russian philosophy. Encyclopedia*. Moscow: Bokk club “Knigovek”, 289–290 (in Russian).]
- Эвентов Л.** (1929). О природе длительных колебаний в капиталистической динамике // *Проблемы экономики*. № 2. С. 47–68. [**Eventov L.** (1929). On the nature of fluctuation of long duration in the capitalist economy. *Problems of Economy (Problemy Ekonomiki)*, 2, 47–68 (in Russian).]
- Barnett V.** (1998). *Kondratiev and the dynamics of economic development: Long cycles and industrial growth in historical context*. N.Y.: St. Martin’s Press; Basingstoke: Macmillan.
- Blaug M.** (1986). *Great economists before Keynes: An introduction to the lives and works of 100 economists of the past*. Brighton: Wheatsheaf books.
- Chaunu P.** (1974). L’économie: Depassement et prospective. In: *Faire de l’histoire*. Vol. 2. Nouvelles approaches. Paris, 51–73.
- Garvy G.** (1943). Kondratieff’s theory of long cycles. *The Review of Economics and Statistics*, 25, 4, 203–220.
- Hagemann H.** (2014). Capitalist development, innovations, business cycles and unemployment: Joseph Alois Schumpeter and Emil Hans Lederer. *Journal of Evolutionary Economics*, 25, 117–131.
- Kondratiev N.D.** (1935). The long waves in economic life. *Review of Economics and Statistics*, 17, 7, 105–155.
- Kondratiev N.D.** (1984). *The long wave cycle*. N.Y.: Richardson & Snyder.
- Kondratiev N.D.** (1992). *Les grands cycles de la conjoncture*. Paris: Economica.
- Kondratiev N.D.** (1998). *The works of Nikolai D. Kondratiev*. 4 vols. N. Makasheva et al. (eds.). L.: Pickering & Chatto.
- Kondratiev N.D.** (2004). *The world economy and its conjunctures during and after the war*. Moscow: IKF.
- Maddison A.** (2007). Fluctuations in the momentum of growth within the capitalist epoch. *Cliometrica*, 1, 145–175.
- Perez C.** (2010). Technological revolutions and techno-economic paradigms. *Cambridge Journal of Economics*, 34, 185–202.
- Rostow W.W.** (1951). The historical analysis of the terms of trade. *Economic History Review*. 2nd ser., 4, 1, 53–76.
- Tsoufidis L., Papageorgiou A.** (2019). The recurrence of long cycles: Theories, stylized facts and Figures. *World Review of Political Economy*. 10, 4, 415–448.

Поступила в редакцию 17.05.2022

Received 17.05.2022

A.R. Mustafin

HSE University, RANEPА, Moscow, Russia

Long cycles, the soviet authority and economists: From the history of discussions of the 1920s¹⁹

Abstract. In perspective of intellectual history, the article studies Soviet discussions on long cycles. The study analyzes in detail the connection between Kondratiev's economic and epistemological ideas, as well as the connection between the debate on long cycles and the political conjuncture of the 1920s. In particular, the article shows that criticism from L.D. Trotsky and Soviet economists prompted N.D. Kondratiev to turn to the issue of epistemology. The article also shows that we should not take the methodological criticism of Kondratiev's opponents seriously because they were biased against him. In the mid-1920s, Soviet economists' negative attitude to the idea of long cycles reflects the conflict between N.D. Kondratiev and employees of the State Planning Committee, which escalated under the influence of the inner-party struggle. The attention of L.D. Trotsky, in its turn, was attracted to the idea of long cycle in connection with forecasts both attributed to N.D. Kondratiev and those formulated by him. The article publishes a previously unknown forecast, declared by N.D. Kondratiev in 1926, about the upcoming economic crisis and the dynamics of military and social conflicts at the turn of the decades.

Keywords: *Kondratiev cycles, inner-party struggle, economic discussions, Trotskyism, intellectual history.*

JEL Classification: B1, B24, B3, E32.

For reference: **Mustafin A.R.** (2022). Long cycles, the soviet authority and economists: From the history of discussions of the 1920s. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 126–140. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-8

¹⁹ The research was carried out within the framework of the HSE Fundamental Research Program.

Горячая тема Провал общества



А.Я. Рубинштейн

Р.С. Гринберг

А.Е. Городецкий

Патерналистское государство
и гражданское общество

А.А. Гусейнов

О государстве и обществе

Л.Д. Гудков

Инерция государственного патернализма
и его последствия

А.П. Заостровцев

Провалы общества: как их понимать?

А.Я. Рубинштейн

ИЭ РАН, Государственный институт искусствознания, Школа-студия МХАТ, Москва

Р.С. Гринберг

ИЭ РАН, Школа-студия МХАТ, Москва

А.Е. Городецкий

ИЭ РАН, Москва

Патерналистское государство и гражданское общество

Аннотация. Общество состоит из множества разных групп людей, взаимодействующих между собой, – гражданским обществом и государством, патерналистская форма которого не является феноменом последних столетий. И хотя данный термин появился много позже, само же это явление возникло в ранней истории, по сути, одновременно с формированием семей с их патриархальным патернализмом. Перенос домохозяйственной формы патернализма на государство заложил фундамент будущего патерналистского государства. При этом современный государственный патернализм отличается, как правило, от патриархальной модели, во-первых, коллективным характером генерирования интересов государства – общественного выбора и, во-вторых, демократизацией самого процесса формирования этих интересов. Теоретико-исторический анализ дает основания для рассмотрения процесса эволюции патерналистского государства с присущими ему рисками искажения общественного выбора. В статье выделены шесть этапов эволюции государства и сформулированы фундаментальные причины провала общества – такого его состояния, которое допускает выбор целей патерналистским государством, не соответствующих интересам общества, и ошибочных стратегий их реализации. Выполненный анализ позволяет предположить, что, не успев создать зрелое гражданское общество, большую часть тридцати лет после социализма Россия прожила в условиях сползания к четвертой фазе эволюции патерналистского государства, – к его закату и неопределенности будущего.

Ключевые слова: государство, эволюция государства, патернализм, патерналистское государство, общество, гражданское общество, провал общества.

Классификация JEL: B10, B11, B15, B52.

Для цитирования: **Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е.** (2022). Патерналистское государство и гражданское общество // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 142–149. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-9

1. Историческое введение

Начнем с того, что патерналистская форма государства свое название получила много позже, чем само явление, которое возникло в ранней истории, – по сути, одновременно с формированием семей с их патриархальным патернализмом и появлением других общностей людей и их глав, в обязанности которых входила защита интересов членов общин (Гловели, 2020, с. 20–45; Ананьин, 2020, с. 100–109).

Это проще всего обсуждать на примере классической Греции, где центром экономической жизни было домашнее хозяйство – результат естественного объединения людей с целью удовлетворения их жизненных потребностей. Ради этого глава семьи – патер обладал всей полнотой власти, что, собственно, и определяет «патриархальный патернализм». На патриархальную особенность

домохозяйственной формы патернализма указывает Уильям Бут: «Отношения господства и подчинения между патером и другими членами – женой, детьми и рабами – были, тем не менее, скреплены взаимностью» (Booth, 1993, p. 38–39). О переносе домохозяйственной формы патернализма на государство писали еще древнегреческие мыслители¹. И в этом переносе был заложен фундамент будущего патерналистского государства.

Наверное, не будет ошибкой и утверждение о естественной природе гражданского общества. Сошлемся опять на Бута, который, описывая натуральное хозяйство того времени, отметил: «Поскольку домохозяйства были самодостаточными, граждане в полисе были свободны (независимы от других), что позволяло им взаимодействовать на равных» (Booth, 1993, p. 8). Собственно, в этих взаимодействиях и зарождалось гражданское

¹ Платон предполагал, что «государственное управление и ведение домашнего хозяйства являются объектами одной и той же практической науки» (Платон, 2019). Аристотель исходил из того, что и домашнее хозяйство, и государство – это сообщества с общим объектом, организованные для достижения какой-то цели (Аристотель, 1983). См. также (Desmarais-Tremblay, 2021, p. 183–185).

общество. Забегая вперед, отметим, что по мере развития экономики, основанной на разделении труда и рыночном обмене, указанная особенность исчезала, а вместе с ней утрачивались и свободы многих граждан, которые постепенно превращались в подданных. Развитие в постэллинский период экономики рыночного обмена обусловило, как это ни удивительно, закат гражданского общества классической Греции, а много столетий спустя тот же процесс, наоборот, стал главным фактором его формирования.

2. Патерналистское государство

В исторической динамике развития общества, когда политико-экономическое устройство государства формировалось по аналогии с домашним хозяйством и переносом имманентных ему норм в публичный дискурс, менялся и патернализм, который из патриархально-семейной формы превращался в государственный². Как отмечал один из представителей немецкой камералистики Иоганна фон Юсти, государства, которые заботятся о благосостоянии своего населения, являются сильными государствами³. Следует подчеркнуть также, что камерализм был прямой формой государственного вмешательства, не допускающей автономного и саморегулирующегося гражданского общества (Tribe, 1995, p. 12).

Одним из первых, кто указывал на необходимость определенных ограничений власти государства, был Джон Локк, считавший, что власть суверена основывалась на добровольном соглашении свободных, равных и рациональных индивидов с целью защиты их жизни, свободы и собственности (Locke, 2003, ST § 2, p. 101). Развивая эти идеи, Иммануил Кант писал: «каждый мог искать свое счастье тем способом, который кажется ему хорошим, если он не нарушает свободу других стремиться к подобной цели, которая может сосуществовать со свободой каждого в соответствии с возможным всеобщим законом» (Kant, 1996, p. 291). Следуя методу естественного права, он исходил из того, что конституция государства должна быть основана на принципах права (Нарский, 1976). Отстаивая этот важнейший принцип, Кант однозначно отвергал деспотическую модель государства, полагая, что Закон позволяет правительству управлять людьми, обращаясь с ними одинаково и не лишая их свободы.

3. Новый патернализм

Новые времена и новые взгляды. Как отмечал Макс Вебер, любые другие интересы всякой общности «неизбежно уступают место интересу к поддержанию или пропаганде общности как таковой» (Вебер, 2017, с. 27). Думается, что данный вывод может быть распространен на социум в целом и на такую политическую общность, как государство.

Согласно концепции экономической социодинамики и теории опекаемых благ интерес общества как такового – это особый интерес, который не может быть сведен к интересам его членов (Рубинштейн, 2009; Гринберг, Рубинштейн, 2013). Носителем такого интереса выступает государство, модель которого на протяжении многих лет его эволюции менялась вместе с изменением механизмов формирования этого интереса (Рубинштейн, Городецкий, 2018). С учетом сказанного можно сформулировать определение *государственного патернализма* как стремление государства обеспечить реализацию собственных интересов посредством использования имеющихся у него ресурсов, установления соответствующих норм и правил, монопольной власти на принуждение, так или иначе ограничивающей свободу индивидуумов.

Альтернативный взгляд. После А. Смита экономическая теория многократно предпринимала попытки доказать альтернативный тезис о том, что государство не имеет собственного интереса и, лишь «исполняя волю индивидуумов», стремится устранить препятствия для функционирования механизма «невидимой руки». Такой взгляд на феномен рынка, хотя и претерпевший различные модификации, присущие камералистике – «Kameralwissenschaft», немецкой «Finanzwissenschaft», итальянской «Scienza delle Finanze» и «Теории общего равновесия», практически не изменился во второй половине XX и начале XXI столетия.

Даже после Р. Масгрейва, который ввел в экономическую теорию категорию «мериторного патернализма» (Musgrave, 1959), и работ (Thaler, Sunstein, 2003; Camerer et al., 2003), в которых авторы предложили концепцию «нового патернализма», ситуация также мало изменилась. И по-прежнему оправдание мотивации вмешательства государства с целью подталкивания индивидуумов к нормативно верным решениям с позиций классического индивидуализма является неразрешимой проблемой. Нерациональность индивиду-

² Рональд Дворкин определил государственный патернализм как «вмешательство в свободу действий человека, оправданное причинами, относящимися исключительно к благополучию, счастью, потребностям, интересам или ценностям принуждаемого лица» (Dworkin, 1972, p. 65).

³ «Хороший князь должен был обеспечить общественные сады, оперные театры, художественные галереи и многие достопримечательности, которые способствуют украшению города» (Justi, 1769, 57).

мов — это лишь оценка государства (патера), соответствующая его нормативному стандарту, который формируется в рамках политической ветви генерирования общественного интереса. Признание «неправильного» поведения «близоруких» индивидуумов тождественно легитимации патернализма. В этом смысле и мериторный, и либертарианский патернализм мало отличаются от *теории опекаемых благ*, определяющей патернализм как неотъемлемый элемент существования государства.

Особенности государственного патернализма. Как отмечала Сеана Шифрин, «одной из причин патернализма государства является недоверие к способности агента судить или действовать: патернализм — это подмена суждения и обход воли агента» (Shiffrin, 2000, р. 213, 220). К этому добавим, что авторы настоящего исследования не являются адептами модели патерналистского государства и в теоретическом плане им ближе *концепция порядка*, предложенная Фридрихом фон Хайеком, в соответствии с которой у государства вообще не должно быть автономного интереса (Науек, 1973; Хайек, 2005). Опираясь на идеи Хайека, американский экономист Ричард Вагнер определяет государство «как порядок, согласовывающий действия множества участников, преследующих различные цели» (Вагнер, 2016, с. 90). Однако и в данном утверждении, и в концепции великого австрийца допускается *априорная возможность* согласования поведения отдельных индивидуумов, преследующих различные цели.

Это предположение по сути своей эквивалентно гипотезе о наличии *совершенной институциональной среды*, в которой функционируют рыночные агенты. Речь идет о таких институтах, нормах и правилах экономической деятельности, которые сводят своекорыстные интересы индивидуумов в их общий интерес. Если указанное условие выполняется, то Хайек оказывается прав и возникает порядок, формирующий общий интерес, который, собственно, и становится интересом государства. Однако обоснованность этой гипотезы выглядит весьма сомнительной. Кроме того, принимая тезис Хайека о спонтанном развитии общества, нельзя не замечать реальных фактов деятельности государства, которую далеко не всегда можно объяснить частными интересами рыночных *агентов* (Экономическая теория государства ..., 2020).

Патерналистское государство и общественный выбор. К сожалению, нет оснований думать, что всегда существует такой порядок, в соответствии с которым интересы своекорыстно действующих индивидуумов трансформируются в интерес общества как такового. Строго говоря, несводимый к индивидуальным предпочтениям общественный

интерес формируется вне рынка в рамках политической системы (Рубинштейн, 2019). При этом политический процесс «обладает собственной логикой, не совпадающей с логикой оптимизирующих экономических механизмов» (Радыгин, Энтов, 2012, с. 26). Причем «истинный интерес» общества, как отмечал Ж.-Ж. Лаффон, отличается от решений, реализуемых политической системой (Лаффон, 2007, с. 23).

Собственно, здесь мы и сталкиваемся с феноменом патернализма государства. Патернализм в любой его форме представляет собой навязывание установок «патера», в том числе «коллективного патера», отдельным индивидуумам и их группам — будь то домашнее хозяйство, фирма, социальная общность или общество в целом, чье поведение и/или институциональная среда, в которой они действуют, оценивается «патером» как неэффективные. При этом современный государственный патернализм отличается, как правило, от патриархальной модели, во-первых, *коллективным* характером генерирования интересов государства и, во-вторых, возможностями *демократизации* самого процесса их формирования

Эволюция государства. Теоретико-исторический анализ дает основания для рассмотрения процесса трансформации государственности и превращения государства в патерналистское с присущими ему рисками искажения общественного выбора (Экономическая теория государства ..., 2020). В разных условиях государство способно творить как добро, так и зло. Подчеркнем при этом, что сдвиг в сторону зла обусловлен, как правило, сокращением поля общественного выбора, причина которого кроется в самом обществе. Дело в том, что эффективные защитные механизмы может создавать только гражданское общество с его демократическими институтами, включая институты самоорганизации, самоуправления и гражданскую культуру. С учетом сказанного представляется допустимым выделить шесть этапов эволюции государства:

1) патриархальное государство — перенос домохозяйственной формы патернализма на государство, патриархальный патернализм;

2) монархическое государство — отсутствие механизмов общественного выбора, патриархальный патернализм;

3) рождение патерналистской государственности: конституционная монархия и парламентская демократия, формирование механизмов общественного выбора;

4) развитие патерналистского государства с широкими возможностями общественного выбора: представительная, партиципаторная и кон-



Рис. 1

Эволюция государств (общая схема)

сенсусная модели демократии (Лейпхарт, 1997, с. 143; Rowe, Frewer, 2005; Макферсон, 2011);

5) закат патерналистского государства – критическое сужение поля общественного выбора;

6) деградация патерналистской государственности – узурпация власти, монополизация общественного выбора, диктатура, политическая тирания.

4. Провал общества

Активность государства, направленная на реализацию собственных интересов, порождает часто нерыночные провалы, или провалы государства (Wolf, 1979; Krueger, 1990). В более общем случае можно постулировать провал патернализма – комбинации изъянов общественного выбора и нерациональных действий бюрократии (Рубинштейн, 2017, с. 81–83). Поэтому следует выделить еще один вид провалов. Мы имеем в виду *провал общества* – такое его состояние, которое допускает выбор целей патерналистского государства, не соответствующих интересам общества, и ошибочных стратегий их реализации.

Риски и угрозы провала общества. В качестве одной из реальных причин провалов общества Габриель Алмонд и Сидней Верба называют неразвитость гражданской культуры и патриархальность политического сознания (Алмонд, Верба, 2020). Инфантилизм институтов гражданского общества

при неразвитой гражданской культуре и ограниченных возможностях граждан отстаивать свободы и артикулировать свои права приводит к деформации социальной структуры общества, разрушению социальных лифтов и деградации элит (Мертон, 2006). Обычно эти процессы сопровождаются постепенной утратой независимости средств массовой информации и имитацией парламентаризма. Историк Михаил Геллер, описывая патерналистское приспособление демократических институтов в виде искажения итогов голосований, нарушения принципов выборности и ротации на всех уровнях власти, назвал данное явление «псевдоморфозой» демократии (Геллер, 1997).

О регрессе патерналистского государства. Более всего приспособление государства проявляется в дрейфе патерналистского государства в сторону эскалации его вмешательства во все сферы человеческой деятельности с опорой на самовозрастающую бюрократию и силовые структуры, милитаризации экономики и имперских амбициях. В этом случае происходит довольно быстрое сползание к «пограничной фазе» патерналистского государства – его закату (рис. 1).

Речь идет о формировании автократического государства с фразеологией патриотизма и идеями «особого пути», их обосновании через «улучшение прошлого»; с сужением общественного выбора, долговременным экономическим

застоем и, как следствие,— снижением уровня благосостояния.

Заключительный комментарий. В России уровень доверия граждан к главе государства всегда был выше, чем к политическим институтам. В этом находит отражение патернализм политического сознания россиян (Никовская, 2014). Такое сознание появилось не на пустом месте, оно накапливалось под влиянием многих факторов, в том числе связанных с «мифологизацией утраченного» и «забвением негатива прошлого». Не успев создать зрелого гражданского общества, большую часть тридцати лет после социализма страна прожила в условиях сползания к четвертой фазе эволюции патерналистского государства, к его закату и неопределенности будущего.

Извечный вопрос: «Что делать?» Провалы рынка может исправить государство, провалы государства может устранить общество, как преодолеть провал общества? — *Парадокс брадобрея!*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Алмонд Г., Верба С.** (2014). Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль. 500 с. [Almond G., Verba S. (2014). *Civic culture. Political attitudes and democracy in five countries.* Moscow: Mysl'. 500 p. (in Russian).]
- Ананьин Л.И.** (2020). Введение. В кн.: Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма. Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. СПб.: Алетейя. С. 100–109. [Ananyin L.I. (2020). Introduction. In: *The economic theory of the state: A new paradigm of paternalism.* A.Ya. Rubinshtein, A.E. Gorodetskii, R.S. Grinberg (eds.). St. Petersburg: Aletheia, 100–109 (in Russian).]
- Аристотель** (1983). Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. М.: Мысль. 830 с. [Aristotle (1983). *Collected works in 4 volumes.* Vol. 4. Moscow: Mysl'. 830 p. (in Russian).]
- Вагнер Р.** (2016). Фискальная социология и теория государственных финансов. Исследовательское эссе // *Экономическая социология.* Т. 17. № 2. Март. С. 88–110 [Wagner R. (2016). Fiscal sociology and public finance theory. A research essay. *Economic Sociology*, 17, 2, 88–110 (in Russian).]
- Вебер М.** (2017). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. II. М.: Изд. дом «Высшей школы экономики». 429 с. [Weber M. (2017). *Economy and society: Essays on understanding sociology.* Vol. II. Moscow: "Higher School of Economics" Publishing House. 429 p. in Russian.]
- Геллер М.** (1997). История Российской империи. В 3 томах. М.: Издательство «МИК». [Geller M. (1997). *History of the Russian Empire.* In 3 volumes. Moscow: Publishing house "MIK" (in Russian).]
- Гловели Г.Д.** (2020). Экономическая политика на пути к государству благосостояния. В кн.: Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма. Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. СПб.: Алетейя. С. 71–97. [Gloveli G.D. (2020). Economic policy on the way to the welfare state. In: *The economic theory of the state: A new paradigm of paternalism.* A.Ya. Rubinshtein, A.E. Gorodetskii, R.S. Grinberg (eds.). St. Petersburg: Aletheia, 71–97 (in Russian).]
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.** (2013). Индивидуум & государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир. 479 с. [Greenberg R.S., Rubinstein A. Ya. (2013). *The individual & the state: An economic dilemma.* Moscow: Ves' mir. 479 p. (in Russian).]
- Лаффон Ж.-Ж.** (2007). Стимулы и политэкономия. М.: ГУ ВШЭ. 311 с. [Laffont J.-J. (2007). *Stimuli and political economy.* Moscow: Publishing House of State University «Higher School of Economics». 311 p. (in Russian).]
- Лейпхарт А.** (1997). Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. Пер. с англ. Б.И. Макаренко. М.: Аспект-пресс. 287 с. [Leiphart A. (1997). *Democracy in multi-ethnic societies: A comparative study.* Translated from the English by B.I. Makarenko. Moscow: Aspekt-press, 287 p. (in Russian).]

- Макферсон К.Б.** (2011). Жизнь и времена либеральной демократии. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Высшей школы экономики». 176 с. [**McPherson C.B.** (1977). *Life and times of liberal democracy*. Translated from the English: Oxford Univ. Press. Moscow: “Higher School of Economics” Publishing House. 176 p. (in Russian).]
- Мертон Р.** (2006). Социальная теория и социальная структура. Пер. с англ. М.: АСТ, Хранитель. 880 с. [**Merton R.** (2006). *Social theory and social structure*. Moscow: AST, Khranitel'. 880 p. (in Russian).]
- Нарский И.С.** (1976). Эммануил Кант. М.: Мысль. 207 с. [**Narski I.C.** (1976). *Immanuel Kant*. Moscow: Mysl'. 207 p. (in Russian).]
- Никовская Л.И.** (2014). Гражданский синдром // *Независимая газета*. 02.12.2014 [**Nikovskaya L.I.** (2014). Civic syndrome. *Nezavisimaya Gazeta*, 02.12.2014 (in Russian).]
- Платон** (2017). Государство. М.: АСТ. 448с. [**Plato** (2017). *The state*. Moscow: AST. 448 p. (in Russian).]
- Радыгин А., Энтов Р.** (2012). «Провалы государства»: теория и политика // *Вопросы экономики*. № 12. С. 4–30. [**Radygin A., Entov R.** (2012). “Failures of the state”: Theory and politics. *Voprosy Ekonomiki*, 12, 4–30 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я.** (2009). Мериторика и экономическая социодинамика: дискуссия с Р. Масгрейвом // *Вопросы экономики*. № 11. С. 98–109. (**Rubinstein A.Ya.** (2009). Meritorica and economic sociodynamics: A discussion with R. Musgrave. *Voprosy Ekonomiki*, 11, 98–109 (in Russian).)
- Рубинштейн А.Я.** (2017). Элементы общей теории изъятий смешанной экономики // *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 1. С. 71–102 [**Rubinstein A.Y.** (2017). Elements of the general theory of mixed economy failures. *Public Administration Issues*, 1, 71–102 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я.** (2019). Почему одни теории не получают признания, а другие имеют успех: «Мериторный патернализм» Р. Масгрейва и «Либертарианский патернализм» Р. Талера // *Экономический журнал ВШЭ*. Т. 23. № 3. С. 238–263. [**Rubinstein A.Ya.** (2019). Why some theories fail to gain recognition and others succeed: “Meritorious paternalism” by R. Musgrave and “Libertarian paternalism” by R. Thaler. *HSE Economic Journal*, 23, 3, 238–263 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е.** (2018). Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // *Журнал институциональных исследований*. № 10 (4). С. 2–20. [**Rubinstein A.Ya., Gorodetsky A.E.** (2018). State paternalism and paternalistic failure in the theory of the guarded goods. *Journal of Institutional Research*, 10 (4), 2–20 (in Russian).]
- Хайек Ф.** (2005). Дорога к рабству. М.: Новое издательство. 264 с. [**Hayek F.** (2005). *The road to slavery*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. 264 p. (in Russian).]
- Экономическая теория государства (2020). Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма. Под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. СПб.: Алетейя. 434 с. [*Economic theory of the state: A new paradigm of paternalism* (2020). A.Ya. Rubinshtein, A.E. Gorodetskiy, R.S. Grinberg (eds.). St. Petersburg: Aletheia. 434 p. (in Russian).]
- Booth W.J.** (1993). Households. On the moral architecture of the economy. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Camerer C., Issacharoff S., Loewenstein G., O'Donoghue T., Rabin M.** (2003). Regulation for conservatives: Behavioral economics and the case for asymmetric paternalism. *University of Pennsylvania Law Review*, 151, 1211–1254.
- Desmarais-Tremblay M.** (2021). Richard Musgrave and the Idea of Community. In: *Welfare Theory, Public Action and Ethical Values: Revisiting the History of Welfare Economics*. R.E. Backhouse,

- A. Bouvard, T. Nishizawa (eds.), 232–55. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dworkin G.** (1972). Paternalism. *The Monist*, 56, 1, 64–84.
- Hayek F.A.** (1973). Rules and order. Chicago: University of Chicago Press.
- Justi J.H.** (1769). *Elements generous de police*. Paris: Rozet. Translated from the French by Marc Antoine Eidos of the 1759 second edition of Grounds-tze der Policy-Wissenschaft.
- Kant I.** (1996). On the common saying: That may be correct in theory, but it is of no use in practice. In: *Practical philosophy*. M.J. Gregor (ed.), 279–309. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krueger A.** (1990). Government failures in development. *Journal of Economic Perspectives*, 4, 9–23.
- Locke J.** (2003). *Two treatises of government and a letter concerning toleration*. New Haven: Yale University Press.
- Musgrave R.A.** (1959). *The theory of public finance: A study in public economy*. New York: McGraw Hill.
- Rowe G., Frewer L.J.** (2005). A typology of public engagement mechanisms, science. *Technology, & Human Values*, 30, 2 (Spring), 251–290.
- Shiffrin S.** (2000). Paternalism, Unconscionability Doctrine, and Accommodation. *Philosophy & Public Affairs*, 29, 205–250.
- Thaler R., Sunstein C.** (2003). Libertarian paternalism. *American Economic Review*, 93, 175–179.
- Tribe K.** (1995). *Strategies of economic order: German economic discourse, 1750–1950*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wolf Jr. Ch.** (1979). A theory of nonmarket of failure: Framework for implementation analysis. *The Journal of Law & Economics*, 22, 1. Apr., 107–139.

Поступила в редакцию 22.08.2022

Received 22.08.2022

A.Ya. Rubinstein

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; State Institute of Art Sciences; Moscow Art Theatre School, Moscow, Russia

R.S. Greenberg

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; Moscow Art Theatre School, Moscow, Russia

A.E. Gorodetsky

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

A paternalistic state and civil society

Abstract. The society consists of many different groups of people interacting with each other, civil society and the state, the paternalistic form of which is not a phenomenon of recent centuries. Although the term emerged much later, the phenomenon itself emerged in early history, essentially simultaneously with the formation of families with their patriarchal paternalism. The transfer of the household form of paternalism to the state laid the foundation for the future paternalistic state. At the same time, modern state paternalism differs, as a rule, from the patriarchal model, firstly, by the collective nature of the generation of state interests – the public choice and, secondly, by the democratisation of the very process of formation of these interests. The theoretical and historical analysis provides basis for examining the process of evolution of the paternalistic state with its inherent risks of distorting public choice. The article identifies six stages in the evolution of the state and formulates the fundamental reasons for the failure of society, the state which allows the choice of goals of the paternalistic state that do not correspond to the interests of society, and erroneous strategies for their realisation. The analysis suggests that, having failed to create a mature civil society, for most of the thirty years after socialism the country has lived in conditions of sliding down to the fourth phase of paternalistic state evolution, to its decline and uncertainty of the future.

Keywords: state, state evolution, paternalism, paternalistic state, society, civil society, failure of society.

JEL Classification: B10, B11, B15, B52.

For reference: **Rubinstein A.Ya., Greenberg R.S., Gorodetsky A.E.** (2022). The paternalistic state and civil society. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 142–148. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-9

А.А. Гусейнов

Институт философии РАН, Москва

О государстве и обществе

Аннотация. В основе статьи лежит выступление на круглом столе в Институте экономики РАН по докладу А.Я. Рубинштейна, Р.С. Гринберга, А.Е. Городецкого «Провалы общества в патерналистском государстве». В ней показано, что представленная в докладе точка зрения существенно отличается от традиционного и закрепившегося в общественном сознании понимания патернализма как разновидности опеки и государства как легитимной формы насилия. Авторы связывают патернализм с общественным выбором, а государство рассматривают как социально объединяющую силу. Они развивают экономическую теорию государства, ценность которой состоит в том, что она позволяет преодолеть крайности либерального и классового подходов к вопросу о роли и месте государства в историческом развитии.

Ключевые слова: *государство, патернализм, общество, провал общества.*

Классификация JEL: B10, B11, B15, B52.

Для цитирования: **Гусейнов А.А.** (2022). О государстве и обществе // *Журнал Новой экономической ассоциации.* № 5 (57). С. 149–152. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-10

Я ни в какой мере не считаю себя экспертом в обсуждаемом вопросе. Могу решиться только на мнение, исходя из своих общих, как говорится, дилетантских, суждений. Сразу хочу отметить неожиданную оригинальность представленной концепции, которая, в частности, расширяет мои представления о государстве и его связи с обществом. Буду опираться на письменные тезисы доклада А.Я. Рубинштейна, Р.С. Гринберга, А.Е. Городецкого «Провалы общества в патерналистском государстве».

Прежде всего — о самом понятии патерналистского государства. Его восприятию в том строгом значении, которое ему придают авторы предложенной концепции, мешает устойчивая традиция восприятия обоих составляющих его терминов.

Патернализм в нашей повседневной общекультурной речи понимается как отношение заботы (опеки, защиты) более сильного по отношению к более слабым, которое складывается по образцу отношений отца к детям. При этом предполагается, что более сильный (отец) ограничивает свободу действия более слабых (детей), принимает решения без их согласия, делая это по собственному разумению и ради заботы о них и в этом смысле действует более мудро. Власть в обществе считается патерналистской, когда она в отношениях с подчиненными (подвластными) действует по такой модели.

Что касается государства, то в общепринятом употреблении оно отождествляется с начальством, прежде всего с верховной властвующей силой, издающей обязательные для всех распоряжения и обладающей законными средствами насилия, которые гарантируют их выполнение. При этом, как предполагается, государство и, более обобщенно, власть всегда включает в себе элемент

патернализма: ведь власть, по сути, и есть принятие решения за других.

Такое понимание патернализма и государства является, на мой взгляд, прочно устоявшейся точкой зрения здравого смысла, закрепившейся историческим и жизненным опытом общественного развития. Соответственно, государственный патернализм в современном общественном сознании воспринимается как наиболее типичная форма государственного устройства сословного общества с иерархией сословий, их неравенством, в особенности — наличием почти бесправного многочисленного низшего сословия. Отсюда — и восприятие патерналистского государства как традиционного (несовременного), в котором существуют подданные, но нет граждан. Классическим образом патерналистского государства считаются феодальные монархии. Можно сколько угодно спорить с этими устоявшимися представлениями, научно доказывать их ошибочность, иллюзорность, односторонность и т.п., но это не отменяет их реальности и действительности в качестве призмы, сквозь которую преломляются и воспринимаются рассуждения о патерналистском государстве в повседневном общественном сознании.

Согласно первому тезису авторов доклада «патерналистским мы называем государство, которое, опираясь на общественный выбор, стремится реализовать свои интересы посредством использования имеющихся у него ресурсов и власти принуждения» (Рубинштейн, Гринберг, Городецкий, 2022). Здесь дается принципиально другое, исторически более конкретное понимание и патернализма, и государства. Патернализм они связывают не с возвышением более сильного над более слабым, и тем более не связывают с более мудрым

правлением (они даже специально подчеркивают, что патерналистское государство может приобретать ценностно амбивалентные коннотации, быть как хорошим, так и плохим). Они в этом смысле исходят не из расхожей модели отца и сына (как люди постмодернистской эпохи они, видимо, хорошо знают, что сама эта модель не является такой уж безусловно благостной). Для них более существенно, что патернализм опирается на «общественный выбор», т.е. строится на характере реальных отношений в обществе и, среди прочего, также на интересах слабых: ведь не только сильные хотят властвовать, но и слабые хотят, чтобы над ними властвовали (быть опекаемыми и защищаемыми), не только отец хочет заботиться о детях, но и дети хотят, чтобы отец о них заботился.

Что касается государства, то и оно не сводится к властным ресурсам принуждения, за последними также стоят общие интересы, которые опираются на общественный выбор, а следовательно, и воплощают его. Отсюда следует, что государство нельзя сводить исключительно к интересам какой-то особой части общества, отождествлять с верховной властью и принудительным аппаратом, в которых оно находит зримое воплощение, — оно является формой существования всего общества, конкретного объединения больших масс людей. Государство тождественно обществу с точки зрения легитимности и устойчивости последнего. В этом выражается патерналистская сущность государства, в этом случае под патернализмом понимается ответственность государства за реализацию лежащего в его основе общественного выбора.

Патерналистское государство в докладе не связывается с его общепринятыми традиционными формами и с его сословной формой в качестве базовой модели. Его понимание исходит из того, что патернализм в той или иной степени свойствен всякому государству и определяется не формой правления (будь то монархическая, аристократическая, авторитарная, демократическая и т.п.), а характером связанности с обществом, степенью интегрированности в его спонтанную социальную жизнь. В докладе выдвигается тезис, который связывает становление патерналистского государства с парламентской демократией, развитием гражданского общества.

При таком подходе решающим для понимания феномена патерналистского государства оказывается отход от патриархального патернализма к широкому полю общественного выбора, включающему разные демократические модели. Его развитие и расцвет авторы (Рубинштейн, Гринберг, Городецкий, 2022) связывают с бурным самопроизвольным экономическим ростом, с рыночной

экономикой как базисом общественной жизни, полагая, что именно базисная основа экономики по отношению ко всем надстроечным конструкциям неизбежно превращает последние, их государственно-политический стержень, в относительно самостоятельные экономически значимые факторы. Само формирование гражданского общества, его обособление от традиционных институтов принуждения является выражением расширения функций и роли государства. Получается следующее: патерналистское государство как форма государства наиболее адекватно рыночной экономике, прежде всего тем, что оно не ограничивается созданием внешних условий хозяйственно-экономической жизни общества, но и само активно участвует в ее организации.

Представленный доклад является продолжением коллективного труда тех же авторов, посвященного экономической теории государства и характеризующего эту теорию как патерналистскую (Экономическая теория ..., 2020). Мне трудно проследить ход мыслей и всю аргументацию авторов в обоснование того, что патерналистское государство является экономической категорией и в этом смысле, если исходить из истматовской схемы развития истории как смены общественно-экономических формаций, может быть отнесено к базису общества. Но, даже оставляя в стороне вопрос об узко профессиональной (экономической) обоснованности этого вывода, сам этот вывод — новый взгляд на место и роль государства в современном обществе — мне представляется заслуживающим самого пристального внимания.

Прежде всего он полемически заострен против двух прочно устоявшихся в общественном сознании крайностей — с одной стороны, против представления о том, что государство по отношению к обществу выполняет роль ночного сторожа, и эта роль заключается в том, чтобы не мешать ему самоорганизоваться. С другой стороны, против узкомарксистского взгляда на государство — как исторически преходящей формы диктатуры одного (господствующего) класса над другими (угнетенными) классами общества.

Эти полярные представления о государстве, которые, конечно же, отражают определенные его аспекты и даже, возможно, его действительное место в определенные эпохи, тем не менее, не выражают его современной сущности. Самое главное, они игнорируют роль государства как формы организации современного общества и как хозяйственно-экономического организма, и как социального (межчеловеческого) объединения. Сегодня уже невозможно понять роли государства без учета того, что оно выступает в качестве сознательного

(я бы даже охарактеризовал его как «научного») управленческого начала, которое не сводится к верховной власти и узким бюрократическим структурам. Современное государство не может не выполнять функций научного управления обществом и потому не может оставаться в роли ночного сторожа, и оно не может не втягивать в свою орбиту все активное думающее население страны и потому не может быть сведено исключительно к аппарату насилия господствующего класса.

Давайте рассмотрим, чем является (как воспринимается) сегодня государство в глазах обывателя, обычного гражданина, занятого каким-то своим общественно санкционированным (легальным и человечески признанным) частным делом или бездельем. Ведь именно государству, представляющим его публичным лицам и институтам, люди предъявляют требования за состояние экономики и, в целом, свое общее благосостояние. Это один из основных критериев, которым они руководствуются в своих публичных оценках власти, при голосовании за партии и конкретных лиц. Люди, оставаясь вполне частными индивидами, озабоченными своими интересами, и вполне трезво рассматривая условия поддержания своего благосостояния на современном уровне, ясно осознают, что это зависит от всей инфраструктуры общества, и даже более широко — от того, как складывается положение страны в мире.

Из СМИ мы узнаем, что финансы, цены на топливо, энергоснабжение, климат, торговля и т.п. входят в постоянный круг вопросов, которые обсуждают главы государств. Вопросы повседневного благосостояния людей составляют постоянный фокус политических акций. Словом, общественное сознание и на уровне обывателя, и на уровне средств массовой информации, и на уровне политических действий видит в государстве, как бы его ни понимать, инстанцию, концентрирующую в себе такие общие дела в обществе, которые прямо касаются жизни людей, и несущую ответственность за них.

Это значит, что государство — это не только те, кто командуют, издают законы, наводят порядок, защищают (губернаторы, министры, депутаты, полицейские, военные), но еще и знающие люди (эксперты, ученые, инженеры, мудрые и знающие люди). К примеру, наши академические институты являются государственными: они находятся в подчинении у Министерства науки и образования, работники которого могут следить за нашей дисциплиной в соответствии с трудовым кодексом, за количеством произведенной нами продукции по точной проверяемой формуле, осуществлять бюджетные обязанности учредителя и другие бюрократические процедуры, совпадающие с такими

же типовыми процедурами во всех других областях государственно регулируемой деятельности. Но они ничего не понимают, и даже не делают вида, что понимают, в нашем деле, т.е. в самой научной деятельности в области философии (можно добавить: *даже* в области философии, имея в виду, что в других конкретных областях знания они понимают еще меньше) и не могут отличить хорошую философскую статью (книги они вообще стараются исключить из счета) от плохой. Эта работа качественной (экспертной) оценки по факту возложена на самих философов (наш Институт), и в другой форме она осуществлена быть не может. Отсюда следует, что мы в данном случае в качестве научно-исследовательского академического института, в поименном составе его ученого совета и сотрудников, сами выступаем представителями государства, выражаем его точку зрения и его интерес в том, что касается состояния отечественной философии.

Исторический переход от средневекового сословного государства к национальным государствам Нового времени — переход, в ходе которого изменилась (принципиально обновилась) форма государства, и который, как правило, осуществлялся в ходе насильственных народных революций — этот переход, это обновление формы государства означал коренное изменение характера его отношений с обществом. А именно государство из внешней и высшей (богоданной) силы, опекающей, объединяющей и охраняющей общество, трансформировалось в самосознание общества, в выражение его внутренней гомогенности, в его мозг, выражение единства народа. Если пользоваться привычными, устоявшимися в традиции европейского просвещения терминами, государство из патерналистского преобразовалось в демократическое.

Высшая власть государства теперь обрела легитимность не в принадлежности к династии, не в богопомазании и т.п., а в воле народа. Одна из важнейших задач национальных государств состоит именно в том, чтобы быть активной организующей силой в объединении, конкретном сплочении общества, способствовать такому развитию, в ходе которого рыночная экономика становится единым хозяйственным комплексом в масштабе нации, а политика вовлекает в свою орбиту всех граждан и становится демократической, образование становится всеобщим, а культура — массовой. Государство эволюционирует в таком направлении, когда оно соединяется с понятиями страны, народа, нации. Оно, конечно, не совпадает с ними, но очень близко подходит к ним, опирается на них, поднимает эту близость на щит в качестве своего знамени. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется,

что, когда авторы заявляют о патерналистском государстве и об общественном выборе как его основе, то речь идет именно об организующей и управляющей роли государства по отношению к обществу.

Наконец, о последнем вопросе, который, собственно, является центральным в докладе: о провале общества в патерналистском государстве. Существует расхожая политическая истина, которую в свое время высказал граф Жозеф де Местр, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает (Местр, 1995, с. 173). Об этом ли идет речь у авторов или здесь имеется в виду особый случай, когда народ (общество) не просто допускает наличие плохого государства, а порождает его и нуждается в нем. Похоже, они имеют в виду именно этот особый тупиковый случай, к чему склоняет аналогия с парадоксом брадобрея. К тем показательным примерам, свидетельствующим о провале общества и показывающим, что провал общества состоит в его развале, которые прозвучали в ходе обсуждения на круглом столе, могу добавить еще один. Недавно в одной обобщенной сводке важнейших новостей встретил стоящими рядом две следующие новости: в одной говорилось о принятом нашей официальной церковью документа, регламентирующего практику изгнания бесов. В другой сообщалось об открытии ученых, впервые выявивших отчетливые следы углекислого газа в атмосфере планеты, расположенной за пределами Солнечной системы в 700 световых годах от Земли.

A.A. Guseynov

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia

On state and society

Abstract. The article is based on my speech to the round table in the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences on the report of A.Ya. Rubinstein, R.S. Grinberg, A.E. Gorodetsky “Failures of society in a paternalistic state”. It shows that the presented in this report point of view significantly differs from the traditional and established in the public consciousness understanding of paternalism as a kind of tutelage and of the state as a legitimate form of violence. The authors associate paternalism with public choice, and consider the state as a socially unifying force. They develop the economic theory of the state, the value of which is overcoming the extremes of liberal and class approaches to the question of the role and place of the state in the historical development.

Keywords: state, paternalism, society, the failure of society.

JEL Classification: B10, B11, B15, B52.

For reference: **Guseynov A.A.** (2022). On state and society. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 149–152. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-10

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Местр Ж. де (1995). Петербургские письма: 1803–1817. СПб.: ИНАПРЕСС. [**Maistre J. de** (1995). *St. Petersburg dialogues*. Saint Petersburg: INAPRESS (in Russian).]

Рубинштейн А.Я., Гринберг Р.С., Городецкий А.Е. (2022). Патерналистское государство и гражданское общество // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 142–148. [**Rubinstein A.Ya., Greenberg R.S., Gorodetsky A.E.** (2022). A paternalistic state and civil society. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 142–148. (in Russian).]

Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма (2020). А.Я. Рубинштейн, Р.С. Гринберг, А.Е. Городецкий (общ. ред.) СПб: Алетейя. [*The economic theory of state: A new paradigm of paternalism* (2020). A.Ya. Rubinstein, R.S. Greenberg, A.E. Gorodetsky (gen. eds.). Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).]

Поступила в редакцию 22.08.2022

Received 22.08.2022

Л.Д. Гудков
Левада-Центр, Москва

Инерция государственного патернализма и его последствия

Аннотация. Массовое стремление изменить государственно-политическую систему позднего социализма в конце 1980 – в первой половине 1990-х годов привело к появлению множества новых общественных организаций и реальной конкуренции между политическими партиями, к свободе СМИ, религиозных объединений, – всего того, что образует «общество» как систему социальных отношений, основанных на взаимных интересах и солидарности. Эти процессы породили надежды на выход страны из длительного состояния застоя и демократизацию, превращение ее в «нормальную страну», – такую же, как и другие развитые страны Запада. Но негативные последствия затянутых и половинчатых институциональных реформ обернулись к концу 1990-х годов массовым разочарованием в идеологии реформ, недоверием к демократическим партиям, потребностью в стабильности, тягой к консерватизму и упованиями на сильного лидера, который мог бы вернуть людям «порядок», чувство безопасности, предсказуемость повседневного существования, гарантированный достаток и уверенность в завтрашнем дне. Иллюзии транзита сменились консервативными взглядами и восстановлением государственного патернализма как идеологических остатков брежневского социализма. Надежды на заботу государства о простых людях, как показывают данные социологических исследований, сегодня сочетаются с выраженным недоверием к социальным институтам государства, политической пассивностью и отказом от участия в общественной деятельности. Доверие ограничено сферой частного существования. В этом плане об «обществе» в социологическом смысле можно говорить лишь с большой долей условности.

Ключевые слова: *государственный патернализм, общество, идеология социализма, массовые социальные установки, институциональное и межличностное доверие, ответственность, стратегия понижающей адаптации.*

Классификация JEL: Z1, Z10, Z13, Z18.

Для цитирования: **Гудков Л.Д.** (2022). Инерция государственного патернализма и его последствия // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 153–161. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-11

Проблема, вынесенная в название нашей дискуссии¹ «Провал общества», звучит несколько двусмысленно и с едва ощутимым обвинительным уклоном. Формулировка как бы предполагает, что исходно, на предыдущей фазе истории, уже существовало развитое и активное общество, которое в ходе социальных и институциональных трансформаций 2000-х годов оказалось несостоятельным или слишком слабым, чтобы, отстаивая свои интересы, серьезно влиять на политику российской власти. Основания для такой точки зрения имелись: массовое стремление в годы перестройки изменить государственно-политическую систему позднего социализма; появление множества общественных организаций («неформалов»); всплеск политических инициатив, сопротивление номенклатурному реваншу – путчу ГКЧП в августе 1991 г., появление в первой половине 1990-х годов реальной конкуренции политических партий, множества организаций гражданского общества, свобода СМИ, религиозных объединений и многое другое породили надежды на выход страны из длительного состояния застоя. Все это воспринималось как пробуждение великого народа, как демократический транзит России (Есть мнение ..., 1990). Но негативные последствия затя-

нутых и половинчатых институциональных реформ обернулись уже к середине 1990-х годов массовым разочарованием в идеологии реформ, недоверием к демократическим партиям, потребностью в стабильности, тягой к консерватизму и упованием на сильного лидера, который мог бы вернуть людям «порядок», чувство безопасности, предсказуемость повседневного существования, гарантированный достаток и уверенность в завтрашнем дне (Гудков, 2001, 2002).

Исследования Левада-Центра динамики массовых настроений, структуры ценностей и т.п., ведущиеся уже более 30 лет (1988–2022 гг.), дают основание говорить о внутреннем консерватизме большей части российского населения. Объяснение его следует искать не в архетипах русской культуры и не в генетической или цивилизационной предрасположенности русских к авторитаризму, как утверждают многие идеологии (защитники «особого пути России» или разуверившиеся либералы), а в прагматизме массового поведения: в механизмах вынужденной или принудительной адаптации к репрессивному государству. Опыт конформизма, накопленный за годы Советской власти, является важнейшей частью политической культуры российского насе-

¹ «Провал общества в патерналистском государстве». Круглый стол Института экономики РАН, 16 марта 2022 г.

ления. Социология заставляет иначе взглянуть и оценивать исходную постановку вопроса. Начну с главного: в России не было самодостаточного и развитого общества, если под обществом понимать не массу подданных самодержавного государства, суверенного по отношению к людям, а собственно социологическое значение термина.

И в академической среде, и в публицистике постоянно путают (или не разделяют) понятия «общество» и «население страны», людской состав государства. С точки зрения социологии *общество* – устойчивая система социальных отношений, основанная на взаимных интересах или солидарности, без оси господство – подчинение. Или иначе: общество – совокупность форм самоорганизации социальных групп, автономных по отношению к власти. Такое понимание (исходящее из факта интенсивной дифференциации различных институтов и социокультурных сфер) возникло только в европейской науке и культуре в конце XIX – начале XX в. в ходе процессов модернизации. Сам концепт «общества» (*Gesellschaft, society*) был выработан именно при описании и анализе новых форм организации социума, включавших различные по своей природе социальные образования – ассоциации, союзы; торговые или научные общества; религиозные, молодежные, культурные движения; спортивные, туристические, профессиональные, городские, территориальные объединения «по интересам». Отличительной чертой их происхождения и функционирования была независимость от политической системы. Совокупность этих форм и обозначалась понятием «общество» как реальности особого рода (в работах Ф. Тённиса, М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта и многих других их современников)².

Общество (в этом смысле) сужало сферу значимости традиционных властных отношений, меняло легитимность авторитарных институтов, превращая их прежнюю суверенность в систему нормативного контроля и гарантий «порядка в обществе», т.е. баланса отношений между различными группами и институтами. Невозможность подавления одних институциональных образований другими приводило к осознанию важности компромиссов, представительства, договоров, права, терпимости, а значит – важности социального воображения, доверия, понимания, эмпатии. Понятие «модернизация», охватывающее явления структурно-функциональной дифференциации, предполагало взаимосвязь интенсивных процессов усложнения социума с соотносимыми с ними новыми формами коммуникативных посредников

(СМИ, рынка, денежно-финансовых институтов, права, публичности), их формальную легализацию (кодификацию различных видов права и независимого от власти суда), выделение в самостоятельную область институтов социального воспроизводства и социализации (образования, культуры, науки), и, наконец, утверждение представительских институтов, артикулирующих интересы разнообразных социальных групп и обеспечивающих их репрезентацию в политических формах (партий, парламентской деятельности, региональных законодательных собраний, местного самоуправления и проч.).

В России общество возникает не в результате понимания важности компромиссов (идея, усвоенная в Европе в XVII в. после религиозных войн и фиксированная в Вестфальском договоре), а внутри самодержавного государства, вынужденного допускать определенные инициативы и предприятия для решения тех задач и проблем, которые само государство не в состоянии было решать (развитие технологии, промышленности, науки, в первую очередь – в целях и интересах укрепления собственной военной и административной мощи). Отсюда – хронические напряжения и конфликты между зависимым от государства обществом и властью. Важнейшими событиями отечественной истории поэтому становятся *периодические судороги реформ и революций*, связанные с усилиями возникающего общества эмансипироваться от государства, суверенного по отношению к населению. Чаще всего они возникали после очередной военной неудачи, подрывавшей легитимность авторитарного режима. В относительно спокойные периоды стратегия населения сводилась не к политической активности и самоорганизации, а к адаптации к тотальному государству ценой относительного снижения запросов и примитивизации образа жизни, представлений о человеке, его ресурсах и возможностях.

Распад советской тоталитарной системы произошел не потому, что возникли новые идеи и идеалы, образы другого социального устройства, увлекающие за собой большую часть населения, а из-за нарастающего груза управленческих дисфункций; склеротизации социальной структуры, отсутствия вертикальной мобильности; неспособности государства выполнить те социальные обещания населению, которые легитимировали сам этот режим – в первую очередь решить проблему хронического потребительского дефицита, убивающего мотивацию добросовестно трудиться, инновации, усиливающееся сознание несправедливости и бесперспективности такого социального

² Биографы Э. Дюркгейма подчеркивали этот момент: рождение социологии из духа общества. М. Вебер в капитальном труде «Хозяйство и общество» описывал процессы возникновения различных форм общества как структуры *Vergesellschaftung*, или формы специфически западных процессов институционализации рациональности.

порядка. Как показывают социологические исследования в период перестройки, установки основной массы населения (порядка 80%) сводились именно к накопившемуся за годы брежневского застоя недовольству системой, не способной отвечать тем ожиданиям массы, которые породила сама идеология социализма. В массовом сознании произошла замена причины следствием: иллюзии, что отказ от коммунизма сделает «жизнь как в Европе», «как в нормальных странах», что переход от плано-распределительной, директивной экономики к рыночной непременно и сразу же должен обернуться всеобщим процветанием, вытеснили понимание того, что частное благосостояние связано с собственной активностью людей и их ответственностью (Советский простой человек ..., 1993). Людьюми двигало не стремление к демократии самой по себе, не идеи правового государства или свобода, обеспечение прав человека, а именно недовольство состоянием хронического потребительского дефицита. Существование советского государства осознавалось как воплощенная несправедливость, которую должны были устранить демократические реформы; людей подвигала вера в то, что приход к власти «честных» политических лидеров устранит паразитическую номенклатуру и коррумпированную бюрократию. Мы не рассматриваем здесь тонкий слой либералов, обладавших более широким политическим кругозором и знаниями, руководствующихся другими представлениями и мотивами действия. Речь идет о массовых ожиданиях от предстоящих перемен, которые массы готовы были поддерживать до тех пор, пока сохранялись соответствующие иллюзии.

Вера в коммунизм умерла уже в поздние брежневские годы, но структуры массовой ментальности, прежде всего — надежды на справедливую и по-отечески заботливую власть, идентификация с государством сохранялись и после краха СССР, не требуя от рядового человека ни политического участия, ни индивидуальной ответственности за положение дел в стране. Идеологическая оболочка и оправдание социалистического государства ушли, но государственный патернализм остался, и теперь уже — как культура, воспроизводящая массовые ожидания и представления о справедливости и «правильном» государстве. Кризисы 1990-х годов лишь усилили эти убеждения.

Представления о важности условий для личной инициативы и предприимчивости, возникшие в эпоху перестроечных деклараций и надежд и разделяемые четвертью взрослого населения, ослабели после тяжелых 1990-х годов вдвое к 2007–2008 гг. (наивысшей точке удовлетворенности жизнью и поддержки действующей власти) и почти втрое — к настоящему времени (табл. 1, 2). Напротив, запрос на заботливое и отечески строгое государство разделялся абсолютным большинством россиян. Патерналистские установки остаются фактически неизменными на протяжении последних 30 лет (в среднем за все годы их проявляют 76% опрошенных) (Общественное мнение, 2022).

Инерция социализма, или государственного патернализма, выражается в рутинных ожиданиях от государства выполнения своих социальных обещаний, требованиях гарантированной работы, обеспечения приемлемого уровня жизни, жилья, медицины, образования, социального обслуживания и т.п. При этом такое же большин-

Таблица 1

Вопрос «Какой принцип отношений между государством и его гражданами вы бы лично поддержали?»

Ответ	Год и месяц опроса										
	1990 XII	1997 V	2007 VI	2008 VII	2009 VIII	2010 VII	2011 VII	2013 VIII	2014 VIII	2015 VIII	2021 IX
Люди должны пойти на некоторые жертвы ради блага государства	7	6	4	5	7	7	5	4	11	8	6
Государство должно больше заботиться о людях	57	68	80	82	79	77	80	83	72	73	82
Люди должны проявить инициативу и сами позаботиться о себе	25	18	13	12	12	12	13	9	13	15	9
Затруднились ответить	11	8	3	1	2	4	3	5	4	4	3

Примечание. Число опрошенных — 1600, за исключением 2013 и 2014 г., когда этот вопрос задавался по половинной выборке.

Таблица 2

Вопрос «Как вы думаете, как должны складываться отношения между государством и его гражданами?»

Ответ	Год и месяц опроса									
	2001 I	2006 III	2007 X	2009 X	2011 X	2013 XII	2016 XI	2018 VII	2020 I	2021 II
Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	6	7	6	5	6	11	6	7	6
Государство должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	24	24	28	34	35	36	30	31	24
Государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	71	66	66	63	58	53	52	62	60	68
Затруднились ответить	4	4	3	3	3	7	2	2	2	2

Примечание. Число опрошенных – 1600, за исключением 2011 г., когда этот вопрос задавался по половинной выборке; доля государственно-патерналистских установок в среднем – 62%.

ство опрошенных знает, что государство не выполнит (как минимум, в полном объеме) своих обещаний и заверений. Отсюда – отсутствие расчета на институциональную поддержку государства, стойкое недоверие к власти, к государственным корпорациям, к зависимым от государства финансовым и правовым учреждениям, работодателям. Трезвое сознание, что власти рассматривают людей только как расходный материал для своих целей, как пассивную массу, которую только силой и принуждением можно заставить вести себя в соответствии

с государственными планами, не отменяет признания справедливости требований к государству и надежды на их выполнение (табл. 3).

Опросы фиксируют устойчивое расхождение в представлениях о том, как *граждане* выполняют свои обязательства перед государством, и как *государство* отвечает по своим обязательствам перед населением. Большая часть опрошенных считает, что граждане более ответственно относятся к своим обязательствам перед государством, чем государство по отношению к ним: они

Таблица 3

Вопрос «Какое из следующих высказываний о руководстве страны ближе всего к вашей точке зрения?»

Ответ	Год и месяц опроса							
	1989 VI	2007 XII	2014 V	2015 V	2016 XI	2017 XI	2018 VII	2020 I
Люди, которых мы выбираем в органы власти, быстро забывают о наших заботах, не учитывают в своей работе интересы народа	45	60	54	55	58	62	58	59
Руководство – особая группа людей, элита, которая живет только своими интересами; до нас им нет дела	29	26	25	26	27	24	28	25
Наши органы власти – народные, у них те же интересы, что и у простых людей	15	8	11	9	10	7	9	14
Затруднились ответить	11	6	11	10	6	7	6	3
Число опрошенных	850	1600	800	800	1600	1600	1600	1600

платят налоги, соблюдают законы, несут всякого рода повинности. Так думают от 39% (в 2001 г.) до 53% (в 2020 г.). В 1998 г. 70% респондентов считали, что власти не выполняют социальных обязательств (в 2020 г. доля таких мнений снизилась до 37%). Всего 4% в 1998 г. считало, что государство «в полной мере» выполняет свои обязательства перед населением. Но за прошедшие 20 с лишним лет удовлетворенность деятельностью государства заметно повысилась и составила в 2020 г. 30%. Вместе с тем, от 35 до 42% опрошенных в разные годы полагали, что и сами люди лицемерят и уклоняются от своих гражданских обязанностей, и власти только делают вид, что заботятся о людях (Общественное мнение, 2022, с. 47, табл. 4.4, 4.5). Взаимное лукавство и обман стали не просто основой социального порядка, но и оправданием общественной пассивности, коррупции и цинизма, т.е. разрушением самой материи общества.

Начиная с середины 2000-х годов, все усилия правящей элиты были направлены на сохранение своей власти и подавление любых типов политической оппозиции и выражения недовольства действующим режимом. Курс на «возрождение Великой России» означал все более радикальный разворот от политики модернизации к традиционализму, ставшему основой легитимности вертикали власти, централизованного и авторитарного режима. Страна от идеи сближения с европейскими странами перешла к антизападничеству, конфронтации, самоизоляции, милитаризации как экономики, так и массового сознания; усилению государственного контроля над всеми сферами, которые ранее не входили в компетенцию государства. Этот курс ознаменовался подавлением федерализма и местного самоуправления;

уничтожением политических оппонентов, свободы СМИ; управлением выборами; ликвидацией независимых организаций гражданского общества (экологических, исследовательских, журналистских, исторических, правозащитных, благотворительных и других). В результате пространство общественных дискуссий, артикуляции интересов различных социальных групп, возможность их представительства и защиты прав резко сократились. Как следствие – широкое распространение атмосферы «наученной беспомощности», пассивности обывателя, его стремления замкнуться в своей частной повседневной жизни. Так, 75–80% опрошенных постоянно заявляют, что политика их не интересует, что они не могут влиять на принимаемые властью решения, что у власти находятся люди, которые заняты преимущественно интересами собственного обогащения и обеспечения своих социальных позиций, что до людей им нет дела. Люди не чувствуют ответственности за состояние дел в какой-то социальной сфере, если не могут влиять на нее или участвовать в принятии решений (табл. 4–7) (Общественное мнение, 2022, с. 36–41, табл. 4.5, 6–7).

Можно назвать ряд особенностей массового сознания, которые представляют собой коллективные или одобряемые нормы поведения, блокирующие проявление частной или индивидуальной инициативы и предприимчивости, солидарности, формирование общества.

1. Ограниченность межличностного и институционального доверия, обусловленная длительностью политики и атмосферой капитлярного контроля и принуждения, страхом перед властями и доносами. 65–80% опрошенных считают, что людям нельзя доверять, с ними надо

Таблица 4

Вопрос «В какой мере вы чувствуете ответственность за то, что происходит в вашей семье?»

Ответ	Год и месяц опроса								
	2006 X	2009 VI	2014 XI	2016 VI	2017 X	2018 X	2019 IX	2020 IX	2021 X
В полной мере	68	72	57	70	63	72	71	71	72
В значительной мере	26	20	32	23	28	20	19	22	17
В незначительной мере	4	6	9	6	6	5	6	4	4
Совершенно не чувствую	1	1	2	1	1	2	3	2	5
Затруднились ответить	2	1	1	1	2	1	1	1	2
Число опрошенных	3000	1900	1600	1600	1600	1600	1600	1600	1600

Таблица 5

Вопрос «Как вы считаете, в какой мере вы можете повлиять на то, что происходит в вашей семье?»

Ответ	Год и месяц опроса								
	2006 X	2009 VI	2014 XI	2016 VI	2017 X	2018 X	2019 IX	2020 IX	2021 X
В полной мере	57	24	62	65	59	61	61	61	64
В значительной мере	33	52	26	26	30	25	24	26	21
В незначительной мере	7	17	8	7	7	8	9	8	7
Совершенно не могу	2	4	3	2	2	4	4	5	6
Затруднились ответить	2	3	2	1	2	1	1	1	2
Число опрошенных	3000	19000	1600	1600	1600	1600	1600	1600	1600

Таблица 6

Вопрос «В какой мере вы чувствуете ответственность за то, что происходит в стране?»

Ответ	Год и месяц опроса									
	2006 X	2009 VI	2014 III	2015 XI	2016 IV	2017 X	2018 X	2019 IX	2020 IX	2021 X
В полной мере	2	2	2	3	3	4	13	13	4	14
В значительной мере	7	5	13	10	8	5	15	16	5	15
В незначительной мере	23	22	36	28	22	24	28	28	24	28
Совершенно не чувствую	59	62	41	55	64	60	41	39	60	36
Затруднились ответить	8	9	7	4	4	6	3	4	6	7
Число опрошенных	3000	950	1600	1600	1600	1600	1600	1600	1600	1600

Таблица 7

Вопрос «Как вы считаете, в какой мере вы можете повлиять на то, что происходит в стране?»

Ответ	Год и месяц опроса								
	2006 X	2008 VI	2009 VI	2016 VI	2017 X	2018 X	2019 IX	2020 IX	2021 X
В полной мере	1	1	1	2	2	4	5	8	7
В значительной мере	3	3	1	3	3	6	6	8	8
В незначительной мере	15	16	10	17	21	25	27	26	30
Совершенно нет	75	75	81	73	68	62	58	55	51
Затруднились ответить	7	5	7	4	6	3	4	3	4
Число опрошенных	3000	1600	900	1600	1600	1600	1600	1600	1600

быть настороже, очень бдительными и осторожными. То же касается и отношения к институтам представительской и исполнительной власти (кроме Президента), к администрациям разного

уровня (федерального, регионального, местного) (рис. 1).

2. Недоверие к финансовым учреждениям (банкам, страховым корпорациям) обуслов-

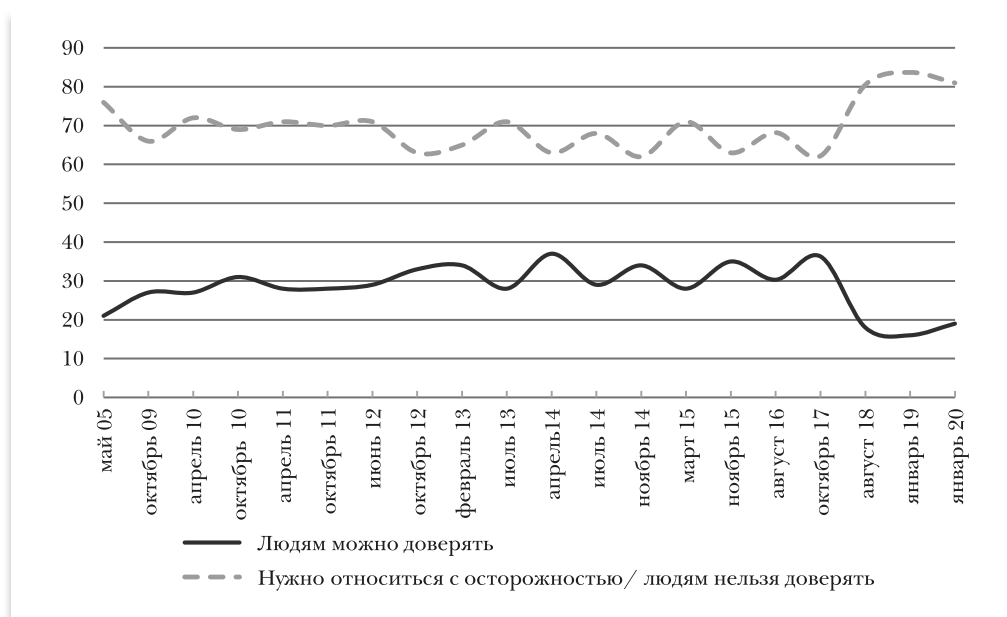


Рис. 1

Ответы на вопрос «Как вы считаете, людям можно доверять или осторожность в отношениях с людьми никогда не помешает?» (число опрошенных – 1600)

лено накопленным и трудно изживаемым опытом обмана населения государством, произвольно меняющего правила игры, памятью о сгоревших накоплениях советского времени, в годы перестройки, монетизацией льгот в 2005 г., заморозкой частных пенсионных вкладов, а также – недавним повышением пенсионного возраста, вызвавшим возмущение и чувство несправедливости (конфликт между двумя философиями пенсии – индивидуальные сбережения или государственной компенсации по утрате трудоспособности)³.

3. Недоверием к правительству и депутатскому корпусу, низкой оценке их работы, не верие в то, что заявленные программы социального характера будут реализованы в интересах рядовых людей, а не коррумпированных групп во власти. Приведу данные за 2020 г., типичные распределения мнений за последние несколько лет (после пенсионной реформы, но до начала СВО в Украине) (рис. 2)⁴.

4. Насилие и произвол по отношению к людям. Так, по некоторым данным, 25% населения

сталкивались с различными формами полицейского произвола и незаконного поведения, 10% прошли через пытки, побои и издевательства (Гудков, Зоркая, Кочергина, 2019). Огромная часть населения имеет лагерный опыт, собственный или кого-то из членов семьи (имели судимость в прошлом, по разным оценкам, не менее 15% населения, преимущественно – мужчин). Все это сформировало стратегию жизненного поведения, сводящуюся к установкам на физическое выживание в условиях правовых институтов, не способных защищать интересы обычных граждан. Поэтому доверие проявляется только по отношению к самым близким людям, зоне непосредственного взаимного личного контроля, а это вынуждает обывателя ограничиваться самыми элементарными потребностями, не строя планов на будущее. Характер потребления был и остается основой социальной стратификации, оценки достоинства людей (при ясном понимании, что благополучие достигается не трудовыми усилиями или способностями, а связями с властью). Поэтому горизонт планирования своей жизни у абсолютного боль-

³ Характерным примером, иллюстрирующим это стойкое недоверие, служат показатели крайне низкой готовности к вакцинации в условиях пандемии. Такое поведение кажется абсурдным и иррациональным (36–38% в РФ против 57% – в США) (Общественное мнение, 2020, с. 68).

⁴ Все, что меньше 40% «полного доверия» на рис. 2, означает либо серую зону смешанного частичного доверия и недоверия, либо полного недоверия. Минимальным доверием пользуются те институты, которые должны, по идее, быть представителями массовых социальных интересов – профсоюзы, политические партии, парламент, суды, финансовые учреждения, местные органы власти.



Рис. 2

Ответы на вопрос «В какой мере, на Ваш взгляд, заслуживают доверия ...?»

Примечание. Данные по позиции «вполне заслуживают»; число опрошенных — 1600. Август, 2020 г.

шинства россиян не превышает двух-пяти месяцев. Таковы параметры располагаемых ресурсов.

* * *

Подводя итоги, приходится констатировать, что стратегия «понижающей адаптации», свойственная абсолютному большинству российского населения, оказывается разрушительной для общества, нуждающегося в иллюзиях и вере в «доброе государство» как условие и основы терпения, и социальной стабильности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Гудков Л. (2001). Реформы и процессы общественной примитивизации. Кто и куда стремится вести Россию?... Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: Интерцентр. С. 283–297. [Gudkov L. (2001). *Reforms and processes of social primitivization. Who is trying to lead Russia and where?... Actors of macro-, meso- and micro-levels of the modern transformation process.* Moscow: Intercenter, 283–297 (in Russian).]
- Гудков Л. (2002). Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. В кн.: «Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ». М.: Институт фило-

софии РАН, Институт этнологии и антропологии РАН. С. 134–147. [Gudkov L. (2002). Russian neotraditionalism and resistance to change. In: *Multiculturalism and transformation of post-Soviet societies.* Moscow: Institute of Philosophy RAS, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 134–147 (in Russian).]

- Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е. (2019). Насилие в правоохранительных органах: конфликты, давления, пытки // *Вестник общественного мнения.* № 1–2 (128). С. 86–123. [Gudkov L., Zorkaja N., Kochergina E. (2019). Violence in law enforcement: conflicts, pressure, torture. *The Russian Public Opinion Herald*, 1–2 (128), 86–123 (in Russian).]
- Есть мнение! Итоги социологического опроса (1990). М.: Прогресс. [There is an opinion! *The results of a sociological survey* (1990). Moscow: Progress (in Russian).]
- Общественное мнение — 2020. Ежегодник. (2020). М.: Левада-Центр. (2020). [Public opinion — 2020. *Yearbook.* (2020). Moscow: Levada Analytical Center (in Russian).]
- Общественное мнение. Ежегодник 2021 (2022). М.: Левада-Центр. [Public opinion. *Yearbook 2021*

(2022). Moscow: Levada Analytical Center (in Russian).]

Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. (1993). М.: Мировой океан. [*Soviet ordinary man: The experience of*

a social portrait at the turn of the 90s (1993). Moscow: World Ocean (in Russian).]

Поступила в редакцию 17.08.2022

Received 17.08.2022

L. D. Gudkov

Levada Analytical Center, Moscow, Russia

Inertia of state paternalism and its consequences

Abstract. The massive desire to change the state and political system of late socialism in the late 1980s – in the first half of the 1990s led to the emergence of many new public organizations and real competition between the political parties, to freedom of the media, religious associations, everything that forms a “society” as a system of social relations based on mutual interests and solidarity. These processes have given rise to hopes for the country’s exit from a long state of stagnation to democratization, turning it into a “normal country”, the same as other developed countries of the West. But by the end of the 1990s, the negative consequences of protracted and half-hearted institutional reforms turned into mass disillusionment with the ideology of reforms, distrust of democratic parties, the need for stability, craving for conservatism and hopes for a strong leader who could return “order” to the people, a sense of security, predictability of everyday existence, guaranteed prosperity and confidence in tomorrow. Illusions of the transition period were replaced by conservative views and the restoration of state paternalism as ideological residues of Brezhnev’s socialism. Data of sociological research shows, that hopes for the state paternalism over ordinary people are now combined with a pronounced distrust of the social institutions of state, political passivity and refusal to participate in public activities. Trust is limited only to the sphere of private existence. In this regard, “society” in the sociological sense can be considered per se only with a high degree of conditionality.

Keywords: *state paternalism, society, ideology of socialism, mass social guidelines, institutional and interpersonal trust, responsibility, strategy of downward adaptation.*

JEL Classification: Z1, Z10, Z13, Z18.

For reference: **Gudkov L.D.** (2022). Inertia of state paternalism and its consequences. *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 153–161. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-11

А.П. Заостровцев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

Провалы общества: как их понимать?

Аннотация. В статье рассматривается концепция провалов общества. В первую очередь обращается внимание на ценностный характер этого понятия. То, что, с точки зрения внешнего наблюдателя, может трактоваться как провал, для инсайдера будет нормальным состоянием. Более того, последний, возможно, и не захочет обменять жизнь в привычной ему традиционной среде, составляющей его социальную идентичность, на что-то иное, представляющееся внешнему наблюдателю само собой предпочтительным. Провалы общества описываются как далекие от реальности лексикографические предпочтения. Наиболее характерным примером является религиозный фундаментализм. При его доминировании провалы общества неизбежны. Однако и получившие распространение современные общественные догматы, оказывающие сильное влияние на Западе в рамках так называемой новой этики, вполне могут трактоваться как провалы общества. В итоге мир потерял ориентир, а авторитарные (неототалитарные) практики не испытывают сильного противодействия. Оценивая глобальные процессы, вполне можно констатировать провал земной цивилизации в целом в силу утраты идеального образа будущего. Конструктивистские решения не в состоянии исправить положение дел. Мир либо вылечит себя сам в силу спонтанно-институциональных изменений, либо продлит состояние упадка.

Ключевые слова: провал общества, лексикографические предпочтения, ценности, религия, хрупкие государства, упадок демократии.

Классификация JEL: P00, P40, P47.

Для цитирования: **Заостровцев А. П.** (2022). Провалы общества: как их понимать? // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 5 (57). С. 161–167. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-12

1. Введение

Постановка вопроса о провалах общества лишь на первый взгляд кажется инновационной. На самом деле она давно интересует увлеченных историей экономистов, представителей исторической социологии, да и просто историков. В отличие от концепции провалов рынка или даже провалов государства, речь здесь идет не о статических отклонениях от Парето-эффективных состояний, ставших объектами изучения в разделе микроэкономики под именем «экономика благосостояния» (welfare economics). Проблема провалов общества кратко и четко сформулирована в заголовке книги Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона в подлинном, английском ее издании – «Почему нации проваливаются?» (Acemoglu, Robinson, 2012). И их следующая книга посвящена все той же проблеме (Acemoglu, Robinson, 2019). Разумеется, этими авторами список исследующих проблему природы процветания одних обществ и упадка других далеко не ограничивается.

Обсуждение проблемы стоит начать с определения того, а что есть провал общества. Каков критерий (критерии) этого провала? И тут сразу появляется вопрос, а судьи кто. Как будет показано далее, выбор критериев провала зависит от ценностей судей. В результате то, что кажется провалом одному, совсем не кажется таковым другому. Следовательно, применительно к одной и той же ситуации один заявит, что наблюдаемое общество больно и нуждается в лечении, другой же, напротив, будет утверждать, что перед нами вовсе не больное общество, а обладающее всем необходимым потенциалом для дальнейшего развития.

К вопросу о лечении. Так ли могуществен социальный конструктивизм? Возможно ли волей сверху поменять базовые, исторически укорененные институты? И заменить их на новые, заранее спланированные и более совершенные конструкции. А может быть, все-таки стоит вспомнить слова Фридриха фон Хайека о том, что «многие общественные институты, представляющие собой необходимое условие успешного достижения сознательных целей, по сути дела, являются результатом обычаев, привычек или установившихся практик, которые не были изобретены и соблюдаются без преследования какой-либо цели» (Хайек, 2006, с. 30).

2. Провалы и ценности

Обратимся для начала к элементарной теории провалов рынка. Все там кажется математически выверено: предельные общественные издержки производства блага в силу передачи какого-то негативного воздействия от него на незаинтересованную третью сторону начинают превышать предельные частные издержки. В результате чисто рыночный результат не совпадает с Парето-эффективным. Поэтому (если отвлечься от абстрактной возможности коузианского решения) на выручку приходит мудрое государство и имеющимися в его руках инструментами насилия (налоги, нормативы выбросов и пр.) подтягивает линию предельных частных издержек до линии общественных.

Оставим в стороне вопрос о всезнайстве государства, которое в глазах некоторых способно все увидеть и все просчитать. Нас здесь интересует другое: а кто решил сам вопрос о наличии, допустим, *негативных* экстерналий? И нетрудно заметить, что подобного рода вопросы решаются, в конечном счете, группами с доминирующими в обществе ценностями, а не расчетами каких-то физических показателей загрязнения. Например, где-нибудь в 1960–1970-е годы, когда в проходах вагонов поездов дальнего следования через каждые три метра были пепельницы, невозможно было даже представить современную политику борьбы с курением, запрещающим такое же на перронах и вблизи вокзалов (не говоря уже о самих вокзалах). Очевидно, что без смены доминирующих в обществе ценностей такая жесткая политика была бы невозможной.

Аналогично можно сказать о современной зеленой повестке дня, разрушающей энергетику и прочие жизнеобеспечивающие производства (например, сельское хозяйство). Недаром приверженность ей американский экономист Дипак Лал сравнивал с религиозной верой. «Попытки вести с “зелеными” разумную дискуссию бесплодны. Их позиция не основана на логике – она представляет собой новую “светскую религию”» (Лал, 2010, с. 245).

Вот тут-то уже наблюдается провал общества, которое предпочитает вытерпеть многое ради высшей ценности. По большей части, мифической, но от того – еще более всепроникающей. Государство, реализующее зеленую политику, выступает как простой исполнитель социального заказа

снизу, хотя может при этом преследовать и какие-то свои корыстные интересы, а также выступать раздатчиком рент для каких-то бизнес-групп (например, производителей панелей солнечных батарей и т.п.). Тем не менее, сначала – идеи, а потом уж – интересы. Не идеи пристают к интересам, а интересы – к идеям. «Идеи обладают реальным существованием и являются истинными силами, формирующими ход событий» (Мизес, 2007, с. 67).

Провалы общества связаны с наличием у масс устойчивых во времени лексикографических предпочтений высших ценностей¹. Их швейцарский экономист Петер Бернхольтц сделал исходной точкой изучения тоталитаризма. Определяя эти ценности, он писал: «Ресурсы тратятся на другие цели только тогда, когда они не нужны для достижения целей, заданных высшими ценностями. Иначе говоря, все и вся должны быть принесены в жертву, если это необходимо для воплощения высших ценностей. Высшие ценности обычно являются составляющими всеобъемлющей идеологии, взгляда на мир (Weltanschauung). И в силу их природы они считаются абсолютными истинами их приверженцами» (Bernholz, 2019, p. 849).

П. Бернхольтц подчеркивает способность людей (отличающую их от животных) изобретать высшие ценности, причем они могут находиться в конфликте с объективной реальностью. В этом и заключается их опасность. «Люди могут создавать неверные образы реальности. Эти опасности – типично человеческая болезнь, не присущая никаким другим животным, и она привела ко многим ужасным событиям в истории человечества. Она тем серьезнее, чем дальше цели в человеческом воображении расходятся с повседневным опытом» (ibid., p. 850).

Таким образом, на данном этапе можно выделить две характеристики высших ценностей: во-первых, они бескомпромиссны, о чем говорят лексикографические предпочтения; во-вторых, они часто расходятся с реальностью. В совокупности эти два их качества и создают провал общества. При этом на практике, конечно, они воплощаются с разной полнотой. Чем выше бескомпромиссность и длиннее эта дистанция – тем глубже провал. И наоборот.

Для иллюстрации этого тезиса обратимся к последней, седьмой волне глобального опроса «Всемирный обзор ценностей». По ее результатам была составлена культурная карта мира Инглхарта-Вельцеля² (World value survey 7, 2022). На этой

карте по оси ординат традиционные ценности сопоставляются с секулярными, по оси абсцисс – ценности выживания с ценностями самовыражения. Если убрать из африкано-исламского сектора нефтедобывающие страны, то там останутся страны с самыми низкими показателями ВВП на душу населения (Бангладеш, Эфиопия, Зимбабве, Йемен, Таджикистан и т.п.). Однако вряд ли отказ от традиционных ценностей в данных странах возможен, сколько бы ни убеждали их население в том, что именно приверженность им во многом ответственна за низкий уровень жизни. Это – к вопросу о лечении провалов общества.

В то же время, глядя на эту карту, нетрудно увидеть, что на благосостояние влияют особенности самой культуры. Принадлежность к конфуцианской традиции не только не снижает уровня жизни, но и ведет к явному прогрессу в этой области. Достаточно обратить внимание на такие страны, как Япония, Южная Корея, Тайвань и др. При этом важно подчеркнуть, что эта традиция не препятствует секулярным ценностям. Данное обстоятельство не вызывает удивления, поскольку конфуцианство – это скорее не религия, а политическое учение.

В целом можно утверждать, что чем менее религиозна нация, тем реже она проваливается. В этом плане вечно актуально известное выражение Карла Маркса о религии как «опиуме народа» (Маркс, 1955, с. 415). В исследовании Института Гэллага была четко выявлена зависимость: чем религиозней – тем беднее (см. таблицу). Религиозный фундаментализм совершенно определенно представляет собой провал общества. Без его преодоления этот провал остается надолго, если не навсегда³.

В этой связи можно высказать гипотезу о том, что успехи СССР в области научно-технических свершений были отчасти связаны и с освобождением массового сознания от религиозных догм, происходившим благодаря как широкой пропаганде, так и качественному преподаванию естественных наук и инженерно-технических дисциплин. Даже атаки официального марксизма как светской религии против отдельных научных направлений (кибернетика, генетика) не стали фатальными, хотя и отбросили исследования на много лет назад.

Если взять развитый мир, то с не меньшим основанием можно предположить, что секуляризация массового сознания со второй половины XIX

¹ Представим себе, что выбор делается между мезью за оскорбленные религиозные чувства (X) и золотыми слитками (Y). В этом случае набор $A(X_1, Y_1)$ предпочтительнее набора $B(X_2, Y_2)$ всегда, если только $X_1 > X_2$, независимо от соотношения величин Y_1 и Y_2 . И лишь когда $X_1 = X_2$, в сравнении наборов принимается во внимание количество блага Y .

² Она названа так по имени социологов Рональда Инглхарта (1934–2021) и Кристины Вельцеля, ставших основателями этого проекта.

³ В период 1962–1972 гг., когда доходы от экспорта нефти были весьма скромными, экономика шахского Ирана росла темпами на уровне 10% в год и страна удвоила ВВП на душу населения за это время. Пик этого показателя 1975 г. был превзойден при фундаменталистском режиме аятолл только в результате взлета цен на нефть в начале XX в., примерно 30 лет спустя (Isfahani, 2019).

Таблица

Ответы на вопрос «Является ли религия важной составной частью вашей жизни?»

Доход на душу населения, долл.	Да, %	Нет, %
0–2000	95	5
2001–5000	92	7
5001–12 500	82	17
12 501–25 000	70	28
25 000 +	47	52

Источник: Crabtree, 2010.

и начала XX в. тоже внесла свой положительный вклад в вал открытий и изобретений, которым во многом еще питается современное человечество. Ведь если бог мертв, то исчезает надежда заменить знания молитвой в стремлении к благополучию. Приходится полагаться исключительно на их развитие и эффективное применение.

Однако конец XX в. породил в развитых странах религию без бога (чем она напоминает официальный советский марксизм), так называемую новую этику, в рамках которой с помощью зеленой и прочих повесток дня наблюдается очевидный провал обществ, шедших ранее во главе прогресса. Эта тема подробно освещена в работах (Коцюбинский, 2022; Яновский и др., 2018).

3. Судить о провале — на основании чего?

Не секрет, что в мире существует «Индекс хрупких государств» (Fragile State Index⁴), где их хрупкость оценивается по следующим 12 показателям, объединенным в четыре группы: 1) сплоченность: аппарат безопасности, фракционность элит, угнетение групп; 2) экономика: экономический упадок, неравномерное экономическое развитие, отток людей и утечка мозгов; 3) политика: легитимность государства, общественные услуги, права человека и верховенство права; 4) социальная среда: демографическое давление, беженцы и перемещенные лица, внешнее вмешательство⁵.

По всей видимости, можно допустить, что, как минимум, первая десятка стран в рейтинге 2022 г. не вызовет больших разногласий по вопросу

отнесения их к провалившимся обществам (Йемен, Сомали, Сирия, Южный Судан, Центральная Африканская Республика, Демократическая Республика Конго, Судан, Афганистан, Чад, Мьянма) (ibid.). Как правило, это — страны, пораженные массовым голодом, этническими столкновениями и гражданскими войнами и пр. Тут уж не до экономики и развития.

Тем не менее, места ряда стран в этом рейтинге будут оспариваться. Так, Китай занимает 98 место (всего оценивается 179 стран, иначе говоря, 81 страна — менее хрупкая, чем Китай) преимущественно по причине оценок по таким показателям, как права человека (9,7) и легитимность государства (8,2)⁶ (ibid.). Проблема в том, что это оценки внешнего наблюдателя, приверженца западных ценностей. Внутренний потребитель оценивает это по-другому. Известный востоковед Алексей Маслов пишет: «Китаец может умереть за семью, за народ и правителя, а свобода сама по себе — это абстракция, которая не имеет воплощения» (Маслов, 2020). Еще более отличны от западных китайские традиционные представления о легитимности государства⁷.

В оценочных (нормативных) суждениях существует два несовместимых подхода. Первый — *консеквенциалистский*, когда социальный порядок оценивается не его собственными качествами, а достигнутыми результатами (темпами экономического роста, ВВП на душу населения и т.п.). Все остальное — вторично или даже вовсе не имеет значения. Такое видение назвали тезисом Ли, по имени легендарного премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю⁸.

⁴ Fragile State Index, 2022 (<https://fragilestatesindex.org>).

⁵ Fragile State Index, 2022.

⁶ В рейтинге оценки варьируют от 1 до 10, и чем выше оценка, тем более хрупким является государство.

⁷ «Оставить выбор предводителя прозрачности народа — не та стратегия, которая может легко зарекомендовать себя в Пекине. Это не может естественным и практическим образом следовать из тысячелетней политической истории Китая или из его интеллектуальной истории, на которую она наложила такой глубокий отпечаток» (Данн, 2016, с. 106).

⁸ В своей книге о пути Сингапура «из третьего мира — в первый» он писал: «Мы не следовали их (американских ученых. — А.З.) схеме развития и прогресса, согласно которой, страна, достигшая определенного уровня развития свободной рыночной экономики и процветания, должна быть похожа на Америку — демократической, свободной и не имеющей ограничений свободы печати» (Ли, 2005, 466).

Противоположный подход — *деонтологический*, когда оправданность общественного устройства определяется не результатами его функционирования, а моральной оценкой его самого. Такой позиции придерживается, в частности, индийский экономист Амартья Сен: «Политическая свобода и гражданские права важны сами по себе и не требуют доказательства своей экономической полезности» (Сен, 2004, с. 33). В этом случае свобода на колбасу не меняется. В классическом либерализме в отношении свободы формируются лексикографические предпочтения.

В итоге у сторонников первого подхода Китай будет трактоваться как общество не провалившееся, а совсем наоборот: идущее к процветанию и глобальному лидерству. Сторонники же второго увидят в нем настолько глубоко провалившееся общество, насколько грубо в нем попираются права человека, суверенитет личности.

Кто же прав? Тут можно только вспомнить слова Марка Блауга: «Нет таких методов для примирения расходящихся нормативных ценностных суждений — кроме демократических выборов и перестрелок на баррикадах» (Блауг, 2004, с. 194). Поскольку ни те, ни другие в академической среде не предвидятся, то спор повисает в воздухе.

4. Заключение

В недавнем прошлом в пользу западного правового порядка играли два обстоятельства.

Во-первых, принятие этой модели общественной организации все большим числом стран. После краха социализма даже появился термин «*переходное общество*». Имелся в виду переход от тоталитарных социалистических порядков к либеральному миру. Однако «конец истории» не состоялся, и ныне происходит все более заметное обратное движение⁹.

Во-вторых, западный правовой порядок перестает быть либеральным и правовым (если иметь в виду верховенство права). «В начале XXI века Запад как цивилизационное целое решил бросить вызов своим правовым культурно-историческим основам. А именно, догматам о *неприкосновенности личности, неприкосновенности ее социально-правового статуса и неприкосновенности частной собственности*» (Коцюбинский, 2022, с. 157). Так кому он тогда нужен, если он становится не нужен самому себе? Кому он может служить «путеводной звездой»? Под лозунгом «*делай, как там, и заживешь!*».

Поэтому, говоря о провалах общества, не стоит в наше время искать тех, кого эти провалы минуют. И даже не столь принципиален вопрос об их глубине. По всей видимости, проваливается земная цивилизация в целом. Восток — по-своему, Запад — по-своему. Надо честно признать, что религия прогресса (грядущего светлого либерального будущего на Земле) утрачивает, как говорят рок-рольщики, свой драйв. Упадок наблюдается везде и во всем.

Возможно, резкое спонтанное изменение институтов принесет какой-то позитивный сдвиг. Однако если оно произойдет, то само собой, неожиданно для человечества и его «мудрецов». Никакой лекарь не в состоянии его выдумать и имплантировать в больной организм.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Блауг М.** (2004). Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М.: НП «Журнал Вопросы экономики». [Blaug M. (2004). *The methodology of economics or how economists explain*. Moscow: NP «Journal Problems of Economics (in Russian).]
- Данн Д.** (2016). Не очаровываться демократией. М.: Изд-во Института Гайдара. [Dann D. (2016). *Breaking democracy's spell*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House (in Russian).]
- Коцюбинский Д.А.** (2022). Новый тоталитаризм XXI века. Уйдет ли мода на безопасность и запреты, вернется ли мода на свободу и право? СПб.: Стратегия. [Kotsjubinskii D.A. (2022). *New totalitarianism of the 21st century. Will the fashion for security and prohibitions go away, will the fashion for freedom and right return?* Saint Petersburg: Strategija (in Russian).]
- Лал Д.** (2010). Похвала империи. Глобализация и порядок. М.: Новое издательство. [Lal D. (2010). *The praise of empires. Globalization and order*. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).]
- Ли Куан Ю.** (2005). Сингапурская история: из «третьего мира — в первый». М.: МГИМО–Университет МИД России. [Li Kuan Yu.

⁹ Проводящий наиболее обстоятельные исследования состояния демократии в мире V-Dem Institute (Институт разнообразия демократии) в Гётеборгском университете (Швеция) в своем последнем докладе за 2022 г. зафиксировал знаменательное событие: «Уровень демократии, которым наслаждается среднмировой гражданин в 2021 г., опустился до уровня 1989 г. Последние 30 лет демократического продвижения стерты» (V-Dem Institute, 2022). Выходит, состоялось возвращение к эпохе до краха социализма.

- (2005). *The Singapore story. From third world to first*. Moscow: MGIMO–University at MFA of the Russian Federation (in Russian).]
- Маркс К.** (1955). К критике гегелевской философии права. Введение. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.: Госполитизат. С. 414–429. [**Marks K.** (1955). *To the criticism of the Hegelian philosophy of law. Introduction*. Moscow: Gospolitizat, 414–429 (in Russian).]
- Маслов А.** (2020). Что такое цифровой тоталитаризм, и возможен ли он в России? Режим доступа: <https://www.rbc.ru/trends/industry/5e8b4e8f9a79470a17e8cb09> [**Maslov A.** (2020). *What is digital totalitarianism and is it possible in Russia?* Available at: <https://www.rbc.ru/trends/industry/5e8b4e8f9a79470a17e8cb09> (in Russian).]
- Мизес Л. фон** (2007). Теория и история: интерпретация социально-экономической эволюции. Челябинск: Социум. [**Mises L. von** (2007). *Theory and history: An interpretation of socio-economic evolution*. Chelyabinsk: Sotsium (in Russian).]
- Сен А.** (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство. [**Sen A.** (2004). *Development as freedom*. Moscow: Novoe izdatel'stvo (in Russian).]
- Хайек Ф.А. фон** (2006). Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН. [**Hayek F.A. von** (2006). *Law, legislation and freedom. Modern understanding of liberal principles of justice and politics*. Moscow: IRISEN (in Russian).]
- Яновский К., Жаворонков С., Черный Д., Затковецкий С.** (2018). Стратегия долгосрочного процветания: в поисках растаявшего ориентира. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. [**Yanovskii K., Zhavoronkov S., Chernyi D., Zatkovetskii S.** (2018). *Long-term prosperity strategy: In search of melted benchmark*. Moscow: Delo at RANEPА (in Russian).]
- Acemoglu D., Robinson J.** (2012). *Why nations fail? The origin of power, prosperity and poverty*. New York: Crown Business.
- Acemoglu D., Robinson J.** (2019). *The narrow corridor: State, societies and the fate of liberty*. New York: Penguin Press.
- Bernholz P.** (2019). Supreme values, totalitarianism, and terrorism. In: *The Oxford handbook of public choice*. Vol. 1. Ed. by R.D. Congleton, B. Grofman, S. Voigt. Oxford: Oxford University Press, 849–868.
- Crabtree S.** (2010). *Religiosity highest in a World's poorest nations*. Available at: <https://news.gallup.com/poll/142727/religiosity-highest-world-poorest-nations.aspx>
- Isfahani D.S.** (2019). *Iran's economy 40 years after the Islamic revolution*. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/03/14/irans-economy-40-years-after-the-islamic-revolution>
- V-Dem Institute** (2022). *Democracy Report 2022. Autocratization changing nature?* Available at: https://v-dem.net/media/publications/dr_2022.pdf
- World value survey 7** (2022). *The Inglehart–Welzel world cultural map*. Available at: <http://www.worldvaluessurvey.org>

A.P. Zaoztrovtssev

HSE University, Saint Petersburg, Russia

The failures of society: How to understand them?

Abstract. The article deals with the concept of the failures of society. First of all, attention is drawn to the value nature of this concept. What, from the point of view of an external observer, can be interpreted as a failure, for an insider will be a normal state. Moreover, the latter, perhaps, will not want to change life in the traditional environment familiar to him, which constitutes his social identity, for something else, which seems preferable for an external observer. The failures of society are described as far from reality lexicographical preferences. The most typical example is religious fundamentalism. With its dominance, the failures of society are inevitable. However, modern social dogmas, which have become widespread and strongly influential in the West in the framework of the so-called new ethics, may well be interpreted as failures of society. As a result, the world has lost its orientation and authoritarian (neo-totalitarian) practices do not experience strong opposition. Assessing global processes, it is quite possible to state the failure of the Earth's civilization as a whole due to the loss of an ideal image of the future. Constructivist solutions are not able to correct the state of affairs. The world will either heal itself through spontaneous institutional change or prolong its state of decline.

Keywords: *failure of society, lexicographical preferences, values, religion, fragile states, decline of democracy.*

JEL Classification: P00, P40, P47.

For reference: **Zaoztrovtssev A.P.** (2022). The failures of society: How to understand them? *Journal of the New Economic Association*, 5 (57), 161–167. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-57-5-12

Журнал Новой экономической ассоциации

Дизайн

В. Валериус

Компьютерная верстка

В. Бондаренко

Редактор

И. Шитова

Издатель: АНО «Журнал Новой экономической ассоциации»

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, офис 1100(б)

Тел. +7 (495) 718-98-55

E-mail: tizina@mail.ru

Подписано в печать: 05.12.2022

Формат: 70x108 1/16

Бумага офсетная: Печать офсетная

Уч-изд. л. 22

Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Технологии рекламы»

127051, Москва, Цветной бульвар, д. 24, корпус 2

Тел.: +7 (495) 215 0330

www.teca.ru

info@teca.ru

Заказ № 221205-0390

Подписной индекс журнала в каталоге Агентства «Роспечать» 37158

Перепечатка материалов из «Журнала Новой экономической ассоциации» только по согласованию с редакцией.